

БРЕНДОН САНДЕРСОН

Звезды
НОВОЙ
Фэнтези

Космер

Тайная история

Брендон Сандерсон
Космер: Тайная история
Серия «Звезды новой фэнтези»
Серия «Космер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70120603

*Космер: Тайная история: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург;
2024*

ISBN 978-5-389-24850-2

Аннотация

Космер – уникальная вселенная, созданная воображением одного из популярнейших авторов в жанре фэнтези. Здесь у каждого мира собственная магическая система. Здесь можно пешком перебираться с планеты на планету. Здесь разворачиваются изощренные, головокружительные сюжеты циклов-бестселлеров «Рожденный туманом», «Архив Буресвета», «Двурожденные», «Белый песок», а также романов «Элантрис» и «Локон с Изумрудного моря». По замыслу Сандерсона, полный цикл о Космере составит не менее сорока книг.

Повесть «Душа императора» была удостоена премии «Хьюго», а «Гранетанцор» – это новый мини-роман из цикла «Архив Буресвета».

Впервые на русском!

Содержание

Благодарности[1]	7
Предисловие[2]	10
Селийская система	13
Селийская система[3]	15
Душа императора[4]	18
Пролог	20
День второй	23
День третий	43
День пятый	57
День двенадцатый	59
День семнадцатый	69
День тридцатый	78
День сорок второй	96
День пятьдесят восьмой	102
День пятьдесят девятый	108
День семидесятый	113
День семьдесят шестой	119
День восемьдесят пятый	137
День девяносто седьмой	140
День девяносто восьмой	144
Эпилог	174
Надежда Элантриса[5]	184
Постскриптум	215

Скадриальская система	218
Скадриальская система[6]	220
Одиннадцатый металл[7]	224
Конец ознакомительного фрагмента.	243

Брендон Сандерсон

Космер: Тайная история

*Посвящается Натану Хэтфилду, оказавшему
неоценимую помощь в рождении Космера*

Brandon Sanderson

ARCANUM UNBOUNDED: THE COSMERE
COLLECTION

Copyright © 2016 by Dragonsteel Entertainment, LLC

Interior illustrations by Isaac Stewart and Ben McSweeney

© Dragonsteel Entertainment, LLC

Published by permission of the author and his literary
agents, JABberwocky Literary Agency, Inc. (USA) via Igor
Korzhenevskiy of Alexander Korzhenevski Agency (Russia).

All rights reserved

© А. Жаворонков, перевод, 2023

© И. И. Колесникова, перевод, 2023

© Н. Г. Осояну, перевод, 2023

© Ю. Ю. Павлов, перевод, 2023

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

КНИГИ БРЕНДОНА САНДЕРСОНА

Цикл «Архив Буресвета»

Путь королей
Слова сияния
Давший клятву
Ритм войны

•

Цикл «Рожденный туманом»

Пепел и сталь
Источник Вознесения
Герой Веков

•

Цикл «Двурожденные»

Сплав закона
Тени истины
Браслеты Скорби
Утраченный металл

•

Цикл «Устремленная в небо»

Устремленная в небо
Видящая звезды

•

Легион. Стивен Лидс и множество его жизней

•

Убийца войн

Благодарности¹

Если бы я отдельно поблагодарил каждого, кто помогал мне в работе над этими произведениями, этот раздел вышел бы не менее длинным, чем сами произведения! Поэтому я упомяну лишь тех, кто приложил силы к изданию конкретно этого сборника (а также команду, трудившуюся над «Гранетанцором» – повестью, написанной специально для этого издания).

Тем не менее я хочу от всего сердца поблагодарить тех, кто все эти годы помогал мне с малой прозой. В начале карьеры я бы даже не осмелился назвать себя автором малой прозы, но десять лет практики не прошли даром, и вот результат. Впрочем, хочу отметить, что я весьма вольно трактую слово «малая». Некоторые произведения здесь чересчур длинные, чтобы называться малой прозой.

Все это время мне помогали замечательные люди, имена большинства из которых вы уже встречали в предисловиях к моим романам. Мне несказанно повезло, что так много людей вдохновляли меня, поддерживали и делились советами.

Что касается книги «Космер: Тайная история», то прекрасные форзацы, звездные карты и символы нарисовал Айзек Стюарт. Иллюстрации к историям принадлежат Бену

¹ Перевод Ю. Павлова.

Максуини. Обложку нарисовал Дэйв Палумбо, а дизайнером выступил Грег Коллинз.

Редактировал сборник Моше Федер – редактор моих фэнтезийных романов. Официально он не был редактором представленных здесь рассказов и повестей, когда они выходили, но у него есть привычка делать правки в любых моих историях – абсолютно бесплатно! (Серьезно, он злится, если я не присылаю их ему, и отказывается от денег, когда я пытаюсь заплатить.) За все эти годы он выполнил уйму безвозмездной работы, помогая мне утвердиться в качестве автора малой прозы. За это он заслуживает дополнительной похвалы.

Как обычно, домашней редактурой руководил Мотивирующий Питер Альстром (в прямом смысле домашней – теперь он работает у меня дома). Питер собрал комментарии читателей, добавил свои редакторские пометки, подробно выделил связи между произведениями и отшлифовал то, что вышло после того, как я поработал напильником.

Корректором был Терри Макгэрри. Благодарю также Тома Догерти, Марко Палмиери, Пэтти Гарсия, Карла Голда, Рафала Гибека и Роберта Дэвиса из издательства «Tor».

Огромное спасибо моим агентам – Джошуа Билмесу в США и Джону Берлайну в Великобритании, – а также всем сотрудникам их агентств.

В группу альфа- и гамма-ридеров «Гранетанцора» входили: Элис Арнесон, Бен Олдсен, Боб Клутц, Брендон Коул, Брайан Т. Хилл, Дарси Коул, Дэвид Беренс, Эрик Джеймс

Стоун, Эрик Лейк, Гари Сингер, Иэн Макнэтт, Карен Альстром, Келлин Нойманн, Кристина Куглер, Линдси Лютер, Марк Линдберг, Мэтт Винс, Меган Канн, Никки Рэмзи, Пейдж Вест, Росс Ньюберри и Трей Купер.

Напоследок традиционно хочу сказать чистосердечное «спасибо» моей семье: Джоэлу, Даллину, Оливеру и Эмили. Вы классные!

Предисловие²

Космер всегда был полон секретов.

Я могу отметить несколько ключевых моментов, позволивших мне осуществить мой грандиозный замысел. Во-первых, появление Хойда, которого я придумал еще в школе. Это человек, связывающий между собой миры, не знающие о существовании друг друга. Человек, которому известна тайна, неведомая никому иному. Читая книги других авторов, я мысленно вставлял туда этого персонажа, воображая его случайным человеком из толпы, но при этом – участником какой-то другой истории внутри основного повествования.

Вторым моментом, позволившим мне связать свои планы воедино, стало прочтение поздних книг из «Галактического цикла» Айзека Азимова. Меня потрясло то, как он объединил рассказы про роботов и романы из цикла «Академия» в единый большой сюжет. Я понял, что хочу написать нечто подобное – эпический цикл невиданных доселе масштабов. Историю, которая протянется на века, оплетая собой множество миров.

Третий момент – дебют Хойда в полноценном романе. Я очень волновался, добавляя его в сюжет, не зная, сработает ли. На тот момент я еще не до конца сформулировал мои

² Перевод Ю. Павлова.

планы относительно Космера и имел лишь смутное представление о том, чего хочу.

Этим романом был «Элантрис». Следующая книга, которую я написал, – «Dragonsteel» – не была опубликована (она действительно вышла так себе). Но в ней я проработал биографию Хойда и предысторию вселенной, которую назвал Космером. Прошло еще несколько лет, прежде чем издательство согласилось напечатать «Элантрис», и к тому времени мои замыслы обрели четкую форму. «Рожденный туманом», «Архив Буресвета» и «Элантрис» заняли в них ключевую роль. В этом сборнике вы найдете истории, относящиеся ко всем этим циклам.

Могу предположить, что большинство моих читателей толком не знают, как связаны между собой все мои книги, в каждой из которых помимо основного сюжета прячется тайный. Мне это нравится. Я не раз говорил, что не хочу вынуждать читателей зазубривать наизусть все мои книги, чтобы получать от них удовольствие. Пока «Рожденный туманом» – это просто «Рожденный туманом», а «Архив Буресвета» – это «Архив Буресвета». Истории этих миров первостепенны.

Это не означает, что в них нет других намеков. Их там множество. Изначально я планировал, что отсылки к другим мирам будут гораздо менее существенными, но многим читателям они понравились, и я решил, что не должен слишком скупиться на скрытые истории внутри историй.

Да, я хожу по тонкому льду. Все мои истории задумывались как самодостаточные, по крайней мере в контексте тех миров, где происходят. Однако если вы любитель копнуть поглубже, то сможете узнать больше. Больше секретов, как сказал бы Кельсер.

Этот сборник приближает Космер к законченному варианту. Каждая история сопровождается предисловием Крисс, автора приложений «Ars arcanum» к моим романам. Также вы увидите звездные карты всех планетарных систем. Благодаря этому миры становятся связаны между собой крепче, чем прежде. Весь этот сборник предвосхищает будущие полноценные кроссоверы во вселенной Космера.

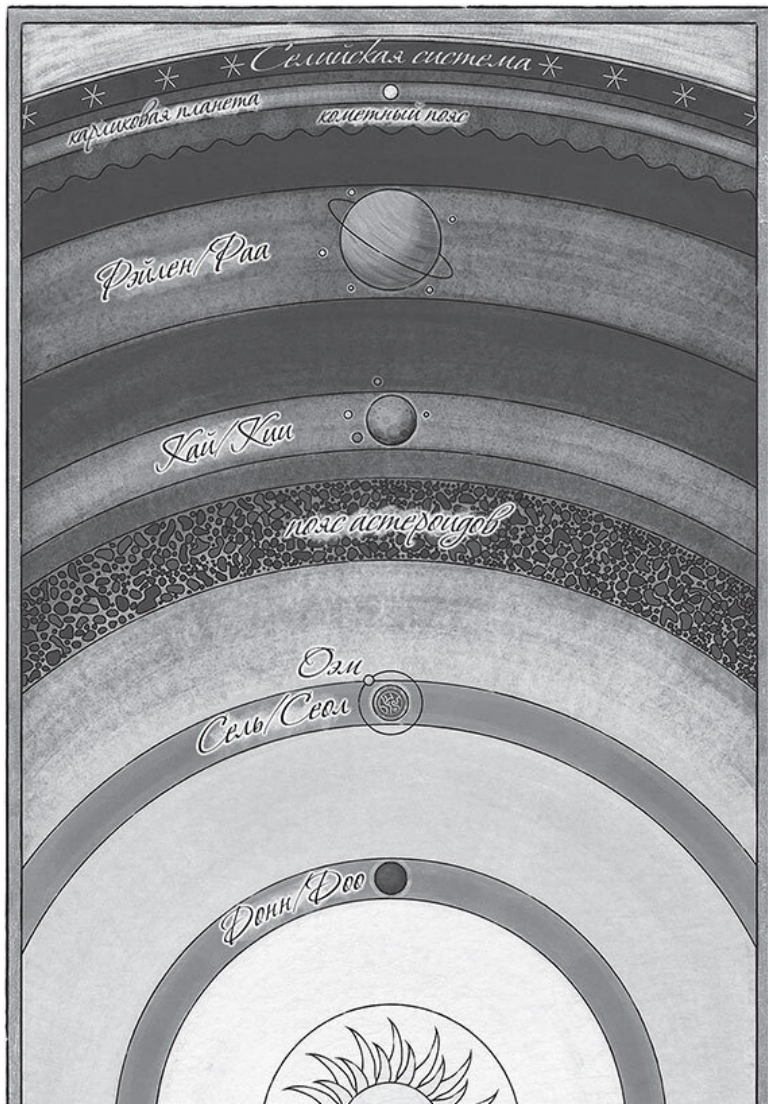
Но время для них еще не пришло. Если вам кажется, что это чересчур, то я хочу вновь отметить: все истории в этой книге можно читать отдельно. Хронологически некоторые происходят после событий уже опубликованных романов – это особо отмечено в начале каждой, чтобы вы могли избежать спойлеров.

Для чтения этих историй не нужны глубокие познания в Космере. По правде говоря, о большинстве значимых для Космера событий я еще не рассказывал, поэтому вы в любом случае не можете быть осведомлены обо всем.

Тем не менее обещаю, что этот сборник не только заставит вас задаться новыми вопросами, но и даст долгожданные ответы на некоторые из старых.

Селийская система

Селийская система³

Ключевой для этой системы является планета Сель – родина нескольких империй, которые невероятным образом до сих пор игнорируют друг друга. Это умышленное игнорирование – все три великие державы считают соседей несущественными пятнышками на карте, не заслуживающими внимания.

Этому способствует сама планета: она в полтора раза крупнее большинства средних космерских планет, а сила притяжения на ней в одну целую две десятых раза выше стандартной. Ландшафт ее разнообразен, континенты и океаны обширны, климатических зон крайне много для одной планеты. Здесь вы найдете и заснеженные равнины, и огромные пустыни – в свое первое прибытие сюда я сочла бы это удивительным, если бы уже не знала, что это естественно для многих планет Космера.

Сель примечателен тем, что входит в число тех немногих планет Космера, которые привлекли сразу двух Осколков Адональсиума: Владычество и Преданность. Эти Осколки весьма существенно повлияли на развитие человеческих обществ на планете, и большинство традиций и религий ведут свое начало от эпохи этих двух Осколков. Также они оказали непосредственное влияние на здешние языки и алфа-

³ Перевод Ю. Павлова.

ВИТЫ.

Я полагаю, что изначально Осколки были безразличны к людям и цивилизация развивалась благодаря постепенному знакомству человечества с силами, населяющими планету. Впрочем, достоверно доказать это сейчас не представляется возможным, ведь в какой-то момент, давным-давно, и Преданность, и Владычество были уничтожены. Их Инвеститура – их сила – была расщеплена, их разум разорван, а души отправились в Потусторонний мир.

Не знаю, осталась ли их сила на какое-то время бушевать бесконтрольно или сразу же была подчинена. Это случилось еще в доисторические времена.

В данный момент основная часть Инвеституры, составлявшей силу Владычества и Преданности, заключена в Когнитивной реальности. Общее название этой силы – точнее, двух противоборствовавших друг другу сил – Дор. Обе они находятся в постоянном поиске пути на свободу и питают многочисленные формы магии, которых на Селе великое множество.

Вследствие того, что Когнитивная реальность разделена на четкие области (в отличие от Духовной реальности, где обитает большинство форм Инвеституры), магия Селя зависит от географических координат. Кроме того, на Селе алгоритмы восприятия и намерения действуют настолько сильно, что даже речь – и подобные процессы – непосредственно влияет на магию, извлекаемую для использования из Когни-

тивной реальности.

Эта связь между языком, географией и магией настолько прочно укрепилась в системе, что даже незначительные изменения в одном из указанных компонентов могут серьезным образом повлиять на доступность Дор. Я убеждена, что сама поверхность планеты Инвестирована до такой степени, что обретает подобие самосознания, чего не встретишь на других планетах Космера. Не знаю, как это случилось и к каким последствиям может привести.

Я начинаю подозревать, что на Селе творится нечто большее, чем могли предполагать в университетах Серебросвета. Некий процесс, причины которого скрыты в глубине времен. Возможно, айри знают больше, но они избегают этой темы и отвечают отказом на все мои запросы о сотрудничестве.

Вкратце стоит упомянуть и о сущностях, известных как сеоны и скайзы – обломки обладающей самосознанием Инвеституры, приобретшие поведенческие особенности людей. Я полагаю, что между ними и загадкой происходящего на Селе есть связь.

Остальные планеты в системе не представляют интереса. Их несколько, но лишь одна потенциально обитаема. Она бесплодна, негостеприимна и подвержена страшным песчаными бурям. Ее близость к солнцу – Мэйш – делает ее чересчур жаркой даже для той, кто значительную часть жизни прожила на Ясной стороне Талдаина.

Душа императора⁴

⁴ Перевод А. Жаворонкова.

Пролог

Гаотона трепетно провел пальцами по поверхности плотного холста, изучая одно из величайших произведений искусства, что ему доводилось видеть. К сожалению, оно было поддельным.

– Эта женщина безмерно опасна, – зашипели голоса за спиной. – Она очевидный источник скверны.

Глаза Гаотона были уже не те, что в молодости. И потому он наклонил картину так, чтобы ее получше осветило оранжево-красное пламя, полыхающее в камине. Гаотона прищурился и в очередной раз взгляделся в картину.

«Какая точность! – размышлял он, изучая мазки, осязая слои густых масляных красок. – Ни дать ни взять – подлин-

ник!»

Если бы не умудренные опытом эксперты, у которых до-тошный анализ картины тоже занял не один день, он бы ни-почем не разглядел, что цветок расположен пусть и самую малость, но все же не на своем месте. А ломтик луны слегка приближен к горизонту.

– Она поддельщица – и, несомненно, искуснейшая из всех ныне живущих, – не унимались голоса за спиной.

Голоса принадлежали товарищам Гаотона, арбитрам, самым влиятельным чиновникам империи.

– Она известна на всю империю. Ее необходимо казнить в назидание другим.

– Нет, – резким, гнусавым голосом возразила Фрава, верховный арбитр. – Она нам еще послужит. Это ценное орудие. Ее таланты станут для нас истинным спасением.

«Интересно, а зачем такой великой искуснице опускаться до подделок? – думал Гаотона. – С ее-то мастерством можно творить, созидать, а она... Странно, очень странно. Необходимо с этим разобраться».

– Да, – продолжала Фрава, – эта женщина – воровка, и ее искусство отвратительно. Но я-то с ней справлюсь. А ее таланты помогут нам выбраться из ситуации, в которой мы все оказались.

Среди арбитров пробежал едва слышный ропот. Женщина, о которой шла речь, Ван Шай-Лу, была больше чем обычной мошенницей. Гораздо больше. Она умела изменять при-

роду самой реальности. Это вызывало очередной вопрос. Зачем бы ей утруждаться, учиться рисовать? Разве обычное искусство не покажется скучным в сравнении с ее таинственными талантами?

«Вопросы, вопросы. Столько вопросов, на которые еще нет ответов».

Сидя в кресле, Гаотона обвел взглядом коллег, сгрудившихся вокруг стола Фравы, как кучка заговорщиков. Их длинные цветные мантии переливались в ярком свете камина.

– Фрава права, – заявил Гаотона.

Другие арбитры оглянулись на него. Их хмурые лица говорили, что им нет дела до его слов, однако позы подразумевали совсем иное. Сегодня ему редко выказывали уважение открыто, но о его заслугах помнили.

– Приведите поддельщицу, – велел Гаотона, поднимаясь. – Будет небезынтересно ее послушать. Подозреваю, что справиться с ней окажется сложнее, чем предполагает Фрава. Но выбирать нам не из чего: либо мы положимся на таланты этой женщины, либо навеки попрощаемся с властью над империей.

Ропот стих.

Фрава и Гаотона в кои-то веки пришли к согласию. Шутка ли – вовлечь в сокровенные дела самих арбитров поддельщицу!

Один за другим трое сомневавшихся арбитров пусть и с

неохотой, но все же кивнули.

– Значит, быть посему, – вполголоса заключила Фрава.

День второй

Шай ковырнула ногтем очередной каменный блок. Камень слегка поддался. Она растерла пальцами полученную пыль.

Так и есть. Известняк! Не самый лучший выбор материала при строительстве темницы, но стена, разумеется, сложена из него не целиком. В кладке среди блоков, вытесанных из камней различных пород, такой обнаружился лишь один-единственный.

Шай улыбнулась. Известняк. Этот ничем не приметный блок легко не заметить. И если она права, ей удалось распо-

знать все сорок четыре породы, примененные при сооружении каменной стены ямы-камеры, в которую ее заточили.

Она присела рядом с кроватью и стала выводить на деревянной ножке письма, для чего использовала вилку, на которой предварительно отогнула в сторону все зубцы, кроме одного. Досадно, что у нее не осталось очков – приходилось постоянно щуриться.

Подделка требовала определенных условий, и необходимо было знать прошлое всякого предмета, его природу.

Шай была почти готова. Трепещущее пламя свечи вдруг выхватило соседние царапины, которыми она отмечала дни в заточении, и настроение мгновенно испортилось.

«Время поджигает», – подумала Шай.

По ее подсчетам получалось, что публичная казнь состоится уже завтра!

Один день... Всего один день! Нервы натянуты, точно струны. Один день на то, чтобы создать печать души и сбегать. Но у нее нет камня души, а вместо инструментов резчика – жалкая вилка.

«Ночи! Ну и влипла же я!»

Очевидно было, что строители тюрьмы расстарались: сложили стены из камней разных пород. Мало того, камни даже одинаковых пород, судя по всему, специально доставляли из разных каменоломен, а следовательно, каждый обладал собственным прошлым. Подделать всю кладку, опираясь лишь на поверхностные знания, которыми располагала

Шай, – гиблое дело. Но даже если ей вдруг ниспосланным с небес чудом удастся произвести трансформацию стен, ее наверняка поджидают ловушки, предусмотрительно устроенные зодчими.

«Нет, с помощью бестолковой деревяшки и согнутой вилки из застенка не выбраться, – с неохотой призналась себе Шай. – Необходимо воспользоваться чем-то иным».

Закончив с письменами, она поймала себя на том, что ту-по смотрит на согнутый зуб вилки. Отломив его, Шай начала вырезать на деревянном держале – пыталась сделать грубую печать души.

«Нет, Шай, так ты отсюда не выберешься, – мысленно проговорила она. – Нужно найти другой способ».

Шестой день кряду она искала этот другой способ. Пыталась разговорить и даже подкупить надзирателей – любые сведения о природе ее узилища были ценны. Увы, ей так и не удалось ничего узнать.

Раздумья прервал скрип двери – в подземелье кто-то вошел.

Шай, быстро спрятав держало вилки сзади за поясом, вскочила на ноги.

«Неужели казнь перенесли и это случится сегодня?»

По подземелью, отдаваясь от стен гулким эхом, прокатился звук шагов. Шай задрала голову и прищурилась, силясь разглядеть через решетчатый люк пришедших. Четверо надзирателей, а с ними незнакомый мужчина – длиннолицый и

длиннопалый. Представитель расы Великих, которая правит империей. На нем сине-зеленое одеяние – признак низшего ранга. Он выдержал экзамен на получение чина, но по служебной лестнице еще не продвинулся.

Шай напряглась в ожидании.

Великий слегка наклонился и посмотрел на нее через решетку. Выдержал паузу, а затем сделал повелительный жест стражам.

– С тобой, поддельщица, желают говорить арбитры, – изрек он.

Стражники сноровисто откинули в сторону люк. Шай поспешно отошла в сторону, и к ее ногам спустилась лестница. Терзаемая сомнениями, Шай стала взбираться.

«Если бы я решила кого-то казнить раньше срока, – размышляла она, – то обманула бы беднягу, чтобы он без принуждения вылез из ямы».

Но ее не заковали в цепи, прежде чем вывели из подземелья.

Осматриваясь по пути, Шай через некоторое время заключила, что ее действительно ведут в покои арбитров.

Шай внутренне подобралась. Итак, новое испытание. Смеет ли она надеяться, что выпадет еще один шанс? Разумеется, ей вообще не следовало попадаться, но что случилось, то случилось. А подставил ее не кто иной, как придворный шут. Воспользовался ее доверием и вероломно обманул.

Каков же хитрец! Стянул подделку имперского Лунного

скипетра, подменил ею оригинал и был таков.

Дядя Вон всегда учил, что в жизни обязательно найдется кто-то изворотливее, хитрее тебя. Пускай ты даже самая-пресамая, но рано или поздно все равно тебя надуют.

Шуту она проиграла. Но теперь непременно выиграет – конечно, при условии, что прекратит сокрушаться из-за поражения и поставит себе целью воспользоваться шансом. В этот раз ставка – не богатство, а жизнь! Ее собственная жизнь!

Стражники были Бойцами, поскольку именно так их нарекли Великие. Когда-то Бойцы именовали себя мулла'диями, но их народ так давно слился с империей, что первоначальное название почти позабылось. Были они гибкими и жилистыми; кожа бледная, волосы – темные, как у Шай, но, в отличие от ее волос, не прямые, а кудрявые. К тому же все они отличались немалым ростом. Шай же принадлежала к народу майпонцев, представители которого завидным ростом никогда не славились, и не чувствовать себя здесь карликом удавалось лишь ценой немалых усилий.

– Эй, ты! – выкрикнула она, обращаясь к самому рослому Бойцу, возглавлявшему группу стражей. – Я тебя узнала!

Моложавый капитан носил столь изысканную прическу, что нечасто надевал шлем. Бойцы были в фаворе у Великих, а потому некоторые из них росли в чинах. Такое продвижение в иерархии у них называлось Возвышением. А этот, судя по виду, принадлежал к числу рьяных. Его броня была на-

чищена до блеска, и он, несомненно, верил, что создан для важных свершений.

– Конь, – продолжала Шай. – Ты перебросил меня через его спину, когда я попалась. Отменный конь у тебя. Рослый, белоснежный, гуришской породы. А ты, как я погляжу, отменный знаток лошадей.

Боец глядел по-прежнему прямо перед собой.

– Женщина, убивая тебя, я получу удовольствие, – тихо, но отчетливо прошептал он.

«А тут красиво», – решила Шай.

Они вошли в императорское крыло дворца. Каменная кладка была изумительна – копировала древний ламиойский стиль, а возвышающиеся повсюду мраморные колонны скульпторы покрыли искуснейшими барельефами. Расставленные между колоннами громадные чаши тоже были сделаны в подражание ламиойским.

Шай вспомнила, что у власти сейчас члены фракции «Наследие», из чего следует, что и сам император – из «Наследия». В эту фракцию входят пять арбитров, которые на деле и управляют империей. В особом почете у членов группировки древние культуры, поэтому часть императорского крыла построена в старинном стиле. Шай не сомневалась, что в «древних» чашах лежат оттиски печати души, благодаря которым эти имитации неотличимы от подлинников.

Да, Великие называли ремесло Шай скверной, но незаконным у этого ремесла был только один аспект: подделыва-

ние человека. Подделывание же неодушевленных предметов допускалось и даже поощрялось, при условии надлежащего надзора за этим промыслом.

Опрокинь такую чашу, вынь из нее печать души, и утонченное произведение искусства превратится в неказистую посудину.

Бойцы подвели Шай к инкрустированной золотом двери. Когда та отворилась, на обратной стороне внизу Шай заметила печать души, что придавала двери вид величественной реликвии из далекого прошлого.

И вот Шай в уютной комнате с потрескивающим очагом, толстыми коврами и мебелью мореного дерева.

«Интерьер охотничьего домика, пятый век», – подумала Шай.

Внутри ждали все пять арбитров, членов фракции «Наследие». Трое из них – мужчина и две женщины – сидели у камина на стульях с высокими спинками, а еще одна женщина – за столом напротив двери. Фрава, верховный арбитр, влиятельнейшая фигура в империи, чей авторитет уступал разве что авторитету императора Ашравана. Ее тога блистала золотом, а седеющие волосы были заплетены в косу, в которую искусно вплели красные и золотые ленты. Надзирала Фрава за весьма и весьма многим, в том числе единолично и за Имперской галереей, обчистить которую Шай намеревалась совсем недавно.

Перед столом, за которым сидела Фрава, стоял Гаотона.

Похоже, эти двое что-то горячо обсуждали, но теперь повисла пауза. Гаотона стоял выпрямившись и заложив руки за спину – поза задумчивости. Среди коллег-арбитров он был самым старшим, но, по слухам, наименее влиятельным – император лишил его своего расположения.

С появлением Шай оба пристально оглядели ее, как будто она была кошкой, опрокинувшей дорогую фарфоровую вазу. Шай же отчаянно старалась не щуриться – очков-то нет, а нужно казаться сильной.

– Ван Шай-Лу, – заговорила Фрава, взяв со стола лист бумаги, – список предъявляемых тебе обвинений впечатляет...

«В какую игру играет эта женщина? Ей явно что-то нужно от меня, – решила Шай. – Иначе бы меня сюда не привели. Похоже, это он и есть, мой шанс!»

– Ты выдавала себя за женщину благородного происхождения, – продолжала Фрава. – Подделав собственную душу, проникла в Имперскую галерею с намерением похитить Лунный скипетр. Неужели верила, что мы не отличим твою убогую фальшивку от столь важного достояния империи?

«А ведь и впрямь не отличили, – мысленно ответила ей Шай. – Ведь шут сбежал-таки с оригиналом». – Мысль о том, что в галерее на почетном месте для настоящего Лунного скипетра сияет ее подделка, доставляла Шай превеликое удовольствие.

– И вот еще это. – Фрава щелкнула пальцами, и Боец что-то притащил из глубины комнаты.

Полотно. Стражник положил его на стол. Шедевр, написанный мастером Хан Шу-Ксеном. «Лилия в весеннем пруду».

– Узнаешь? Нашли в твоей комнате в таверне. Имитация одной из самых знаменитых картин в империи. Оригинал находится в моей собственности. Мы передали ее нашим экспертам, и они оценили твою подделку как в лучшем случае любительскую.

Шай встретила взглядом с Фравой. Та на несколько секунд замолкла.

– Не расскажешь ли, для чего ее сотворила? – продолжила она затем. – Собиралась подменить и утащить оригинал прямо из моего кабинета в галерею? Но зачем тебе картина, если ты намеревалась убежать с Лунным скипетром? Жадность одолела?

– Дядя Вон учил меня иметь на всякий случай запасной план, – ответила Шай. – А окажется скипетр там в нужное время или нет, мне было неизвестно.

– Ах, вот оно как... – почти с материнской интонацией произнесла Фрава, хотя в действительности испытывала отвращение вперемешку с брезгливой снисходительностью. – Ты просила, чтобы в рассмотрении твоего дела участвовал арбитр. Многие преступники упрашивают о том же... И мне захотелось откликнуться на твою просьбу. Прежде всего интересно было узнать, зачем ты подделала картину. Неразумное дитя, неужели всерьез надеялась, что тебя оправдают и

затем восвояси отпустят? С твоими-то грехами? Неразумное дитя, ты вряд ли представляешь себе, насколько плачевно твое положение. Наше милосердие вовсе не безгранично.

Шай мельком взглянула на сидящих у камина арбитров. Казалось, им до нее и дела нет, однако друг с другом они не общались даже шепотом.

«Что-то важное происходит, – сделала вывод Шай. – И это что-то их чрезвычайно беспокоит».

Гаотона стоял молча, его лицо не выражало эмоций. Фрава же взидала на Шай, как сердитый родитель на отбившегося от рук отпрыска; она специально сделала длительную многозначительную паузу. Не иначе, надеялась, что Шай поверит в недосказанное верховным арбитром. Поверит в возможное освобождение, станет в дальнейшем мягкой, податливой и согласится на все, что ей предложат.

«Значит, шанс действительно есть...»

Из чего следует: пора брать дело в свои руки.

– Так вам от меня что-то нужно? – нарушила затянувшееся молчание Шай. – Давайте обсудим ваше предложение. И мою оплату.

– Оплату?! – вознегодовала Фрава. – Девочка, ты что, позабыла? Тебя завтра казнят! Если нам что-то от тебя и нужно, то оплатой послужит только твоя никчемная жизнь.

– Моя жизнь и так моя, – заявила Шай. – И последние дни этого не меняют.

– Неужели? – сказала Фрава. – Тебя заперли в тюрьме для

поддельщиков; эти стены сложены из камней тридцати разных пород.

– Сорока четырех, – уточнила Шай.

Гаотона удивленно приподнял бровь.

«Ночи! Хорошо хоть с этим угадала...»

Шай взглянула на Гаотону:

– Вы что же, взаправду полагали, что я под собственным носом песчаника не разгляжу? Забыли, что я поддельщица? Мы знакомимся с породами камней еще на первом году обучения. Этот камень явно привезен с карьера Лайо.

Фрава едва заметно улыбнулась, затем приоткрыла рот, но так ничего и не сказала.

– И да, мне прекрасно известно, что позади камней есть еще и металлические пластины из ралкалеста, неподделяваемого металла, – продолжала Шай исключительно по наитию. – Стена – это головоломка, чтобы потянуть время. В самом деле, вы же не стали бы строить камеру из камней вроде известняка, хотя бы на тот случай, что заключенный откажется от идеи насчет подделки и просто попробует проковырять себе путь на свободу. Вы построили стену, но для надежности проложили за ней пластины ралкалеста, чтобы отрезать пути к бегству.

Фрава поджала губы.

– Правда, ралкалест для ваших целей тоже не идеален, – продолжила Шай. – Это слабый металл, и пластины из него получаются довольно нестойкие. Вы слышали что-нибудь об

антраците?

Фрава нахмурила брови.

– Это камень, который горит, – ответил Гаотона.

– А вы мне дали свечу, – произнесла Шай и, вытащив из-за пояса за спиной грубую деревяшку – печать души, швырнула ее на стол. – Мне только и оставалось, что подделать стену и убедить камни, что они антрацитовые. Потом я подожгла бы их, и жар расплавил бы ваши пластины.

Шай демонстративно уселась на стул и откинулась на спинку. Позади тихо зарычал стражник. Фрава сжала губы в тончайшую линию, но приказа не отдала. Шай позволила себе расслабиться, глубоко вздохнула и беззвучно вознесла благодарность Неизвестному богу.

Ночи! Арбитры верят всей ее болтовне, а она-то опасалась, что среди них окажется кто-то, мало-мальски разбирающийся в подделках.

– Я намеревалась бежать этой ночью, – продолжила Шай. – Подозреваю, что если вы обратились к такой закоренелой преступнице, то проблема у вас действительно серьезная. Теперь переходим к вопросу оплаты.

– Я все еще могу тебя казнить, – напомнила Фрава. – Прямо сейчас. И прямо здесь.

– Но вы ведь не сделаете этого, верно?

Фрава стиснула зубы.

– Я же говорил, что она тот еще орешек, – обратился Гаотона к Фраве.

Шай уже заметила, что произвела на него впечатление. Но его глаза... В них будто промелькнуло сожаление! Сожаление ли? Прочитать что-либо во взоре старика было не легче, чем книгу на сворданском языке.

Фрава сделала жест пальцем. Появился слуга, неся в руках небольшой продолговатый предмет, обернутый куском ткани.

Шай невольно затаила дыхание.

Слуга поставил принесенное на стол и развернул ткань. Под ней оказалась шкатулка, при виде которой у Шай подпрыгнуло сердце.

Слуга пощелкал запорами и откинул крышку. Внутри шкатулка была обита мягкой материей, в небольших выемках хранились пять печатей души. Печати представляли собой каменные цилиндры размером с большой палец на руке взрослого мужчины. Сверху лежала книжица в кожаном переплете, затертом от долгого и регулярного использования. От нее исходил слабый, но до одури знакомый Шай запах.

Печати в коробке были клеймами сущности! Сильнейшими среди всех печатей души. Они работали непосредственно с личностью и были способны на короткое время переписать характер человека, его биографию, его душу. Каждая печать требовала кропотливой настройки на конкретного человека, и все пять в коробочке были настроены на Шай.

– Пять печатей, способных переписать душу, – продолжала Фрава. – Каждая из них незаконна и являет собой во-

площение скверны. Вечером их бы уничтожили, и, если бы ты убежала сегодня, не видеть тебе этих печатей как своих ушей. А сколько времени уходит на то, чтобы создать хотя бы одну такую?

– Годы... – едва слышно прошептала Шай.

Копий у нее нет, а хранить все необходимые заметки и рисунки, пусть даже в самых надежных тайниках, непозволительно опасно. Ведь любой завладевший ими сможет покопаться в ее душе и все про нее узнать. Оттого-то Шай всегда держала их при себе, но теперь попалась, и их отобрали.

– Вот их-то мы тебе и предлагаем за работу, – произнесла Фрава с таким брезгливым выражением лица, будто перед ней поставили тарелку со смесью слизи и зловонного гнилого мяса.

– Согласна.

Фрава кивнула. Слуга захлопнул коробочку.

– А теперь я покажу то, к чему тебе предстоит приложить все усилия и все способности.

Раньше Шай и помыслить не могла о встрече с императором, не говоря уже о том, чтобы ткнуть его пальцем в лицо.

Ашраван. Император Восьмидесяти Солнц, сорок девятый правитель Империи Роз. На тычок он никак не отреагировал. Взгляд его был устремлен в никуда, и, хотя пухлые розовые щеки лучились здоровьем, выражение лица постоянно оставалось безучастным.

– Что с ним стряслось? – спросила Шай, вставая с кровати императора.

Кровать была выполнена в древнем ламиойском стиле с изголовьем в виде феникса, устремившегося к небу. Шай видела когда-то эскиз такого изголовья в древней книге; вероятно, он и послужил поддельщику источником вдохновения.

– Убийцы, – произнес арбитр Гаотона, стоявший с двумя лекарями по другую сторону кровати.

Рядом замер капитан Зу – единственный Боец, допущенный в личные апартаменты Властителя Восьмидесяти Солнц.

– Они проникли во дворец две ночи назад и напали на императора и его жену. Ее убили, а император получил в голову арбалетный болт.

– А выглядит он весьма пристойно, – заметила Шай.

– Ты знакома с запечатыванием? – спросил Гаотона.

– Только в самых общих чертах.

Ее народ называл запечатывание подделкой плоти. Науку эту Шай изучила лишь поверхностно, а к большему сознательно и не стремилась. Если сделаешь ненароком неудачную подделку, ничего страшного не произойдет, всего лишь получишь безделушку, не имеющую ни малейшей ценности. Но ошибка при подделке плоти может стоить кому-то жизни. Чтобы успешно удалять раны и шрамы, поддельщику необходимо потратить многие годы на постижение этого тонкого ремесла, изучить каждый мускул, каждое сухожилие, каж-

дую вену в человеческом теле. Лишь тогда он сможет подделывать поврежденные и изувеченные тела.

– Наши мастера по запечатыванию – лучшие в мире, – заявила Фрава и, заложив руки за спину, прошла у изножья кровати. – Сразу же после нападения мы вызвали врачей, и они успешно залечили рану на голове императора, но...

– Но восстановить рассудок оказалось не по силам? – предположила Шай, проводя рукой перед глазами императора. – Получается, не так уж и хороши ваши хваленые мастера.

Один доктор – коротышка с огромными ушами, оттопыренными, словно оконные ставни в погожий день, – возмущенно крикнул:

– Запечатывание лечит тело и полностью его восстанавливает. Запечатать тело – все равно что безукоризненно переплести истлевшую книгу, и книга будет смотреться не хуже новенькой, но вот слов... Слов на страницах по-прежнему не разберешь. Да, у императора мозг сейчас абсолютно здоровый, но он просто пуст!

– Гм... – произнесла Шай. – Вы выяснили, кто подослал убийц?

Пятеро арбитров переглянулись. Разумеется, они знали.

– Мы не уверены, – колебавшись, ответил Гаотона.

– Из чего следует, – предположила Шай, – что вы их вычислили, но доказательств для обвинения у вас недостаточ-

но. Это была одна из дворцовых фракций, полагаю?

Гаотона вздохнул:

– Фракция «Слава».

Шай тихонько присвистнула. В принципе, выходит логично. Ведь если нынешний император умрет, у фракции «Слава» появится реальная возможность посадить на трон своего ставленника. В свои сорок император Ашраван был по меркам Великих еще совсем молод, и предполагалось, что править он будет и следующие пятьдесят лет. Но если император сменится, то согласно нерушимым законам империи присутствующие в комнате пять арбитров немедля утратят статус самых могущественных людей мира. И их фракция неминуемо станет слабейшей из всех восьмидесяти в империи.

– Убийцы уничтожены, – заговорила Фрава. – Члены фракции «Слава» пока теряются в догадках относительно результата покушения. От тебя требуется воссоздать душу императора... – Она тяжело вздохнула. – Используя свои навыки подделывания.

«Они точно не в себе, – подумала Шай. – Ведь даже собственную душу перекроить – задача не из самых легких. Да и творить новую душу приходится вовсе не с чистого листа».

Арбитры даже приблизительно не представляют, о чем просят. Разумеется, не представляют, поскольку презируют подделки... Или, по крайней мере, так повсеместно утверждают. Разумеется, они лукавят. Ведь ходят же они по подделанному полу и без стеснения любуются вазами-подделка-

ми. Да что там, даже своим врачам они разрешили залатать тело императора! Но они никогда не назовут подделку подделкой. Ведь подделывание души, по их мнению, – скверна. Из чего выходит, что надежда у них теперь только на Шай, поскольку никто из приближенных к власти не способен на такое.

Возможно, это не под силу даже ей.

– Ты справишься? – спросил Гаотона.

«Понятия не имею», – подумала Шай.

– Безусловно, – произнесла она вслух.

– Подделка должна быть безупречной, – строго напутствовала ее Фрава. – Если у наших врагов возникнет хоть тень подозрения в том, что император какой-то не такой... В общем, ждать они себя не заставят, и поэтому вести себя император должен полностью адекватно.

– Если я обещала, что сделаю, значит непременно сделаю, – твердо заявила Шай. – Но предупреждаю: задача передо мной стоит архисложная. Мне нужно знать все о его жизни. Для начала необходимы все официальные хроники, но они, к сожалению, необычайно сухи. И потому мне понадобится подробнейшим образом расспросить многих из тех, кто общался с ним непосредственно: слуг, друзей, членов семьи. Он, случайно, личный дневник не вел?

– Вел, – ответил Гаотона.

– Прекрасно.

– Но все его личные документы запечатаны! – возразил

другой арбитр. – И император велел их уничтожить в случае, если...

Все резко обратили взоры на говорящего, и тот смолк, нервно сглотнул и потупился.

– Тебе предоставят все, о чем только попросишь, – пообещала Фрава.

– Мне также будет нужен подопытный, – продолжила Шай, – на ком бы я могла проверять мои печати, чтобы понять, соответствует ли получаемая личность оригиналу. Это должен быть Великий, который постоянно находился рядом с императором и которому досконально известны все его пристрастия и привычки.

Ночи! Определиться с характером – это ведь вторично. Сначала нужно изготовить печать, которая возьмется, но Шай не была уверена, что справится даже с этим первым шагом.

– И конечно, мне понадобится камень души.

Фрава скрестила на груди руки и холодно взглянула на Шай.

– Уж не думаете ли вы, что я сделаю все требуемое без камня души? – сухо спросила Шай. – Разумеется, вырезать печать я могу и из дерева, но то, о чем вы просите, исключительно трудная задача. Мне необходим камень души. Много.

– Так и быть, – с видимой неохотой согласилась Фрава. – Но все три месяца за тобой будут следить.

– Три месяца? – удивилась Шай. – Думаю, на создание

души императора уйдет не менее двух лет.

– У тебя сто дней, – непреклонно заявила Фрава. – Вообще-то, нет, уже девяносто восемь.

«Невозможно».

– Официально отсутствие императора в эти два и последующие девяносто восемь дней объяснят тем, что он пребывает в глубочайшем трауре по погибшей жене, – заговорила одна из арбитров. – Разумеется, члены фракции «Слава» сообразят, что мы тянем время, но все же им придется помалкивать. Но после ста дней траура они немедленно потребуют, чтобы Ашраван предстал перед подданными. И если он этого не сделает, нам придет конец.

«Да и тебе тоже», – явственно прозвучало в ее тоне.

– По окончании работы вы дадите мне золото, – безапелляционно заявила Шай. – Дадите вдвое больше золота, чем по вашим прикидкам я бы запросила изначально. Из этой страны я уеду богатой.

– Договорились, – без промедления произнесла Фрава.

«Слишком быстро согласились, – сообразила Шай. – Несомненно, сразу после того, как я выполню поручение, меня прикончат».

Получается, у нее девяносто восемь дней на подготовку побега.

– Немедленно принесите все имеющиеся записи, касающиеся императора, – произнесла Шай вслух. – Еще мне понадобится место для работы и куча материалов. И верните

мои вещи. — Она подняла палец прежде, чем кто-либо успел возразить. — Я не прошу мои клейма сущности, но отдайте все остальное. Не буду же я три месяца ходить в одежде, которую носила в тюрьме. И пусть поскорее притащат ванну. И горячей воды побольше!

День третий

На следующий день в дверь Шай, помывшейся, вдоволь наевшейся и впервые со дня заключения хорошо отдохнувшей, постучались.

Комнатенку ей выделили крошечную и, несомненно, самую мрачную во всем дворце. Рама единственного окна была перекошена, а стены изобиловали трещинами. Кроме того, здесь отчетливо пахло плесенью. Если Шай правильно пом-

нила планировку огромного дворца, то ее жилище находилось в безлюдном крыле, большинство помещений которого использовалось в качестве хранилищ всякого добра. К Шай по-прежнему были приставлены бдительные стражники, но на новом месте было все же лучше, чем в яме. Хотя и ненадолго.

Стук отвлек Шай от изучения старого кедрового стола, который последний раз натирали маслом, наверное, задолго до ее рождения. Охранник отворил дверь. В комнатенку втиснулся престарелый Гаотона, в руках он нес ящичек дюймов двадцати в ширину и двух в высоту.

Шай бросилась ему навстречу, но...

– Держись от его светлости подальше! – рявкнул хмурый капитан Зу, стоявший рядом с арбитром.

– А иначе что? – небрежно бросила она, забирая ящичек. – Прирежешь меня?

– Когда-нибудь – с наслаждением.

– Да-да, конечно. Когда-нибудь.

Шай прошла к столу, положила на него ящичек и откинула крышку. Внутри оказалось восемнадцать печатей души, и торцы у всех были совершенно гладкими, лишенными даже намека на гравировку. Шай достала одну, вытянула перед собой дрожащую руку и принялась с пристрастием рассматривать печать.

Очки ей вернули, так что шуриться уже не приходилось. Одежду для работы она надела гораздо более удобную, чем

то замызганное платье, которое носила накануне. Теперь на ней была простенькая красная юбка чуть ниже колен и блузка на пуговицах. Великие наверняка бы решили, что нарядилась она немодно, – у них сейчас в ходу ризы и мантии свободного покроя под старину. Шай считала популярный фасон скучным. Под блузкой она носила плотную хлопковую сорочку, а под юбкой – легинсы, чтобы при необходимости, избавившись от верхней одежды, радикально изменить облик.

– Хороший камень, – признала Шай. – Добрый.

Она выбрала из лежащих на столе инструментов зубило, кромка которого была толщиной менее острия булавки, и принялась скрести им камень. Тот и в самом деле оказался на редкость качественным! Он отменно поддавался инструменту и совсем не крошился, отчего изображение выходило предельно отчетливым. А после обжига он станет твердым, как кварц. Более совершенную печать души можно получить одним-единственным способом: вырезать из цельного кристалла. Но этот способ невероятно трудоемкий.

В ее распоряжении имелись ярко-красные чернила кальмара с примесью воска. Для поставленной перед Шай задачи сгодился бы любой натуральный краситель, однако краситель животного происхождения подходил все же лучше, чем растительного.

– Ты что, из коридора чашу стащила? – хмуро поинтересовался Гаотона, кивком указав на сосуд в углу комнатенки.

И в самом деле Шай, после неспешного купания шествуя в свое новое жилище, прихватила по дороге чашу. Сопровождавший ее охранник попытался воспротивиться, но она мастерски заговорила ему зубы. И теперь он стоял, краснея от стыда.

– Очень уж заманчиво было определить уровень мастерства ваших поддельщиков.

Шай отложила камень, перенесла чашу с пола на стол и перевернула ее набок. На глиняном дне отчетливо проступал красный оттиск печати. Печать поддельщика легко опознать. Она не просто оставляет след на поверхности объекта, но как бы утопает в самом материале, создавая рельефный рисунок. Край круглой печати тоже был красным, но выпуклым, как при тиснении.

Узнать о поддельщике по стилю печати можно было немало. Судя по метке, изготовитель этой чаши, в отличие от создателя оригинала, безусловного произведения искусства, был напрочь лишен фантазии.

До Шай доходили слухи, что фракция «Наследие» поставила производство подделок на поток. И нанятые ими поддельщики-недоучки выдавали копии под стать тому, как сапожники тачают в кустарных мастерских сапоги.

– Наши работники вовсе не поддельщики, – вскинулся Гаотона. – Мы используем другое слово. Они напоминатели.

– Какая разница, как их называть?

– Разница принципиальная, – возразил Гаотона. – Они, в

отличие от таких, как ты, в людские души не вторгаются. И имеется еще одно принципиальное отличие: мы делаем копии, отдавая таким образом дань прошлому. Благодаря нашей деятельности люди познают и чтут свою историю.

Шай скептически подняла бровь. Затем взяла инструменты, приставила рабочую кромку зубила под углом к краю печати и ударила молотком. Печать была наполнена силой, прочно удерживавшей ее на месте. Но удар оказался мощным. Оттиск вылетел, а рельеф на дне сосуда, утратив свою преобразующую силу, стал всего лишь нанесенным обычной краской рисунком. Без клейма чаша оплыла, да и цвет приобрела тоскливо-серый. Печать души не просто меняла внешний вид предмета, но переписывала его историю.

Получалось, что мастера, делавшего чашу, совершенно не волновал результат его деятельности. Скорее всего, он полагал, что болванка – она болванка и есть и для подделывания сойдет в том виде, в каком из-под не слишком умелых рук вышла.

Шай покачала головой и вернулась к работе. Эта печать предназначалась не для императора – Шай совсем не была готова приступить к ее созданию, однако процесс резьбы помогал ей думать.

Гаотона жестом приказал капитану Зу выпроводить всех стражников в коридор, внутри остаться только ему и прикрыть дверь. Когда распоряжение было исполнено, арбитр расположился на одном из двух колченогих деревянных сту-

льев – других в комнатенке не имелось.

– А ты, поддельщица, – та еще загадка, – произнес он.

– Загадка? – нарочито удивленно переспросила Шай, поднимая печать и изучая внесенные на поверхность камня изменения. – И в чем же она?

– Ты поддельщица, а значит, тебя нельзя оставлять без надзора. Иначе сбежишь, едва убедившись, что это возможно.

– Так оставьте при мне стражников, – буркнула Шай, не отрываясь от работы.

– Уж извини, но я сомневаюсь, что тебе будет сложно любого из них запугать, или подкупить, или найти чем шантажировать.

Зу напрягся.

– Я не намеревался оскорбить вас, капитан, – заверил Гатона. – Я не сомневаюсь в ваших людях, но перед нами искуснейшая лгунья, мошенница и воровка. И поверьте, подвергнувшись чарам, ваши лучшие воины обязательно станут ее марионетками.

– Ну спасибо, – хмыкнула Шай.

– Это не комплимент. Правда же, ты портишь все, к чему прикасаешься. Тебя нельзя оставить под присмотром простых смертных даже на день. И, судя по слухам, заговорить ты способна даже самих богов.

Она продолжала подчеркнуто сосредоточенно работать.

– И в кандалы тебя заковывать нет смысла – все равно вы-

берешься, – мягко продолжил Гаотона. – Так уж получается, что мы дали тебе камень души для решения нашей... нашей проблемы. Но с его помощью ты легко превратишь цепи, скажем, в обычное мыло и сбежишь, да еще и посмеешься над нашей глупостью.

Очевидно, он ничего не смыслил в подделывании. Подделка всегда должна быть правдоподобной, а иначе трансформация не произойдет. Оковы из мыла – даже не смешно. Кто же такие сотворит?

Шай могла, например, определив состав металла, из которого изготовлены цепи кандалов, переиначить процесс их производства в прошлом и сделать одно звено бракованным. Даже если бы ей не удалось выяснить все подробности о прошлом цепи, сбежать она бы сумела: несовершенная печать не возьмется надолго, но Шай хватило бы нескольких секунд, чтобы разбить бракованное звено молотком. Правда, цепь может быть сделана не из стали, а из ралкалеста, но побегу это не помешает, лишь слегка его отсрочит. Ведь камень души есть, да и времени в избытке, значит путь к спасению непременно отыщется. Например, можно слегка трансформировать стену, добавив в ее структуру значительных трещин, а затем вырвать цепь из стены. Или можно, перекроив потолок, расшатать в нем какой-нибудь блок таким образом, чтобы он в заданное время рухнул и разбил хрупкие ралкалестовые цепи. Хотя к столь радикальным мерам следует прибегать только в самом крайнем случае.

– Не вижу повода для беспокойства, – сказала Шай, продолжая трудиться. – Подвернувшаяся работа мне очень даже интересна. К тому же за нее обещано золото. Много золота. Так зачем же убегать? И не забывайте, что при желании я бы сбежала еще раньше – из ямы.

– Ах да, конечно, – хмыкнул Гаотона. – Ты бы перевоплотила стены камеры, подожгла их и улизнула. Любопытно все же узнать, что тебе известно об антраците. О том камне, в который ты намеревалась превратить все блоки стен. Каким именно способом ты собиралась его поджечь?

«А он вовсе непрост, да и соображает отменно. Совершенно напрасно остальные арбитры не учитывают его мнение».

И в самом деле, поджечь антрацит свечой – задача вряд ли выполнимая. Ведь нагреть до температуры воспламенения необходимо целый блок или по крайней мере значительную его часть. А огонек свечи с такой задачей не совладает.

– Не вижу проблем. Часть камней я бы превратила в уголь. А еще там была деревянная кровать. Разломала бы ее и получила дрова на растопку.

– Считаешь, обошлась бы без горна? И даже без мехов? – делано удивился Гаотона. – Ладно, допустим, справилась бы ты и без мехов. Допустим, подпалила бы даже стены, но ведь при этом температура превысила бы две тысячи градусов. Вот скажи, как бы тебе удалось выжить в таком пекле? Ах, ну да! Ты же поддельщица. Смастерила бы себе из постельного

белья какую-нибудь защиту, термостойкое стекло или что-нибудь наподобие. Ведь именно таким тебе виделся побег?

Шай продолжала сосредоточенно резать.

Было очевидно, что в подделывании Великие ничего не смыслят. Даже этот, старший из них. Но его житейского опыта с лихвой хватило на понимание того, что заявленным способом ей нипочем бы не удалось сбежать. Ну как можно постельное белье превратить в стекло? Да и трансформировать камни, из которых сложены стены камеры, из одной породы в другую – задача совершенно невыполнимая. Пришлось бы менять слишком многое. Например, переписывать историю камней так, словно неподалеку от каменоломен добывали и антрацит. А потом представлять, будто кто-то перепутал и завез по ошибке породу не с каменного рудника, а с антрацитового.

Как ни силяся, необходимого количества перевоплощенных камней в стене не получишь.

Особенно если учесть, что о реальных каменоломнях она имеет лишь самые общие представления. Правдоподобность является ключевым условием при создании подделки, хоть магической, хоть обычной. В народе, конечно, ходят слухи, будто поддельщики запросто перевоплощают свинец в золото. Однако реальность такова, что сделать из золота свинец – дело нехитрое, а вот совершить обратное превращение почти невозможно. Придумать историю для слитка золота, в который кто-то подмешал свинец... Ложь, в общем, получа-

лась вполне правдоподобной, но обратное будет столь невероятным, что печать для подобной трансформации долго не удержится.

– Вы впечатлили меня, ваша светлость, – наконец призналась Шай. – Рассуждаете, словно поддельщик.

Гаотона помрачнел.

– Это был комплимент, – заметила она.

– Я ценю правду, юная леди. Но подделки... – Он одарил ее взглядом разочарованного дедушки. – Я видел одну твою работу. Подделанную картину... Она замечательна и тем не менее создана лишь ради выгоды. Думала ли ты, сколь чудесные работы сотворила бы, посвяти свои способности искусству и красоте, а не богатству и обману?

– То, что я создаю, и есть великое искусство.

– Ошибаешься. Ты лишь копируешь произведения великого искусства, созданные другими. Признаю, твои подделки технически безукоризненны, но они полностью лишены души.

Руки Шай напряглись, и она едва не выронила зубило.

Да как он посмел! Одно дело – угрожать ее жизни, совсем другое – оскорблять творения! Он поставил ее в один ряд с теми... с теми поддельщиками-недоучками, что штампуют чаши.

Она хоть и с трудом, но все же улыбнулась. Тетушка Сол однажды сказала, что даже наихудшие оскорбления следует встречать улыбкой, а огрызаться только на самые незначи-

тельные. Тогда никто не догадается, что у тебя на сердце.

– Так что же дальше? – спросила она. – Мы с вами выяснили, что я самая отъявленная негодяйка и обманщица в стенах этого дворца. Но связать меня вы не можете, как не можете и доверить надзор за мной своим людям. И что же предпримете?

– Ну, – вымолвил Гаотона, – следить за твоей работой по возможности буду я сам.

Шай предпочла бы Фраву, – казалось, той манипулировать легче, но и Гаотона в качестве надзирателя был вполне приемлем.

– Как пожелаете, – заявила Шай. – Но сразу же учтите: тому, кто в подделках не разбирается, моя работа покажется чрезвычайно скучной.

– Я явился сюда не для веселья. – Гаотона жестом подозвал Зу. – Всегда буду приходить в сопровождении этого капитана. Он, единственный из Бойцов, осведомлен о ране императора... и о наших планах относительно тебя. В остальное время за тобой будут присматривать другие охранники. Но только посмей заговорить с ними о работе!

– Можете не волноваться, ни с кем разговаривать я не стану. Чем больше народу узнает о готовящейся подделке, тем меньше шансов, что она удастся.

«Более того, – подумалось ей, – стоит мне заговорить с любым охранником, как его тут же казнят – чтобы лишнего не разболтал».

Не то чтобы она любила Бойцов, но все же империю любила еще меньше. А Бойцы, они те же рабы. Ей не хотелось, чтобы кого-то убивали просто так, на всякий случай.

– Вот и славно, – проговорил Гаотона. – Кстати, за дверью ждет наша дополнительная защита от твоего побега. Прошу вас, капитан, заводите.

Зу открыл дверь. Среди охранников стоял долговязый человек в длиннющем, в пол, плаще с накинутым капюшоном. Долговязый степенно прошел в комнату, однако в его движениях было что-то неестественное. Зу затворил дверь, и вошедший откинул капюшон. Глаза его были красными, а кожа на лице – молочно-белой.

– И вы еще смеее утверждать, что мое ремесло – скверна?! – вскричала Шай.

Гаотона, не отреагировав на реплику, поднялся со стула.

– Скажи ей, – обратился он к вошедшему.

Незнакомец изучающе провел по двери длинными пальцами.

– Здесь я поставлю руну, – произнес он с заметным акцентом, указав на точку, расположенную чуть выше пояса Шай и равноудаленно от косяков. – Стоит поддельщице покинуть комнату или трансформировать дверь или руну, и я мгновенно об этом узнаю, а мои питомцы устрелятся к ней.

Шай вздрогнула, а затем обратила на Гаотону пылающий взгляд.

– Понимаете ли вы, кого привели во дворец? Это же клей-

мящий кровью!

— Он уже себя достойно проявил, и мы высоко его ценим, — объяснил Гаотона. — Он предан нам и, самое главное, эффективен. Порой необходимо, чтобы сдержать большое зло, обращаться к помощи зла помельче.

Вновь прибывший достал что-то из-за пазухи, и Шай едва слышно зашипела. В руке клеймящий держал печать души! Грубо выполненную из кости! Его «питомцы» наверняка тоже из костей — подобия человеческой жизни, созданные из скелетов!

Клеймящий взглянул на Шай. Она в ужасе отпрянула:

— Вы не посмеете!

Зу схватил Шай за руки.

«Ночи! До чего же он силен!»

Шай запаниковала.

О, если бы у нее были при себе клейма сущности! С их помощью она бы могла дать отпор, сбежать...

Зу оторвал правый рукав ее блузки и полоснул кинжалом вдоль трицепса. Шай лишь едва почувствовала боль и вырываться не прекратила.

Подошел клеймящий и погрузил печать в рану. Затем развернулся, сделал шаг и приложил окровавленный торец к тому месту на двери, на которое указал ранее. Удовлетворенный работой, неспешно отошел в сторону. На двери осталась ярко-красная, слабо светящаяся метка в форме глаза.

И Шай ощутила резкую боль на месте пореза...

Округлив глаза, она вскрикнула.

С ней сейчас сотворили такое, что даже казнь была бы предпочтительнее.

«Возьми себя в руки, – приказала себе Шай. – Будь той, кто все вынесет».

Она глубоко вздохнула и позволила себе стать другой Шай. Имитацией самой себя, способной сохранять спокойствие даже в подобной ситуации. Это была грубая подделка, всего лишь уловка для ума, но она помогала.

Шай все-таки вырвалась из хватки Зу, а затем взяла платок, протянутый Гаотоней. Промокнула рану. Боль уже почти унялась.

Шай бросила гневный взгляд на клеймящего. Тот самодовольно ухмыльнулся. Губы его были белесыми, полупрозрачными, словно кожица слизняка. Кивнув Гаотоне, он набросил на голову капюшон, вышел из комнаты и даже дверь за собой бережно затворил.

Шай с трудом восстановила дыхание.

В работе клеймящих не было ни изящества, ни мастерства, а наличествовали лишь обман да кровь! Зато их методы были чрезвычайно действенны. Если Шай попытается бежать, клеймящий, запечатавший ее кровью дверь, сразу об этом узнает. К тому же в его распоряжении свежая кровь, настроившая печать на Шай. С ее помощью неживые питомцы смогут настичь беглянку, куда бы она ни направилась.

Гаотона вновь опустился на стул.

– Надеюсь, понимаешь, что с тобой произойдет, если вдруг осмелишься на побег? – по-отечески спросил он.

Шай посмотрела на него со злостью.

– Теперь видишь, поддельщица, насколько критична наша ситуация, – мягко продолжал он. – Если попытаешься бежать, мы без колебаний отдадим тебя клеймящему, а твои кости станут его новым питомцем. Никакой иной платы за работу он не запросил. Так что, не откладывая дело в долгий ящик, приступай к работе. Если сделаешь все, как тебе велено, избежишь незавидной участи.

День пятый

И она приступила к работе.

Начала Шай с изучения официальных отчетов о жизни

императора.

Мало кто понимал, что создание подделки требует серьезнейшего погружения в исходный материал. Вообще-то, любой желающий мог бы освоить искусство подделывания, обладая он твердой рукой и умением не упускать из виду даже самые мелкие детали. А еще ему необходима была готовность тратить недели, месяцы и даже годы жизни на нудную рутину, итогом которой, быть может, и явится идеальная печать души.

Но Шай не располагала годами на предварительную исследовательскую работу, ей было отпущено менее ста дней. Поэтому она читала второпях, страницу за страницей, почти без сна и отдыха и постоянно что-то выписывала. Шай не сомневалась, что правдоподобно подделать душу другого человека за отведенный арбитрами непомерно краткий срок не удастся. Но она все же изображала кипучую деятельность, хотя на самом деле решала другую задачу. Готовила собственный побег.

Наружу ее не выпускали. Иногда в комнатенку притаскивали здоровенную бадью с теплой водой, и тогда удавалось умыться теплой водой и переодеться в свежую одежду, доставленную вместе с бадьей. И за Шай неусыпно присматривали. Не исключая даже того времени, когда она мылась, переодевалась или справляла естественную нужду единственным доступным здесь способом, а именно – сидя на горшке.

Каждый день приходил клеймящий кровью и обновлял

оттиск печати на двери. И каждый раз ему вновь требовалась кровь Шай, и на ее руках появлялись новые неглубокие порезы.

А еще к ней частенько навевался Гаотона – оценивающе наблюдал за тем, как она читает, но ненависти в глазах вроде не было.

Шай же, постоянно прокручивая в уме различные способы побега, вскоре осознала, что есть шанс все-таки втереться к престарелому арбитру в доверие. А затем, если повезет, и манипулировать им удастся.

День двенадцатый

Шай вдавила печать в столешницу.

Печать души оставляла осязаемый оттиск на любом ма-

териале. Шай повернула ее вполоборота. Краска не размазалась. Как-то один из наставников объяснил ей: происходит это потому, что печать соприкасается с душой предмета.

Шай приподняла печать над столом. На нем осталось яркo-красное рельефное изображение, как будто вырезанное искусным мастером. В тот же миг неказистый, неполированный кедровый стол преобразился в ладно скроенный, с тончайшей резьбой и серебряной инкрустацией на кромках столешницы и ножках. От безукоризненно гладкой, покрытой густым слоем лака поверхности отразился огонь стоявших перед поддельщицей свечей.

Только что читавший Гаотона выпрямился, а стоявший у двери Зу обеспокоенно дернулся.

– Что это? – требовательно спросил Гаотона.

Шай провела пальцами по крышке стола.

– От прежнего у меня были занозы, – сообщила она, удобнее усаживаясь на стуле.

Тот натужно заскрипел.

«Ты следующий», – решила поддельщица.

Гаотона, будто не веря, что перед ним не иллюзия, приблизился и прикоснулся к столу. Тот, разумеется, оказался настоящим.

– Драгоценное время на мебель потратила?

– Такая работа помогает мне думать.

– Делом занимайся, а не чепухой! – вознегодовал Гаотона. – Империя в опасности!

«Какая там империя, – подумала Шай. – Только ваше правление в ней».

Прошло уже одиннадцать дней, а ей никак не удавалось найти подход к Гаотоне. Не находилось ни одной зацепки.

– Я не покладая рук тружусь над вашей проблемой, – произнесла она. – И проблема эта, скажу я вам, вовсе не из легких.

– А столик заменить для тебя, напротив, легче легкого?

– Разумеется! – охотно подтвердила Шай. – Тут работы всего ничего – переписать историю стола так, будто бы за ним должным образом следили, а не бросили рассыхаться.

Гаотона, осматривая столик, присел на корточки.

– Но эта резьба, инкрустации... Ведь изначально их и в помине не было.

– Ну, я добавила незначительные детали от себя.

Признаться, Шай и сама пока не знала, полностью ли ей удалась трансформация. Не исключено, что через минуту-другую действие печати развеется, а стол опять станет прежним, неказистым. И все же она полагала, что весьма точно угадала прошлое предмета. В хрониках, которые она сейчас изучала, упоминалось, какие подарки откуда были привезены.

«Конкретно этот стол, – думалось ей, – наверняка доставили из далекого Свордана и подарили предшественнику Ашравана. Отношения со Сворданом затем порядком разладились, стол убрали с глаз долой и думать о нем позабыли».

– Я очень долго изучал древнее искусство, – проговорил Гаотона, по-прежнему рассматривая столик. – Но никак не пойму, к какому периоду он относится? К династии Виварэ?

– Нет.

– Это копия работ Шамрава?

– Нет.

– Тогда что же?

– Ничего, – раздраженно произнесла Шай. – Это совсем не копия, а все тот же стол, просто слегка улучшенный. В этом заключался один из основополагающих принципов создания хорошей подделки: был бы оригинал чуть лучше, и люди могли бы предпочесть фальшивку, потому что она превосходит подлинник.

Гаотона поднялся, и взгляд его был озадаченным.

«Он наверняка опять полагает, что мой талант растрачивается понапрасну», – подумала Шай раздосадованно и отодвинула от себя пачку бумаг, в которых со слов придворной челяди в деталях расписывалась жизнь императора. Эти бумаги принесли по просьбе Шай, поскольку ей нужна была неприглаженная правда, касавшаяся жизни императора, а не только сухие строчки из официальных летописей и хроник.

Гаотона вернулся к своему стулу.

– Честно говоря, в голове не укладывается, как можно считать преобразование стола пустячным делом. Я, конечно, догадываюсь, что трансформировать стол значительно проще, чем выполнить наше поручение, но все же и то и другое

представляется мне непостижимым.

– Переделать душу человека непомерно сложнее, чем стол.

– Теоретически я, конечно, это понимаю. Но вот практически... В чем тут разница?

Шай пристально посмотрела на него.

«Похоже, он стремится побольше разузнать о том, чем я занимаюсь».

Он, разумеется, понимал, что она попытается сбежать. И оба старательно делали вид, что ни о чем подобном не догадываются.

– Ладно. – Шай встала и подошла к стене. – Поговорим о создании подделок. Стены камеры, в которой вы меня держали, сложены из сорока четырех пород камня. Все это только ради того, чтобы задержать меня на максимально возможное время. Чтобы сбежать, мне пришлось бы выяснить состав и происхождение каждого блока. А для чего?

– Для того, чтобы подделать стену. Это же понятно.

– Хорошо. Но зачем мне переписывать историю каждого отдельного блока? – спросила она. – Ведь можно заменить один блок или несколько, сделать между ними какой-нибудь туннель или лаз и просто удрать.

– Я... – Он нахмурился. – Признаюсь, ответа у меня нет.

Шай провела рукой по стене комнаты. Стена была покрашена, хотя за давностью лет краска во многих местах шелушилась, а кое-где свисала рваными лоскутами. Под пальца-

ми отчетливо чувствовались отдельные блоки.

– Все в этом мире, Гаотона, пребывают в трех реальностях: Физической, Когнитивной и Духовной. Физическая – это то, что мы видим и осязаем. Когнитивная отражает то, как наш разум воспринимает объект и как объект воспринимается самим собой. В Духовной же реальности находится душа объекта, сама его сущность, а также все его связи с предметами и людьми, его окружающими.

– Да пойми ты наконец, – нетерпеливо произнес Гаотона, – меня не пронять языческими байками.

– Ну да, конечно, вы же служите солнцу, – с трудом подавив смешок, вымолвила Шай. – Ой, нет, восьмидесяти солнцам. И несмотря на то что все они как две капли воды похожи друг на друга, вы верите, что каждый день восходит новое... В любом случае вы попросили рассказать о моем искусстве и объяснить, почему воссоздать душу императора значительно сложнее, чем трансформировать стол. Идея реальностей играет здесь важную роль.

– Ну хорошо, хорошо. Продолжай.

– Итак. Если предмет существует как единое целое продолжительное время и воспринимается окружающими таким тоже долгое время, то этот предмет и сам все сильнее и сильнее воспринимает себя единым целым. Возьмем, например, наш стол. Он состоит из некоторого количества различных деревянных частей. Но воспринимаем ли мы его как набор этих составных частей? Мы воспринимаем его как еди-

ное целое. Таким образом, чтобы подделать стол, мне нужно представить его целостным. Аналогичным образом обстоит дело и со стеной. Стена в моей камере существует уже давно, а потому ощущает себя единым целым. Возможно, отдельные блоки все еще воспринимают себя обособленно от стены, но, если бы я попыталась поработать с ними, мне бы непременно воспрепятствовала стена. Ведь сама она воспринимает себя уже как единое целое.

– Сама стена, – бесцветным голосом заговорил Гаотона, – воспринимает себя уже как единое...

– Вот именно.

– Ты говоришь так, будто стена наделена душой.

– Все вещи наделены душой, – уверенно заявила Шай. – Каждый объект как-то воспринимает себя. Ключевую роль играют связи и намерения. И именно поэтому, уважаемый господин арбитр, я не могу просто переписать личность вашего императора, оттиснуть на нем печать и на том покончить с делом. Например, в семи отчетах сказано, что любимый цвет императора – зеленый. А почему именно зеленый, вам известно?

– Нет, – признался Гаотона. – А тебе?

– Мне тоже пока не известно, – призналась Шай. – Предполагаю, что данный цвет нравился брату Ашравана, умершему, когда Ашравану было всего шесть. Тогда получается, что император обожает этот цвет, поскольку он напоминает о безвременно ушедшем родственнике. А может быть, импе-

ратор любит зеленый из-за чувства привязанности к родине? Ведь он родился в Укурги, а флаг в этой провинции как раз зеленый.

Гаотона, казалось, растерялся.

– Неужели принимать во внимание необходимо и столь ничтожную мелочь?

– Ночи! Конечно же! И еще тысячи и тысячи подобных мелочей. Я могу в некоторых случаях ошибиться, да наверняка ошибусь, однако надеюсь, что это не сильно повлияет на результат. Вероятно, у поддельного императора будет слегка другой характер, и это нормально, ведь все люди день ото дня меняются. Но если я допущу слишком много ошибок, характер уже не будет иметь значения, потому что печать не возьмется. Предполагаю, что, если печать на императоре придется обновлять каждые пятнадцать минут, поддерживать иллюзию станет невозможно.

– Разумно предполагаешь.

Шай снова села и, вздохнув, вернулась к отчетам.

– Ты сказала, что справишься, – проговорил Гаотона.

– Да, сказала.

– И ты уже проделывала подобное с собственной душой.

– Свою душу я знаю досконально, – заявила Шай. – Знаю все события моей жизни, всю подноготную. Доподлинно знаю, что нужно изменить, чтобы добиться требуемого эффекта, но даже собственные клейма сущности сотворить без ошибок было весьма непросто. Теперь же мне предстоит не

только проделать подобное для другого человека, но и сами преобразования сотворить значительно более обширные, чем в случае с собственной душой. А на все про все мне отпущено менее ста дней.

Гаотона кивнул.

– А теперь скажите, что вы делаете для поддержания иллюзии, будто император находится в добром здравии, – попросила Шай.

– Мы делаем все необходимое.

– И все же меня одолевают сомнения. Согласитесь, в обмане я разбираюсь куда лучше большинства из ныне живущих.

– Думаю, ты удивишься, узнав, насколько и мы тоже поднаторели в области обмана, – возразил Гаотона. – Мы же, в конце-то концов, политики.

– Ладно, ладно... А еду вы ему посылаете?

– Разумеется, – ответил Гаотона. – Блюда в императорские покои доставляются трижды в день, на кухню возвращаются пустые тарелки, хотя императора, конечно, тайно кормят отваром. С посторонней помощью он все выпивает, но взгляд его остается пустым, и сам он словно глухонемой.

– А ночной горшок?

– Он не в состоянии следить за собой, – ответил Гаотона, поморщившись. – Мы надеваем ему подгузник.

– Ночи! И никто горшок для виду не выносит? Не находите, что это выглядит подозрительно? Что начнутся пере-

толки между прислугой и охраной? Такие вещи необходимо учитывать!

Гаотона покраснел.

– Прослежу, чтобы горшок выносили. Но, признаться, мне не нравится, что кто-то еще будет входить в покои императора. Ведь тем выше вероятность, что случившееся раскроется.

– Подберите кого-нибудь, кому полностью доверяете, – посоветовала Шай. – А вообще, предлагаю ввести правило, позволяющее войти к императору, только имея при себе специальную пластинку с вашим личным знаком. Да, я уже слышу ваши возражения, слышу, что, мол, часть дворца поблизости от императорских покоев и без того прекрасно охраняется. Знаю, изучала, когда готовила ограбление галереи. Только вот подосланные убийцы убедительно доказали слабость вашей охраны. Настоятельно предлагаю последовать моему совету. Чем больше уровней безопасности, тем лучше. Если перестанет быть тайной случившееся с императором, сидеть мне снова в клетке... и ждать казни.

Гаотона со вздохом кивнул:

– Какие еще будут предложения?

День семнадцатый

Просочившись сквозь трещины в оконной раме, прохладный ветерок принес в комнату Шай запах незнакомых специй и низкий гул голосов. Город снаружи отмечал Дельхабад – праздник, о котором всего лишь два года назад никто и слыхом не слыхивал. Таким образом фракция «Наследие» возрождала из пучины забвения очередное древнее торжество, склоняя общественное мнение в свою пользу.

А толку-то? Ведь империя – не республика. Правом возведения на престол нового императора обладают лишь арбитры различных фракций.

Шай переключила все свое внимание с праздника за окном на дневник императора.

«Я наконец согласился с требованиями членов фракции, — гласила очередная запись. — Предложу мою кандидатуру на пост императора, как настаивает Гаотона. Болезнь с каждым днем все больше подрывает здоровье Йазада, и уже скоро будет избран его преемник».

Шай отметила в своих записях, что Гаотона настоятельно призывал Ашравана добиваться престола. А ведь позже Ашраван в своем дневнике отзывался о Гаотоне весьма пренебрежительно.

Что в их отношениях изменилось?

В поисках разгадки Шай обратилась к другой записи, сделанной годы спустя.

Личный дневник императора Ашравана ее очаровал. Император вел его от руки, и инструкция на титуле гласила, что дневник надлежит уничтожить сразу же после его смерти.

Дневник арбитры выдали ей с превеликой неохотой. Его же надлежало сжечь! Но у арбитров имелся железный аргумент: император еще не умер. Телом он вполне жив, а значит, пока нет необходимости уничтожать записи.

Они говорили с уверенностью, но Шай видела в их глазах сомнения. Разгадать арбитров не составляло труда — всех, кроме Гаотоны, чьи мысли продолжали ускользать от нее. Эти люди не понимали, почему император вел дневник, зная, что потомки никогда не прочитают и не оценят его записи. Зачем доверять свои мысли бумаге, если не для того, чтобы их прочитали другие? «Арбитрам также не дано по-

нять, — подумала Шай, — почему поддельщица получает удовольствие от создания фальшивки. И как она может радоваться тому, что люди любят ее изделие, а не шедевром, о подмене которого никто даже не догадывается».

Дневник рассказал ей об императоре намного больше, чем официальные хроники, и причиной служило не только его содержание. Страницы потерялись от постоянного листания. Да, Ашраван хотел, чтобы его записи читались, но не потомками, а только им самим.

Так какие же воспоминания Ашраван подбирал столь тщательно, что снова и снова перечитывал их в своем дневнике? Был ли император тщеславен и в силу этого наслаждался былыми победами? Или, наоборот, не был уверен в себе? А может, он часами искал подходящие слова, желая оправдать совершенные в прошлом ошибки?

Дверь в комнату без стука отворилась. Да и зачем стучать? Ведь Шай уже лишили всякого подобия личной жизни, она по-прежнему пленница, возросла только ее значимость.

В сопровождении капитана Зу в комнатенку величаво вошла арбитр Фрава. На ней была мантия мягкого фиолетового цвета, и на сей раз в поседевшую косу слуги вплели ленты золотого и фиолетового цветов.

Шай неслышно вздохнула и поправила очки. Гаотона ведь ушел праздновать вместе со всеми, и она уже готовилась провести ночь, штудировав документы и обдумывая предстоящую работу, а заодно и предстоящий побег.

– Мне сообщили, – надменно произнесла Фрава, – что ты не очень-то торопишься.

Шай отложила книгу.

– На самом деле подготовка заняла совсем немного времени, и я уже приступаю к изготовлению печатей. Сегодня я напомнила арбитру Гаотоне, что мне все еще нужен человек, хорошо знающий императора. Связь между ними позволит мне должным образом опробовать печати. Разумеется, действие оттисков продержится недолго, но, надеюсь, времени хватит на проверку предварительных предположений.

– Подходящего человека для тебя подберем. – Фрава прошла вдоль стола, ведя по полированной поверхности пальцами, остановилась возле его угла и слегка надавила на красный оттиск. – Как я погляжу, ты немало усилий вложила в трансформацию стола, но оттиск сразу бросается в глаза. Почему ты не спрятала его снизу?

– Потому что горжусь своей работой, – объяснила Шай. – Любой поддельщик, выдайся ему возможность, внимательно осмотрит мое творение и по достоинству оценит.

Фрава фыркнула:

– Тебе нечем гордиться, воровка. Да и вообще, ты занимаешься подделками, но разве смысл их создания не в том, чтобы никто не узнал об их лживой природе?

– Когда как, – ответила Шай. – Конечно, если незаконно копируешь картину, факт подделки лучше не афишировать. Но если занимаешься подделыванием, то скрытность – лишь

помеха делу. Оттиск на этом столике уже никуда не денется. Всем своим видом он говорит о приложенном мною труде. Которым вовсе не грех гордиться.

В этом заключался странный парадокс ее жизни. Занятие поддельщика – это не только печати души, это искусство подражания во всей его полноте. Почерки, предметы искусства, личные печати... Прежде чем приступить к изучению печатей души, будущие поддельщики, обучением которых в народе Шай занимались почти тайно, осваивали все обычные виды подделок.

Печати души – высшая форма этого искусства, но их же и труднее скрыть. Да, можно поставить оттиск на часть предмета, не бросающуюся в глаза, а затем замаскировать. Шай доводилось так делать. Тем не менее, пока остается оттиск и риск его обнаружения, подделку нельзя назвать совершенной.

– Оставьте нас, – вдруг приказала Фрава стражникам.
– Но... – попытался возразить Зу, шагнув вперед.
– Не в моих привычках повторять, капитан, – отрезала Фрава.

Он заворчал под нос, но все же поклонился, а затем злобно посмотрел на Шай. Казалось, одаривать ее угрожающими взглядами стало в последние дни его второй работой. Тем не менее Зу вслед за подчиненными вышел и захлопнул дверь.

Обновленный с утра оттиск печати клеймящего кровью выделялся на двери. Клеймящий приходил каждое утро в од-

но и то же время – Шай делала на этот счет специальные записи. Если же он слегка задерживался, исходящий от метки свет перед самым его визитом слабел... Оставалось лишь надеяться, что однажды клеймящий не успеет, но пока он являлся вовремя.

Фрава внимательно наблюдала за Шай, будто что-то просчитывая. Шай же неотрывно смотрела арбитра в глаза.

– Зу, наверное, опасается, что я в его отсутствие сотворю с вами что-нибудь ужасное.

– Зу не блещет великим умом... хотя, когда следует кого-то устранить, он незаменим. Надеюсь, тебе не доведется испытать его сильные стороны на себе.

– Неужели совсем не страшно? Ведь вы остались наедине с монстром.

– Не с монстром, а всего лишь с оппортунистом, – ответила Фрава, подойдя к двери и взглядевшись в светящийся отпечаток. – Вреда ты мне не причинишь. Тебе наверняка интересно, почему я выпроводила стражу.

«На самом деле, – подумала Шай, – я совершенно точно знаю, почему ты это сделала. Равно как и то, почему ты выбрала час, когда остальные арбитры гуляют на празднике и точно не застанут тебя здесь».

Предложение! Сейчас оно наконец прозвучит.

– Ты когда-нибудь задумывалась, – начала Фрава, – сколько пользы извлекла бы империя, прислушиваясь император к гласу мудрости, который бы... ему своевременно да-

вал советы?

– Уверена, что император Ашраван к мудрым советам всегда прислушивался.

– Иногда прислушивался, – согласилась Фрава. – Но временами он становился просто невыносим. По-моему, было бы замечательно, если бы после перерождения император утратил эту свою досадную черту. Ты согласна со мной?

– А я-то полагала, будто вам нужно, чтобы он и впредь поступал в точности как прежде, – делано удивилась Шай.

– Все верно. Но я знаю, что ты, одна из величайших поддельщиц в истории, особенно преуспела в создании печати собственной души. И тебе, конечно, по силам в точности воссоздать душу нашего бесценного Ашравана, одновременно с тем наделив его склонностью к голосу разума... Особенно к голосу разума определенных лиц.

«Огненные ночи! – подумала Шай. – Да ты толкаешь меня на то, чтобы я прорубила для тебя черный ход в душу императора. И тебе даже хватает наглости говорить об этом совершенно прямо, без обиняков!»

– Возможно, я... воплощу в жизнь ваши благие пожелания, – пробормотала Шай, будто обдумывая подобную возможность впервые. – Но хотелось бы также и мне рассчитывать на достойное вознаграждение.

– Будет тебе достойное вознаграждение, – заверила Фрава. – Насколько я понимаю, сразу после освобождения ты планируешь покинуть столицу. Но стоит ли? Если столичные

власти станут к тебе благосклонны, перед тобой откроются воистину шикарные возможности.

– Давайте ближе к делу, арбитр, – заявила Шай. – Мне предстоит долгая ночь напряженной работы. И я вовсе не настроена упражняться в словесности.

– В городе процветает торговля контрабандой, – поспешно заявила Фрава. – И за этой торговлей пока что приглядываю я. Но если добросовестно выполнишь поставленную мною задачу, надзор за этой деятельностью я поручу тебе одной.

Фрава, подобно прочим непосвященным, совершила стандартную ошибку, предполагая, что знает причину, по которой Шай занимается своим ремеслом. Фрава была уверена, что контрабандист и поддельщик – по сути одно и то же, поскольку и тот и другой сознательно нарушают законы. А значит, Шай уцепится за столь соблазнительную возможность.

– Заманчивое предложение, – вымолвила Шай, пуская в ход свою самую искреннюю улыбку из тех, что граничат с откровенной ложью.

Ответная улыбка Фравы была широкой.

– Я ухожу, а ты поразмысли над моим предложением. – Фрава открыла дверь и громко хлопнула в ладоши, давая стражникам знак войти.

Шай в изнеможении опустилась на стул.

Уже не первый день она ожидала чего-то подобного. Ожи-

дала, но все же предложение Фравы ее напугало.

Обещание награды – обман. Возможно, эта женщина и впрямь способна поручить Шай взимание дани с торговцев контрабандой, но делать этого она не станет. Возможно, Фрава не планирует убить Шай в ближайшем будущем, но что помешает ей сделать это после того, как та примет предложенный пост?

И если бы только это...

«Фрава уверена, что вложила в мою голову идею насчет управления сознанием императора. Но положиться на созданную мною подделку она отныне не может, поскольку не сомневается, что лазейку я сооружу. Да только лазейка в итоге даст мне, а вовсе не ей полный контроль над Ашраваном».

И что из этих умозаключений следует?

А однозначно из них следует то, что у Фравы на подхвате есть как минимум один поддельщик, которому она абсолютно доверяет. Этому поддельщику, разумеется, недостает ни таланта, ни смелости для самостоятельного изготовления печати чужой души. Но он при необходимости тщательно изучит работу Шай и обнаружит созданные ею лазейки. А затем изготовит печать души так, что управление императором в свои руки возьмет Фрава. Мало того, он, скорее всего, в состоянии даже закончить работу Шай, если эта работа окажется более или менее близка к завершению.

Шай намеревалась потратить большую часть отпущенных арбитрами дней на тщательную подготовку к побегу. А те-

перь она поняла, что казнить ее могут в любой момент.

День тридцатый

– Что ни день, то что-то новенькое, – произнес Гаотона, придирчиво осматривая витраж.

Витраж этот был особенно вдохновенной работой Шай. Попытки отреставрировать окно с помощью подделывания проваливались одна за другой. Даже в самом лучшем случае оно уже минут через пять превращалось в прежнее – разбитое, разболтанное, с щелями по краям.

Но неожиданно Шай обнаружила застрявший в раме кусочек цветного стекла и сразу сообразила, что окно это, оказывается, как и многие другие во дворце, некогда было витражом. Витраж, очевидно, разбили в стародавние времена,

но чинить его или заменять новым мастера не соизволили, а просто вставили в потрескавшуюся раму обычное стекло.

Шай восстановила окно, приложив печать к правому нижнему углу рамы, и теперь оно выглядело так, будто кто-то хозяйственный своевременно обнаружил и устранил изъян. Печать на этот раз сработала правильно, окно стало вновь считать себя красивым и превратилось в изящный витраж.

– Вы обещали, что сегодня приведете испытуемого для проверки промежуточного этапа моей работы, – напомнила Шай.

Она сдула пыль с печати, которую только что вырезала, и с обратной, лишенной гравировки стороны нанесла резцом несколько простеньких штрихов, знаменующих готовность изделия. Ей всегда казалось, что знак похож на очертания ее родины, Май-Пон.

Печать была готова, заключительные штрихи сделаны, и Шай поднесла ее к пламени свечи.

Такова была особенность камня души – при соприкосновении с огнем он затвердевал намертво. Это был необязательный этап. Фиксирующего знака на тыльной стороне вполне хватило бы, а печать можно было вырезать на чем угодно, лишь бы рисунок был верным. Однако благодаря способности затвердевать камень души особенно ценился как материал для печатей.

Когда печать почернела от копоти с обеих сторон, Шай поднесла ее к губам и сильно подула. Сажка слетела, и взору

открылся красивый, отливающий красно-серым, подобный мрамору камень.

– Свое обещание я, разумеется, сдержал, – сообщил Гаотона.

Шай откинулась на спинку стула, который недавно, как и намеревалась, переделала из расхлябанного в удобный и изящный.

Кем же окажется испытуемый, которого во имя великой цели арбитры обрекли терпеть безмерные страдания от богопротивного ремесла Шай? Кто-нибудь из личной охраны императора? А может, мелкий служка, например личный писарь?

Гаотона подошел к столу и опустился на второй стул.

– Ну и где наш испытуемый? – Шай в нетерпении взглянула на дверь, рядом с которой, как обычно, застыл капитан Зу.

Гаотона развел руками:

– Начинай.

Шай резко выпрямилась.

– Вы?!

– Да, я.

– Но вы же арбитр! Один из самых влиятельных людей в империи!

– Я? Один из самых влиятельных? Да я как-то этого и не заметил. В любом случае моя кандидатура полностью соответствует требуемым тобой параметрам: родился я там же,

где и Ашраван, и знаю его весьма и весьма близко.

– Но ведь существ... – Шай запнулась на полуслове.

Гаотона слегка наклонился и скрестил на груди руки.

– Мы с коллегами долго обсуждали разные кандидатуры.

Но в конце концов сошлись на том, что не имеем права подвергать воздействию твоего богохульства не вовлеченных в решение данной проблемы, обычных верноподданных императора. Оставалось одно: пойти на испытание кому-то из нас.

Шай мотнула головой, стряхивая оцепенение.

«По велению Фравы любой во дворце стал бы подопытным кроликом! Да и по приказанию других арбитров стал бы. Несомненно, Гаотона сам напросился».

Все арбитры без исключения считали его основным конкурентом. То есть их более чем устраивало, что Гаотона станет жертвой ужасных деяний Шай. Она, разумеется, не намеревалась причинять ему вред, но разве Великого убедишь в этом словами?

Шай придвинула стул к Гаотоне, открыла коробочку и извлекла из нее печать из тех, что вырезала за последние три недели. Как ни странно, но ей хотелось успокоить Гаотону, и потому она пустилась в разъяснения:

– Эти печати не возьмутся. Иными, понятными и не поддельщику словами, изменения, вызванные печатями, крайне неправдоподобны и вряд ли продержатся более минуты.

Гаотона задумался, затем кивнул.

– Душа человека значительно отличается от души любой

вещи, – продолжала Шай. – Человек, постоянно развиваясь, меняется. Поэтому оттиск печати на человеке обладает особенностью очень быстро терять свой эффект, в отличие от тех, что наложены на вещи. Эффект даже самой виртуозной печати, наложенной на человека, как правило, пропадает менее чем через день. Даже изменения, вызванные во мне собственными клеймами сущности, к примеру, нивелируются самое большее через двадцать шесть часов.

– А как же душа императора?

– Если я создам его печать правильно, – отвечала Шай, – то возобновлять ее оттиск придется каждое утро, точно так же, как проделывает это с моей дверью клеймящий. Но, в отличие от печати клеймящего, моя будет сделана так, что ежеутренне император будет просыпаться, помня все, что с ним произошло накануне. Однако как телу не обойтись без сна, так и печати – без обновления. И я надеюсь, что создать окончательную печать мне удастся так качественно, что выполнять ритуал каждый вечер сможет кто угодно, даже сам Ашраван.

Шай протянула Гаотоне черновую печать, и тот принялся сосредоточенно крутить ее в руках.

– Каждая печать, которую мы сегодня испытаем, меняет прошлое весьма незначительно, – продолжила она. – Проверку пройдут лишь некоторые малозаметные черты характера. Вы с Ашраваном во многом схожи, из чего следует, что если все, проделанное мною ранее, выполнено без изъянов,

то печати на вас возьмутся. Но все же вы не он, поэтому внесенные в вас изменения даже в самом лучшем случае продержатся совсем недолго.

– Ты имеешь в виду, что в руках у меня – шаблон души императора? – спросил Гаотона, пристально глядя на печать.

– Нет, лишь подделка ее малой части. Я даже не уверена, что конечный результат будет рабочим. Насколько мне известно, аналогов тому, что я сейчас делаю, не было никогда. Хотя существуют упоминания о том, что кто-то подделывал чужую душу в своих... неблагоприятных целях. В своей работе я основываюсь на этих сведениях. Насколько я знаю, если на вас печати продержатся хотя бы минуту, на императоре они возьмутся куда лучше, ведь они основаны именно на его прошлом.

– Небольшая часть его души... – едва слышно пробормотал Гаотона, отдавая Шай печать. – Правильно ли я понимаю, что созданные тобой печати ты в итоге не станешь использовать? Они послужат лишь для сегодняшней проверки?

– Правильно. Однако те элементы, что сейчас сработают, войдут в конечное изделие. Можно сказать, что эти печати – одиночные буквы с большого свитка; когда я закончу, я смогу собрать их вместе и рассказать с их помощью историю. Историю о прошлом и характере человека. К сожалению, даже если подделка возьмется, небольшие различия с оригиналом будут неизбежны. Поэтому настоятельно советую вам распространять слухи о ранении императора: мол, тот полу-

чил сильный удар по голове, и тогда, если различия вдруг окажутся очевидными, их легко будет объяснить.

– Уже ходят слухи о его смерти, – признался Гаотона. – И слухи эти напористо распространяются фракцией «Слава».

– Ну так всенародно объявите, что он не погиб, а всего лишь ранен.

– Но...

Шай подняла печать.

– Даже если я совершу почти невозможное, поддельная память не будет полной. Она будет содержать лишь то, что об императоре прочитала или о чем догадалась я. Несомненно, у Ашравана было множество частных, незадокументированных бесед, о содержании которых мне ровным счетом ничего не известно. Я наделю его развитым умением притворяться – я хорошо разбираюсь в таких вещах, – но на одном притворстве далеко не уедешь. Однако личность его все равно будет подделкой, и рано или поздно провалы в памяти обнаружатся. Активно распространяйте слухи, Гаотона, и они вам сослужат хорошую службу.

Кивнув, Гаотона закатал рукав и поставил руку. Шай подняла печать. Гаотона вздохнул, зажмурился и кивнул еще раз. Как всегда, когда Шай имела дело с живой плотью, ей на миг показалось, что печать продавливает нечто твердое. Словно рука Гаотона вдруг стала каменной.

Странное от этого возникает чувство, когда работаешь с живым человеком. Шай повернула и вытащила печать, оста-

вив на руке Гаотона красный оттиск. Она извлекла карманные часы и взглянула на секундную стрелку.

От печати поднимались тонкие струйки красного дыма; такое происходило, только если печать ставили на живой объект. Душа сопротивлялась изменениям. Но печать не рассеялась мгновенно. Шай выдохнула. Добрый знак.

Интересно... Если поставить такую печать на императора, как поведет себя его душа? Отторгнет ли привнесенные изменения? А может, наоборот, сообразив, что ее излечивают от раны, обрадуется, как то окно, которое отчаянно жаждало вернуть себе былую красоту?

Гаотона открыл глаза.

– Твоя печать... Она сработала?

– Пока держится, – сказала Шай.

– Ни малейшей разницы не ощущаю.

– Так и должно быть. В будущем император, если ощутит на себе печать, заподозрит неладное. А теперь говорите не задумываясь первое, что придет в голову. Ваш любимый цвет?

– Зеленый, – ответил Гаотона.

– Почему?

– Потому что... – Гаотона озадаченно склонил набок голове. – Просто потому, что он мне нравится.

– А как насчет вашего брата?

– Я его почти не помню. Он умер, когда я был еще совсем ребенком.

– И случилось это как нельзя кстати, – бросила Шай. – Ведь император из него вышел бы никудышный. Если бы его, конечно, вообще выбрали...

Гаотона поднялся.

– Не смей говорить о нем плохо! Да я тебя... – Он напрягся, глядя на Зу, который уже потянулся к рукояти меча. – Я... Брат?

Действие печати рассеялось.

– Минута и пять секунд, – пробормотала Шай, взглянув на часы. – Для начала неплохо.

Гаотона рассеянно прикоснулся тыльной стороной кисти ко лбу.

– Кажется, я помню брата. Но... у меня его нет и отродясь не бывало. И все же я помню, как боготворил его, и помню ту боль, что пережил, когда он умер. Ох и плохо же мне тогда было...

– Сейчас это пройдет, как после кошмарного сна, а уже через час вы ничего толком не вспомните. – Шай сделала на листе пометки. – Мои слова насчет брата вы восприняли чрезвычайно бурно. Да, Ашраван, можно сказать, боготворил его. Но чувств своих никогда не выказывал, храня их глубоко под сердцем. Возможно даже, из-за убеждения, что император из брата получился бы лучше, чем из него.

– Ты уверена?

– Насчет брата? Конечно уверена. Эту печать я слегка подправлю, но считаю, что в целом она удалась.

Гаотона откинулся на спинку стула и принялся сверлить Шай глазами, будто намереваясь добраться до самых потаенных мыслей, до самой души.

– Ты отменно разбираешься в людях, – проговорил он наконец.

– Этому учат задолго до того, как допускают к камням души.

– Такой талант, и... – прошептал Гаотона.

Шай охватило раздражение.

С какой стати этот старик смеет судить ее и упрекать в том, что она понапрасну растрчивает свою жизнь? Подделывание и есть ее жизнь! И ее истинная страсть!

Она подумала об одном, очень особенном клейме сущности, которое сейчас было заперто со всеми остальными. О самом дорогом из пяти, несмотря на то что Шай ни разу им не воспользовалась.

Она сделала вид, что не замечает пристальный взгляд Гаотона. Обижаться – непозволительная роскошь. Тетушка Сол всегда говорила, что самая большая опасность в жизни – гордыня.

– Давайте проверим следующую печать.

– Хорошо, давай. Но знаешь, я уже порядком запутался. Твои предыдущие рассказы дали мне пусть и общие, но все же представления о процессе подделывания. А теперь мне совершенно непонятно, каким образом печать вообще сработала на мне. Ведь ты же сама уверяла, что подделывание

требует максимального правдоподобия. Но в моем случае о каком правдоподобии речь? Ведь у меня не было никакого брата.

– Что ж, попробую объяснить. – Шай поудобнее уселась на стуле. – Я переписала вашу душу, сделав ее в некоторой степени подобной императорской. Точно так же я недавно переписала душу окна, поставив в него новый витраж. В обоих случаях изменения сработали благодаря тому, что были уже знакомы с объектами. Оконная рама и раньше имела представление о витраже. Ведь когда-то он в ней находился, и, несмотря на серьезные повреждения в прошлом, память о витраже сохранилась. Мне оставалось лишь овеществить эту память. Что касается вас, то вы провели немало времени с императором. Благодаря этому ваша душа знает его душу точно так же, как и рассмотренная нами оконная рама знает витраж. Я поставила вам на руке печать, и ваша душа получила частичку того, о чьем существовании отлично знала и прежде... Хотя, разумеется, знания этого хватило лишь ненадолго, и вскоре ваша душа напрочь отвергла эффект изготовленной мною печати.

Взгляд Гаотоны в смятении блуждал, сам же арбитр хранил молчание.

– Вы, наверное, считаете все сказанное мной суеверной чепухой? – некоторое время спустя спросила Шай.

– Звучат твои слова... весьма мистически. – Гаотона развел руками. – По-твоему, окно имеет представление о вит-

раже, а человеческая душа – о душе другого, близкого ему человека?

– Эти принципы действуют независимо от наших желаний, – сказала Шай и приготовила следующую печать. – Мы думаем об окнах, мы знаем о них; в духовном пространстве формируется... понятие о том, что такое окно. Оно обретает своего рода собственную жизнь. Вне зависимости от того, принимаете вы мои объяснения или нет, факты остаются неизменными: я могу проверять печати на вас, и если они держатся больше минуты – это несомненное свидетельство, что я на верном пути. Конечно же, в идеале мне бы опробовать мои творения на самом императоре, но, увы, в своем нынешнем состоянии разумно отвечать на вопросы он не сможет. Мне нужно не только добиться того, чтобы печати взялись, но и правильно их сочесть. А для этого необходимо, чтобы вы описывали свои ощущения. Так я смогу скорректировать узоры должным образом. Подставляйте руку – проверим действие очередной печати.

– Хорошо. – Гаотона приготовился.

Шай приложила к его руке новую печать, провернула на пол-оборота, отняла ее, и оттиск на руке Гаотона, полыхнув красным, бесследно исчез.

– Проклятье! – буркнула Шай.

– Что случилось? – Гаотона коснулся пальцами предплечья, но лишь размазал чернила – оттиск пропал так быстро, что даже не успел их задействовать.

– Похоже, что ничего. – Шай внимательно рассматривала поверхность печати, выискивая дефекты. – С этой я, очевидно, ошиблась, причем весьма радикально.

– А каких именно черт характера императора касалась эта печать?

– Именно тех, что сподвигли Ашравана стать императором. Разразите меня огненные ночи! Я ведь ни секунды в ней не сомневалась! – Шай, покачив головой, отложила печать в сторону. – Получается, что Ашраван стал императором во-все не потому, что в глубине души хотел доказать семье, что действительно способен им стать. И даже не ради того, чтобы наконец-то выйти из тени брата.

– Я скажу тебе, поддельщица, почему он это сделал, – произнес Гаотона.

Шай изучающе смотрела на него. Очевидно, что именно Гаотона поспособствовал восхождению Ашравана на престол, но в конечном счете император возненавидел арбитра. Возненавидел именно за свое восхождение?

– Интересно, – сказала она. – Почему?

– Он намеревался многое изменить в империи.

– В дневнике об этом ни слова...

– Он был скромным.

Шай в удивлении приподняла бровь. Услышанное шло вразрез со всеми записями, с которыми она ознакомилась.

– Конечно, он был весьма своенравным и невыносимо упрямым в спорах, но тем не менее в глубине души – весьма

скромным. Его скромность – очень важная черта его характера. Тебе необходимо это учитывать.

– Я учту, – сказала Шай.

«Ты ведь и с ним так же себя вел, – подумала она. – Смотрел разочарованно, намекая, что нам бы следовало быть лучше, чем мы есть».

Не только Шай казалось, что Гаотона относится к ней как дедушка, разочарованный поведением внучки.

Из-за этого хотелось отмахнуться от него. Вот только... он предложил свою кандидатуру для испытания печатей. Считая то, что она делает, ужасным, он принял это наказание сам, а не прислал кого-то другого.

«Ты ведь искренен, старик?» – подумала Шай.

Гаотона откинулся на спинку стула, размышляя об императоре, и взгляд его сделался отрешенным. Шай ощутила беспокойство.

Среди ее коллег по цеху многие посмеивались над честными людьми, называя их легкой добычей. И очень заблуждались. Честный человек совсем не обязательно наивен. Лживого дурака и честного дурака одинаково легко обмануть, только способы будут разные.

Но честного и умного человека обмануть всегда намного сложнее, чем умного лжеца.

Потому что искренним по определению сложно притворяться.

– Что за мысли скрывает твой взгляд?

– Думаю я о том, что вы, должно быть, относились к императору в недавнем времени точно так же, как и ко мне сейчас. Иными словами, бесконечно брюзжали по поводу того, что и как надлежит совершать.

Гаотона фыркнул:

– Кажется, именно этим я и занимался, но мои взгляды вовсе не были ошибочными. Он же мог... Мог бы стать кем-то большим, чем был. Так же, как и ты могла бы стать прекрасным художником.

– Я и есть прекрасный художник.

– Настоящим художником, я говорю.

– Так и есть.

Гаотона покачал головой:

– Картина Фравы... Похоже, кое-что мы упускаем из виду. Фрава приказала обследовать подделку, и эксперты обнаружили несколько неточностей. Сам я их, разумеется, без чужой подсказки и не разглядел бы, но они там несомненно имеются. Поразмыслив, я счел их несуразными. Ведь все мазки выполнены безупречно. Я бы даже сказал, мастерски, а манера письма полностью совпадает с манерой письма художника, создавшего шедевр. Но если ты отменно воссоздала тончайшие приемы, присущие кисти автора, зачем тогда, например, расположила луну слегка ниже, чем на оригинале? Такую ошибку, разумеется, сложно заметить, но мне кажется, ее ты допустила намеренно.

Шай потянулась за следующей печатью.

– И полотно, которое признано оригиналом, – продолжал Гаотона. – То, что сейчас висит в кабинете Фравы... Тоже подделка? Или я ошибаюсь?

– Не ошибаетесь. – Шай тяжело вздохнула. – За несколько дней до того, в который я намеревалась украсть скипетр, я прощупывала систему безопасности дворца. Проникла в галерею, добралась до кабинета Фравы и подменила картину.

– Значит, та картина, которую считают подделкой, на самом деле оригинал, – заключил Гаотона, улыбаясь. – И ошибки на холсте в кабинет Фравы ты нанесла намеренно, создавая видимость того, что оригинал и есть копия!

– Вообще-то, нет, – возразила Шай. – Хотя, признаюсь, к подобной уловке я в прошлом не раз прибегала, но в данном случае обе картины – подделки. Просто первая, очевидная, оставлена для того, чтобы ее обнаружили, если что-то пойдет не по плану.

– Получается, оригинал до сих пор где-то припрятан... – произнес заинтригованный Гаотона. – Изучая систему безопасности дворца, ты так, между делом, заменила оригинал шедевра копией. Вторую же копию, качеством чуть похуже, оставила в своей комнате на случай, если попадешься во время будущего проникновения во дворец за скипетром или тебя выдаст сообщник. Тогда бы ты призналась только в попытке кражи картины. И мы бы обыскали твою комнату в гостинице, обнаружили фальшивку и пришли к выводу, что похитить ты намеревалась именно картину, но подмену еще

не осуществила. И мы бы не стали искать подлинник.

– Примерно так все и случилось.

– Что ж, весьма разумно, ведь за кражу у частного лица положено гораздо менее суровое наказание, чем за попытку выкрасть предмет государственной важности. За похищение картины ты бы получила максимум десять лет, но уж никак не смертную казнь.

– К великому сожалению, меня по наводке шута схватили, как только я вышла из галереи со скипетром.

– Но что с оригиналом картины? Где ты его... Где он спрятан? – запинаясь, спросил Гаотона. – Он все еще во дворце?

– В некотором роде, – ответила Шай. – Ведь именно там я его и сожгла.

С лица Гаотоны медленно сползла улыбка.

– Ты лжешь!

– Не в этот раз, старина. Видите ли, пронести подделку внутрь – легче легкого, поскольку на входе никого толком не проверяют, но на выходе-то досматривают, да еще как. Следовательно, выносить картину из галереи было бы неоправданно рискованно. А подмену изначально я, если помните, совершила лишь ради того, чтобы проверить надежность охраны. В общем, интересовал меня только скипетр, а вовсе не картина, и потому, подменив картину, я тут же кинула оригинал в ближайший камин в главной галерее.

– Сама не понимаешь, что наделала! – в сердцах воскликнул Гаотона. – Это же был оригинал работы Шу-Ксена. Его

самый величайший шедевр! Шу-Ксен ослеп и более творить не способен. Ты вообще представляешь ценность... В голове не укладывается. Зачем ты так поступила?

– Никто ничего не узнает, все будут удовлетворены подделкой. Следовательно, вред от моих действий минимальный.

– Отдаешь ли ты себе отчет в том, что картина была бесценным произведением искусства?! – Гаотона впился в Шай взглядом. – Твой поступок – просто проявление гордыни, и ничего более. Ты и продавать-то ее не собиралась, желала лишь потешить самолюбие. Изначально стремилась к тому, чтобы именно твоя работа оказалась на всеобщем обозрении в галерее. Ты лишила нас всех великолепнейшей картины только ради того, чтобы возвысить себя в собственных глазах.

Шай пожала плечами. На самом деле причины, побудившие ее сжечь картину, были куда серьезнее, чем представлялось Гаотоне. Хотя она действительно уничтожила шедевр.

– На сегодня мы закончили. – Побагровевший Гаотона поднялся и в отчаянии махнул рукой. – А ведь я подумал... Эх, чтоб тебя!

Он рывком распахнул дверь и вышел.

День сорок второй

Каждый человек – изначально головоломка.

Так говорил Тао, первый наставник Шай. Поддельщик – вовсе не мошенник или шарлатан, а художник, живописующий не красками, а людскими воспоминаниями и помыслами.

Дурить людям голову по силам почти любому оборванцу с улицы, истинный же поддельщик стремится к более возвышенным целям. Обычные мошенники туманят человеку разум и уносят ноги, прежде чем раскроется обман; поддельщик же творит нечто настолько совершенное, настолько прекрасное и реальное, что оно даже малейшему сомнению не подвергается.

«Уважай людей, которых обманываешь, – учил Тао. – И со временем научишься их понимать».

Шай сейчас не просто работала, а создавала истинно правдивую книгу бытия императора Ашравана. И книга эта в своей правде превзойдет все хвалебные оды, написанные императорскими писцами. Она затмит даже труд самого императора о его собственной жизни. Шай медленно продиралась сквозь тернии, постигая истинный характер Ашравана, собирала из разрозненных кусочков цельную мозаику-картину его помыслов и поступков.

Гаотона назвал императора идеалистом. Сейчас, при перечитывании ранних записей императора, эта черта характера стала очевидна Шай. В частности, об идеализме свидетельствовали слова императора о подданных. По его мнению, империя вовсе не была чудовищем. Но была ли она прекрасна? Тоже нет. Империя просто была, просто существовала.

Традиции возвеличивания Великих были в империи непоколебимы. А поступление на государственную службу, сулящее престиж и обогащение в основном за счет поборов, в большей степени зависело от взяток и родственных связей, чем от образованности и личностных качеств претендента на должность. Настоящих же тружеников – крестьян, ремесленников и мелких торговцев – установившаяся в империи система тысячами жадных ручонков без зазрения совести обирала до нитки.

Таким образом, простые люди постоянно страдали, но все же стоически терпели умеренную тиранию. Они и к повсеместной коррупции привыкли относиться как к ниспосланной свыше данности. Ведь большинство из них понимало, что альтернативой нынешней жизни является лишь хаос, полный непредсказуемости и ничем не ограниченного насилия.

Сложившиеся в империи порядки ни для кого секретом не являлись. Ашраван искренне мечтал изменить их к лучшему. Во всяком случае, мечтал поначалу.

А потом... Потом, собственно, ничего особенного не случилось. Поэты, возможно, в стихах укажут лишь на один какой-то изъян в характере Ашравана, который и свел его изначальные помыслы на нет. Но как густой лес изобилует травами, кустами, цветами и замысловато переплетающимися лозами, так и всякий человек полон самых разных эмоций и желаний. И каждое из них борется в душе с себе подобными, словно прекрасный цветок в том же густом лесу за клочок земли. В общем, изъянов в человеке всегда хватает. А значит, если Шай решит вдруг заложить в основу окончательной печати души императора только один-единственный очевидный недостаток, в итоге выйдет не человек, а лишь жалкая пародия на человека.

Но стоит ли вообще стараться? Не сосредоточиться ли на том, что нужно арбитрам? А нужна им марионетка, которая будет с успехом выступать на официальных мероприятиях.

Такой император окажется вполне способен обмануть двор, хотя серьезной проверки, конечно же, ему не выдержать. Пусть так, но нынешним арбитрам не составит труда вскорости убрать его с глаз долой, сославшись на тяжелое состояние здоровья.

В общем, Шай под силу сотворить пародию на императора.

Да, Шай может проделать такую работу.

Может, но не хочет.

Это слишком примитивно, слишком скучно. Она же не уличная воровка, живущая одним днем. Сделать настоящего живого Ашравана – истинный вызов ее талантам.

Шай поймала себя на мысли, что действительно хочет дать Ашравану новую реальную жизнь.

Она прилегла на кровать, уже переделанную в удобную – с красивыми балясинами, балдахином и мягким одеялом, – и задернула полог.

«Зачем возрождать Ашравана к истинной жизни? – подумала Шай. – Ведь арбитры прикончат тебя прежде, чем ты узнаешь, получилось ли задуманное. Твоей единственной целью должно быть собственное спасение».

И все же...

Все же сам император...

Почему Шай решила подменить Лунный скипетр? Да потому, что эта державная реликвия известна всем и каждому. А Шай мечтала, чтобы ее работа лежала на самом почетном

месте в грандиозной Имперской галерее.

Но сейчас ей предстояло сотворить совершенно невероятное. Интересно, кому-нибудь из поддельщиков удавалось подобное?

Созданный ею властитель на Троне Роз...

«Хватит, – велела она себе. – Не увлекайся. Гордыня, Шай! Не поддавайся ей».

Шай открыла последние страницы книги с записями. Те самые, на которых набрасывала план побега. Записи были зашифрованы, и посторонний увидел бы лишь перечень терминов и имен.

На днях прибежал запыхавшийся клеймящий. Боялся, что он не успеет вовремя обновить печать. От него разило перегаром. Воистину, дворец принимал его гостеприимно. Если бы только Шай удалось сделать так, чтобы он явился утром пораньше и в тот же вечер вдрызг напился, тогда бы...

Клеймящие кровью жили в землях Джамара на болотах. Болота же эти граничили с горами, в которых обитал народ Бойцов. Разумеется, эти народы друг друга на дух не переносили, и взаимная нелюбовь, уходя корнями в глубокую древность, была гораздо сильнее преданности империи.

Некоторые Бойцы из охраны не таясь кривились, стоило на пороге появиться клеймящему. Шай, решив завести с ними дружбу, бросала время от времени шутки и краткие реплики, подчеркивающие ее сходство со стражниками.

Бойцам запретили разговаривать с Шай, но шли недели, а

она только и делала, что копалась в книгах да изредка общалась с арбитрами. Охранники заскучали, а теми, кому скучно, проще манипулировать.

В распоряжении Шай было достаточно камня души, и она могла бы воспользоваться им, но простейшие методы, как правило, более действенны. Ведь люди всегда ждут, что поддельщик применит печати. А Великие навывдумывали множество историй о темном колдовстве и о поддельщиках, размещающих оттиски на ступнях спящего человека, чтобы менять его индивидуальность и насиловать разум.

На самом же деле печать души для поддельщика – крайнее средство. Слишком уж легко ее обнаружить.

«Хотя за мои клейма сущности я сейчас готова отдать правую руку...»

Она почти соблазнилась мыслью вырезать себе новое клеймо сущности для побега. Конечно, стражники начеку. И вообще, попробуй незаметно провести сотни тестов, необходимых для того, чтобы печать заработала как надо. Станешь испытывать ее на собственной руке, и охранники вмиг заподозрят неладное. А Гаотона для подобных целей точно не подойдет. Использовать же непроверенное клеймо сущности... Затея точно не из лучших.

Нет, при побеге все же следует полагаться на традиционные уловки, а к помощи печати души прибегнуть в самом крайнем случае.

День пятьдесят восьмой

К следующему приходу Фравы Шай была полностью готова.

Верховный арбитр остановилась в дверном проеме, прищурившись, огляделась и решительно шагнула внутрь. Проскользнув мимо нее, охранники, на этот раз уже без указаний, покинули комнату, а явившийся вместе с верховным арбитром капитан Зу, немедленно заняв их место, затворил дверь.

– А ты, как я погляжу, потрудилась на славу, – заметила Фрава.

Шай приподняла голову. Арбитр говорила об улучшениях в комнате, а никак не об основной работе. Всего лишь

несколькими днями ранее Шай трансформировала пол комнatenки, что не составило великого труда. По документам ведь легко выяснить, кто строил, из какого камня, откуда и когда тот камень сюда завезли...

– Вам нравится? – спросила Шай. – Думаю, мрамор отменно гармонирует с камином.

Фрава повернулась и удивленно моргнула.

– Камин? Откуда здесь?.. Мне кажется или комната действительно стала просторнее?

– За стенкой располагалась небольшая кладовка, но ею никто не пользовался, – заявила Шай. – А перегородку между помещениями возвели совсем недавно, может года два назад. Я слегка переписала процесс ее конструкции, так чтобы эта комната стала большей из двух, и обзавелась камином.

Фрава выглядела ошеломленной.

– Даже и не знаю... – Она вновь нацепила на себя привычную маску надменности. – Похоже, к своим обязательствам ты относишься более чем легкомысленно, поддельщица. Ведь ты здесь не дворец реконструируешь, а императора к жизни возвращаешь.

– Работа с камнем души меня успокаивает. И трудиться приятнее в просторном помещении, чем в тесном чулане. Да не волнуйтесь, будет вам душа императора в срок.

Арбитр прошла по комнате, изучая заваленный бумагами стол.

– То есть работу над камнем души императора ты уже на-

чала?

– И не над одним. Это дело непростое. Я проверила на Гаотоне уже более сотни предварительных образцов.

– На арбитре Гаотоне, – поправила Фрава.

– Именно, на старике Гаотоне. И каждая опробованная на нем печать – лишь крошечный кусочек общей картины. Как только получу все работоспособные фрагменты, приступлю к изготовлению совсем уж миниатюрной гравировки. В итоге одна печать вместит в себя с дюжину уже проверенных.

– Как так? Ведь ты только что заявляла, что испробовала уже больше ста, а в финальную версию войдет лишь дюжина из них?

Шай фыркнула:

– Дюжина? На душу человека? Да что вы, Фрава. Финальная печать, которую придется ставить на императора каждое утро, послужит лишь ключом. Или, иными словами, краеугольным камнем. И активировать она будет сеть из сотен удачно изготовленных печатей. – Шай достала из груды бумаг книгу с записями и раскрыла ее там, где находились наброски окончательных печатей. – Эти символы необходимо нанести на металлическую пластину, а затем связать ее с итоговой печатью-ключом. И полученную пластину императору предстоит всегда носить при себе.

– Ему еще и какую-то пластину таскать придется? – Фрава нахмурилась. – И печать заново каждое утро ставить? Не находишь ли, что вести нормальный образ жизни при таких

условиях императору окажется крайне затруднительно?

– Полагаю, – парировала Шай, – что сам пост императора изначально исключает ведение нормального в обычном понимании образа жизни. Не волнуйтесь, все получится. Пластину целесообразнее вмонтировать в украшение. Например, в медальон или браслет с квадратными сегментами. Посмотрите на мои клейма сущности. Они точно так же устроены, и в коробочке под каждым лежат пластинки. – Шай слегка замялась. – Тем не менее я никогда раньше такого не делала; никто никогда подобного не делал. Но весьма вероятно, что через некоторое время мозг императора впитает в себя всю необходимую информацию, и необходимость ставить печать ежедневно отпадет. Это примерно как год за годом отпечатывать одно и то же изображение на стопке бумаг в том же самом месте – в итоге на нижних страницах проявится рисунок.

– И все равно считаю предложенное тобой совершенно кошмарным.

– Даже более кошмарным, чем оставить императора мертвым? – спросила Шай.

Фрава взяла книгу с заметками и эскизами Шай и захлопнула ее.

– Прикажу писцам скопировать все, – как бы между прочим сообщила она.

Шай поднялась.

– Книга мне нужна.

– Не сомневаюсь в этом, – кивнула Фрава. – Потому-то ее и скопируют. Для страховки.

– Копирование займет много времени.

– Верну я тебе твои драгоценные записи завтра же, – бросила Фрава и направилась к двери.

Шай кинулась следом, но путь ей преградил Зу, наполовину вытащив из ножен кинжал.

Фрава, остановившись, обернулась:

– Спокойно, капитан. Поддельщица всего лишь защищает проделанную работу. И это правильно. Это говорит о том, что она старалась.

Взгляды Шай и Зу пересеклись.

«Да он и впрямь жаждет моей смерти! – заключила Шай. – Дело плохо».

Она поняла, в чем причина. Зу поручено охранять дворец, а Шай совершила там кражу и попалась только из-за доноса императорского шута, да и то лишь после того, как покинула галерею. Вот и выходит, что со служебными обязанностями капитан не справился. Хочет расквитаться.

Шай отвела взгляд. Как бы ни было тошно, но выглядеть сейчас надлежит сломленной, покорной.

– И поаккуратнее, – предупредила она Фраву. – Проследите, чтобы писцы не потеряли ни одной странички.

– Я буду обращаться с твоими записями так трепетно, как если бы от этого... зависела жизнь императора. – Фрава нашла свою шутку забавной и одарила Шай редкой улыбкой. –

А ты подумала над вопросом, который мы недавно обсуждали?

– Подумала.

– Ну и?

– Мой ответ – да.

Улыбка Фравы стала шире.

– Отлично. Что ж, скоро снова поговорим.

Верховный арбитр ушла с книгой, содержащей два месяца кропотливой работы. Шай знала, что копировать записи эта женщина вовсе не намеревается. Она покажет их своему поддельщику, и, если тот решит, что сделанного достаточно для завершения работы, от Шай без лишнего шума избавятся, не дожидаясь возражений других арбитров. Зу будет счастлив прикончить ее собственными руками.

День пятьдесят девятый

Этой ночью Шай не спалось.

Она была уверена, что подготовилась вполне тщательно, но все же приходилось ждать. И ожидание это было сродни затягивающейся на шее петле. Что, если она все же истолковала ситуацию превратно?

Все записи в книге Шай специально делала малодоступными для понимания посторонним. Порукой тому служили и мелкий неразборчивый почерк, и перекрестные ссылки, и списки – многочисленные списки напоминаний о том, что ей предстоит сделать... В итоге получился пухлый манускрипт, кричащий о том, что работа невероятно сложна.

Записи представляли собой подделку, и подделку слож-

нейшую... Подделку, которая имитировала не определенный объект, а создавала заведомо превратное представление об общем содержании книги.

«Держись от меня подальше, – внушала та. – Претворить в жизнь хоть что-то из написанного нереально. Лучше уж оставь эту каторгу на долю Шай! Иначе ты потерпишь провал и заплатить придется собственной головой...»

Эти записи были одной из самых тонких подделок, которые Шай когда-либо создавала. В каждом слове и правда, и ложь, и разобраться, насколько сильно текст влияет на восприятие читающего, смог бы только искусный мастер-поддельщик.

А насколько хорош поддельщик Фравы?

И доживет ли Шай до утра?

Она не спала. И это притом, что хотела и должна была, а ожидание, растянувшееся в часы, было сущим мучением. Но мысль о том, что за ней придут и застанут спящей, казалась уж совсем невыносимой.

Измучившись вконец, Шай встала и извлекла из груди на столе очередную стопку бумаг, повествующих о жизни Аш-равана. Охранники, игравшие в карты за этим же столом, подняли удивленный взгляд. А один даже, рассмотрев болезненную усталость на ее лице и покрасневшие, запавшие глаза, кивнул на лампу.

– Яркий свет заснуть не дает? – спросил он сочувственно.

– Вовсе нет, – ответила Шай. – Просто мысли из головы

не идут.

Она вернулась в постель и, листая страницы, на весь остаток ночи погрузилась в жизнь Ашравана.

Досадуя на отсутствие книги с записями, она взяла чистый лист и принялась делать новые заметки. Позже она добавит их в книгу. Конечно, если ей эту книгу вернут.

Похоже, она наконец-то поняла, почему Ашраван утратил юношеский оптимизм.

Отчасти, конечно же, причиной тому повсеместные в империи коррупция и бюрократия. А отчасти – недостаток уверенности в себе самом. Но эти причины не были главными.

Основной причиной краха всех прогрессивных устремлений Ашравана стала сама его жизнь.

Жизнь во дворце, в этой частице империи, напоминала работу часового механизма. Здесь каждый выполнял свою роль. Конечно, не все его детали функционировали безупречно, но в целом механизм со своей задачей справлялся.

Ашраван вовсе не был ленив, но жил в праздности, а побороть продажность и косность в империи можно, лишь собрав всю волю в кулак. Но стоит ли напрягаться именно сейчас? Что мешает в следующем месяце властно потребовать неукоснительного приведения в жизнь всех намеченных перемен? Но с каждым месяцем молодому императору все труднее было справляться с громоздкой бюрократической машиной, а вот плыть по течению великой реки, именуемой Империей Роз, все легче, все приятнее.

Таким образом, Ашраван становился все менее требовательным, все более снисходительным, и все больше его заботили убранство и красота дворца, а вовсе не жизнь подданных. И все больше значимых в империи руководящих функций подминали под себя арбитры.

Шай вздохнула. Разумеется, описание это было весьма упрощенным, поскольку совсем не учитывало, каким доподлинно человеком был император и каким стал. Хронология событий ничего не говорила о его характере, о любви к дискуссиям, о взглядах на красоту или о том, что он писал весьма посредственные стихи и страстно ожидал от окружающих самых искренних похвал.

Хронология событий также ничего не говорила о высокомерии императора или о его тайном желании стать кем-то другим, лучшим. Не говорила, почему он снова и снова перечитывал собственный дневник. Может, выискивал в нем тот переломный миг, то уникальное событие, после которого он ступил на неверный путь?

Если Ашраван задавался этим вопросом, то ответа так и не нашел. Ведь редко можно с уверенностью сказать, где именно в жизни ты оступился. Люди меняются медленно, незаметно. Крайне редко случается тот шаг, что уводит тебя с дороги на зыбкую почву. Ты делаешь все новые шаги, и кажется, что вернуться на прежний путь можно в любой момент, как вдруг ты осознаешь, что давно заблудился. И вот ты уже в другом городе, оторопело гадаешь, почему тебя

подвели дорожные указатели.

Дверь в комнату отворилась.

Шай сорвалась с кровати, едва не уронив бумаги.

За ней пришли!

Но нет!

Сквозь витраж вполне отчетливо пробивался солнечный свет, а стражники позевывали и потягивались.

Всего лишь наступило утро.

В комнату ввалился клеймящий. Похоже, снова с похмелья и, как нередко бывало прежде, в руках держит какие-то бумаги.

«Сегодня он что-то раненько, – подумала Шай, взглянув на карманные часы. – Но с чего бы вдруг? Обычно он запаздывает».

Клеймящий сделал надрез, и руку Шай, как обычно, пронзила жгучая боль. Клеймящий молча запечатал дверь и выскочил из комнаты, будто отчаянно спешил на важную встречу.

Шай потрясла головой в задумчивости.

Всего лишь через минуту дверь открылась вновь и вошла раздраженная Фрава. Стража отсалютовала ей, а она с хлопком опустила книгу на стол.

– Проснулась? – нетерпеливо произнесла Фрава. – Писцы свое дело сделали. Принимайся за работу.

И тотчас вышла из комнаты.

Шай облегченно вздохнула. Ее уловка сработала, и в за-

пасе есть несколько недель.

День семидесятый

– Получается, этот символ, – Гаотона указал на сделанный Шай эскиз будущей главной печати, – означает конкретный момент времени. Семь лет назад? Я не ошибся?

– Вы не ошиблись, – подтвердила Шай и сдула пыль с только что вырезанной печати. – Схватываете на лету.

– Еще бы. Ведь я, можно сказать, ежедневно подвергаюсь хирургическому вмешательству. И какими именно ножами оно осуществляется, мне в высшей степени не безразлично.

– Изменения никоим образом не...

– Никоим образом не отражаются на мне и не отразятся в дальнейшем. Ты меня в этом уже много раз заверяла.

Помню. – Он протянул руку к Шай. – Если порежешься единожды, ранка затянется, но, если одно и то же место резать каждый день, непременно образуется шрам. И с душой человеческой ведь то же самое?

– С душой все совершенно иначе, – ответила Шай и прижала очередную печать к руке Гаотона.

Он ей так и не простил сожженного шедевра Шу-Ксена. Она отчетливо ощущала это при взаимодействии. Гаотона был не просто разочарован в ней – он на нее злился.

Со временем гнев угас, и восстановились нормальные рабочие отношения.

Гаотона поднял голову:

– Все-таки странно.

– Что именно вам кажется странным? – спросила Шай, отсчитывая секунды по карманным часам.

– Помню, как сам себя уговаривал стать императором. И... и злился на себя самого. Мать Света!.. Неужели он и правда обо мне так думал?

Наконец-то эта печать заработала!

– Да, – ответила она. – Считаю, что именно так он к вам тогда и относился.

Печать действовала пятьдесят семь секунд. Неплохо!

Осталось совсем немного. Скоро Шай сможет понять императора, и все детали мозаики встанут на свои места.

Каждый раз, когда Шай создавала что-то значимое – картину, скульптуру или изящное ювелирное изделие, – еще до

завершения работы к ней неизменно приходила отчетливая картинка окончательного результата. И тогда доработка становилась делом рутинным.

Сейчас произошло именно так: перед мысленным взором возник истинный образ императора, вся его душа, пусть и с незначительными пробелами. Шай так много прочла об Ашраване, что он стал ей близким, почти другом. И потому задача довести начатое до логического завершения превратилась для нее в необходимость.

А с собственным побегом можно и подождать.

– Эта – та самая? – спросил Гаотона. – Та самая печать, с помощью которой ты пыталась несколько раз выяснить, почему он согласился стать императором?

– Да, – вымолвила Шай.

– Его дружба со мной... – пробормотал Гаотона. – Получается, что решение явилось результатом наших долгих дискуссий и... И еще причиной стало чувство стыда, которое возникало у него в разговорах со мной.

– Несомненно.

– И печать взялась?

– Да.

Вставший было Гаотона опустил на стул.

– Матерь Света... – прошептал он.

Шай положила печать к тем, что уже успешно опробовала.

За последние недели ее, подобно Фраве, успели навестить все арбитры. И каждый сулил горы золота, потому что жаж-

дал единолично исподволь управлять императором. Только Гаотона не пытался подкупить ее.

В голове не укладывалось, что находящийся у самой вершины иерархической системы Гаотона оказался честным человеком. Из чего, к сожалению, следовало, что использовать его будет гораздо сложнее.

– Должна сказать, – заметила Шай, повернувшись к нему, – что вы снова меня поразили. Вряд ли кто-нибудь из Великих стал бы тратить время на изучение печатей души. Они все, даже не пытаясь вникнуть, панически шарахаются от того, что считают злом. Ну а вы свое мнение не изменили?

– Нет, – ответил Гаотона. – Я по-прежнему считаю твое ремесло если не абсолютным злом, то по крайней мере кощунством. И все же кто я такой, чтобы судить? К тому же дальнейшее правление Великих, увы, теперь полностью зависит от тебя и от твоего искусства, которое мы с такой легкостью называем скверной. Наша жажда власти оказалась сильнее нашей совести.

– В отношении прочих арбитров ваши слова полностью верны, – согласилась Шай. – Но вами, несомненно, движут совершенно иные мотивы.

Он удивленно приподнял брови.

– Вы просто хотите вернуть Ашравана, – продолжила Шай. – И отказываетесь признавать, что потеряли его. Вы любили его как сына... Любили того молодого человека, которого воспитывали как будущего императора и в которого

верили, даже когда он сам в себя не верил.

Гаотона отвел взгляд.

– Но если у меня полностью получится возрождение, все равно он будет уже не тем Ашраваном, которого вы знали. Вы ведь это понимаете?

Гаотона кивнул.

– Но... хорошая имитация может оказаться не хуже оригинала, – продолжила Шай. – Вы из фракции «Наследие». Вы окружаете себя фальшивыми древностями и копиями давно утраченных произведений искусства. Поддельный император не будет сильно отличаться от ваших любимых подделок. А еще... вам хочется знать и помнить, что ради него вы сделали все от вас зависящее.

– Как тебе удастся? – тихо спросил Гаотона. – Я краем уха слышал, какие разговоры ты ведешь с охранниками. Ты знаешь всех по именам, и тебе даже известно, как живут их семьи, что любой из них любит и что делает по вечерам... И всеми этими сведениями ты обзавелась, просидев несколько месяцев взаперти?

– Люди, согласно своей природе, пытаются овладеть всем, что их окружает. – Шай, поднявшись, взяла другую печать. – Люди строят стены, защищаясь от ветра, и крыши – от дождя. Люди приручают стихии, подчиняют саму природу своей воле и мнят себя всесильными.

Правда состоит в том, что, поступая таким образом, люди лишь заменяют одну воздействующую на них среду другой.

И к примеру, вместо ветра на них уже влияют возведенные ими же самими стены. Человеческие пальцы касаются всего, до чего способны дотянуться. Люди ткут ковры, выращивают пищу, и поэтому каждая вещь в городе, которую мы видим и чувствуем, является результатом чьего-то воздействия.

Мы верим, что способны управлять людьми. Но это самообман, если мы не понимаем людей. Управление окружающей средой не сводится к защите от дождя или ветра. Оно заключается и в знании того, почему служанка проплакала всю ночь или почему охранник постоянно проигрывает в карты. Или почему работодатель нанял именно вас, а не кого-то другого.

Гаотона смотрел, как Шай садится и протягивает ему печать. Неохотно закатав рукав, он сказал:

– Похоже, мы недооценили тебя, девушка. И даже наша предельная осторожность в отношении тебя окажется в итоге недостаточной.

– Весьма возможно, – сказала она. – А теперь сосредоточьтесь. – Шай приложила к его руке печать. – И скажите, почему вы с детства ненавидите рыбу.

День семьдесят шестой

«Мне уже пора, – думала Шай, пока клеймящий делал на ее руке ежеутренний надрез. – Сегодня. Сегодня я отсюда наконец-то удеру».

В другом рукаве ее сорочки была припрятана бумага – внешне точная копия тех, что приносил с собой клеймящий, когда приходил раньше обычного.

Двумя днями ранее Шай заметила на одной такой бумаге следы воска. Несомненно, это было письмо. Значит, она ошибалась в этом человеке с самого начала.

– Ну и как, новости нынче хорошие? – участливо спросила она, пока клеймящий смачивал печать в ее крови.

Его тонкие бледные губы растянулись в глумливой ухмыл-

ке.

– Из дома, – как ни в чем не бывало продолжила Шай. – У вас же переписка с женщиной из Джамара. Вы сегодня получили от нее ответ. Разве нет? Почта приходит по утрам. В дверь раздается стук, и вы...

«И ты сразу же просыпаешься, – мысленно добавила она, – и потому-то в такие дни приходишь сюда вовремя».

– Должно быть, вы очень по ней скучаете. И оттого каждый раз прихватываете письмо с собой, а не оставляете в комнате.

Клеймящий с силой схватил Шай за ворот сорочки и притянул к себе.

– Не смей говорить о ней, ведьма! – прошипел он в лицо. – Даже думать о ней не смей! И оставь при себе свои грязные трюки и магию!

Он оказался гораздо моложе, чем Шай полагала поначалу. С джамарцами вечно так: непонятно, стареют ли они вообще, поскольку волосы у всех от рождения белые, как и кожа.

«А мне бы следовало задуматься о его возрасте давным-давно, – упрекнула себя Шай. – Ведь он же еще совсем юнец».

Шай насупилась.

– И про трюки и магию говоришь мне ты? – процедила она. – Ты, держащий в руках измазанную в моей крови печать? Кто, если не ты, угрожал мне скелетами? А что могу я? Только старый стол отполировать!

– Я просто... Просто... А-а-а!.. – Беспомощно всплеснув руками, парень затопал к двери, поспешно обновил на ней печать и выскочил вон.

На лицах стражников, следивших за этой сценой, отражалась смесь беспечного веселья и неодобрения. Шай специально подбирала слова так, чтобы внушить охране: она совершенно безобидна, а вот ее собеседник, клеймящий, существо сугубо противоестественное. За эти три месяца стражники привыкла относиться к ней как к дружелюбной хлопотунье, увлеченной своим невинным ремеслом. Клеймящий же внушал страх: он макал в чужую кровь печать, чтобы использовать ее в каких-то таинственных ритуалах.

Охранники очень кстати отвернулись, и Шай решила, что пора обронить бумагу. Она медленно опускала правую руку. Еще чуть-чуть, и из рукава выпадет листок, что и послужит началом реализации плана. Побег наверняка удастся!

«Но подделывание еще не завершилось. Душа императора не создана!..»

Шай заколебалась. И это было ее ошибкой.

Дверь захлопнулась, и благоприятная возможность ускользнула.

Разом лишившись сил, она подошла к кровати и присела на краешек. Поддельное письмо так и осталось в рукаве.

Почему она засомневалась? Неужели у нее так слаб инстинкт самосохранения?

«Подождать еще немного я вполне могу, – заверила она

себя. – Во всяком случае, до того дня, когда будет готово клеймо сущности Ашравана».

Шай говорила себе то же самое в течение последних нескольких дней, а может, даже не одну неделю. А ведь Фрава в любую минуту могла нанести удар. Та снова и снова приходила под разными предлогами, чтобы забрать записи. Несомненно, относилась туда, где их тщательно изучали. А работа приближалась к рубежу, за которым другой поддельщик сможет разобраться в записях Шай и закончить начатое ею.

По крайней мере, он будет в это верить.

Чем дальше продвигался проект, тем четче Шай осознавала, насколько безумен он и сложен. Но в то же время ей все сильнее хотелось успешно завершить его, несмотря ни на что.

Она взяла книгу с записями о жизни императора. Нашла нужную страницу и принялась читать о годах юношества. И вдруг поймала себя на мысли о том, что вся ее работа не более чем притворство, скрывающее истинную цель – побег. И эта мысль причиняет ей щемящую боль. Сбеги она сейчас, и ему больше не жить!

«Ночи! – подумалось Шай. – Да ты привязалась к императору. Относишься к нему совсем как Гаотона».

Она не может испытывать такие чувства к Ашравану. Коли на то пошло, она ни разу с ним не встречалась. К тому же его все презирают.

Но раньше было по-другому. И если рассуждать беспри-

страстно, то он не заслужил презрения. Он куда сложнее, чем о нем думают. Как и любой человек. Шай способна его понять, способна увидеть в нем...

«Ночи!»

Она решительно встала и положила книгу на стол.

Через шесть часов отворилась дверь, Гаотона шагнул в комнату и замер в изумлении. Шай как раз приложила к противоположной от входа стене печать, а от печати во все стороны зазмеились зеленые, багряные, янтарные виноградные лозы.

Изображение на стене, словно обрета собственную жизнь, безудержно разрасталось, на ветвях распустились листья, и в образовавшихся гроздьях завязывались ягоды. Листья увеличивались в размерах, ягоды же, набравшись соков и света, стали упругими и спелыми. На стене проявлялись все новые и новые детали, к примеру, из-под выющихся лоз выглянули шипы с капельками алмазной росы на острых кончиках. Возникнув будто из ниоткуда, по контурам изображения побежала сверкающая золотом окантовка, отчего фреска сразу же стала глубже, объемнее, и каждый дюйм ее наполнился иллюзией движения.

Гаотона трепетно вздохнул и стал рядом с Шай.

Вошел Зу, а двое охранников поспешно покинули комнату и закрыли за собой дверь.

Гаотона протянул руку и прикоснулся к стене, но краска, разумеется, оказалась сухой, поскольку стена полагала,

что расписана была именно таким образом уже годы и годы назад. Гаотона, опустившись на колени, изучил два оттиска, поставленные Шай в противоположных углах фрески у самого пола. Каждый содержал в себе собственные инструкции относительно того, каким должно быть изображение. Третий же оттиск, поставленный выше, произвел трансформацию. В нем заключалась информация о том, когда и при каких обстоятельствах в прошлом создали эту фреску и какие предпосылки тому послужили.

– Как?.. – спросил Гаотона.

– Один из опекающих меня Бойцов сопровождал Ацуко из Джиндо во время его визита во Дворец Роз, – ответила Шай. – Ацуко тут тяжело заболел, и ему пришлось три недели провести в спальне, расположенной как раз этажом выше.

– А твое подделывание перенесло изображение из той спальни в эту комнату?

– Не совсем. Такое изображение было там в прошлом году, и его уничтожила просочившаяся сквозь потолок вода. Но стена в том помещении до сих пор помнит Ацуко, который проводил там дни и ночи напролет. Он был тогда слишком слаб, чтобы покинуть дворец, но на рисование ему хватило сил. Коротая время, он каждый день добавлял к уже созданному узору то листья, то ягоды, а то и капли росы.

– Печать, которую ты описала, не возьмется, – возразил Гаотона. – Подделка неубедительная, поскольку содержит слишком много изменений одновременно.

– Пусть изменений и много и пусть произведены все сразу, но они сложились в единую линию и привели меня... – Поглощенная в течение последних шести часов неистовым творческим порывом, Шай толком не помнила происходившее, но все же уверенно заявила: – Привели меня именно туда, где и создается истинная красота.

Она убрала печать.

– И все же... – попытался возразить Гаотона.

– Она возьмется, – перебила его Шай. – Если бы вы были стеной, что бы предпочли? Быть серым и скучным или живым и ярким?

– Стенам не дано думать!

– Это не мешает им желать.

Гаотона покачал головой, бормоча что-то про суеверия.

– Сколько тебе потребовалось времени? – спросил он.

– Чтобы сделать эту печать души? Я занималась ею урывками в течение месяца. Эта стена – последнее, что я намеревалась изменить в комнате.

– Художник был джиндосцем, – произнес он. – Возможно, благодаря именно тому, что вы из одного народа, стена... Хотя нет. Это уже отдает твоими суевериями.

Гаотона тряхнул головой, пытаясь постичь, почему картина должна взяться, но для Шай это было очевидно.

– Джиндосцы и мой народ не одно и то же, да будет вам известно, – сообщила она раздраженно. – Возможно, давным-давно мы и были едины, но сейчас уже значительно от-

личаемся друг от друга.

Ох уж эти Великие. Просто потому, что у народов есть сходные черты, Великие считают их почти одинаковыми.

Гаотона оглядел комнату, ухоженную и обставленную резной мебелью. Мраморный пол с серебряной инкрустацией, потрескивающий камин и небольшая изящная люстра. Пол покрыт великолепным ковром, некогда бывшим всего лишь рваным одеялом. На правой стене многоцветьем сверкает витраж, освещая восхитительную фреску.

Первоначальный вид здесь сохранила лишь дверь. Масивная, но абсолютно непримечательная. Разумеется, Шай не могла перевоплотить ее, поскольку на ней стояло кровавое клеймо.

– Ты ведь понимаешь, что у тебя теперь лучшая комната во дворце, – произнес Гаотона.

– Сомневаюсь. – Шай хмыкнула. – Очевидно же, что покой императора куда роскошнее моей комнатенки.

– Самые просторные во дворце, да. Но они не лучше. – Гаотона присел перед фреской, вновь разглядывая печати внизу. – Ты добавила подробные разъяснения о том, каким образом расписали фреску.

– Чтобы сотворить реалистичную подделку, – сказала Шай, – необходимо обладать весьма уверенными навыками реального создания того, что имитируешь.

– Значит, с тем же успехом ты бы могла расписать эту стену и сама.

– У меня нет красок.

– Если бы попросила, я бы принес. Но вместо этого ты, как обычно, создала подделку.

– Такая уж я есть, – огрызнулась Шай, чувствуя, как в душе нарастает раздражение оттого, что он взялся за старое.

– Какой тебе быть, ты решила сама. Если даже стена может возжелать фреску на себе, то и ты, лишь захотев, стала бы великим живописцем.

Она грохнула печатью о стол и глубоко вздохнула.

– А ты с характером, – продолжил Гаотона. – Как и Аш-раван. Кажется, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, потому что благодаря тебе несколько раз испытал подобное на собственной шкуре. Наверное, таким способом... и в самом деле можно наладить искренний диалог между людьми, научить их понимать друг друга. Всего лишь требуется добавить свои эмоции на печать и дать другим почувствовать то, что чувствуешь сам.

– Звучит красиво, – произнесла Шай. – Одно плохо: подделывание души считается в здешних краях ужасным преступлением.

– Верно, считается.

– Раз уж вы прочитали мои последние печати, должно быть, и впрямь стали неплохо разбираться в моем ремесле, – резко сменила тему разговора Шай. – Настолько неплохо, что можно подумать, будто вы меня намеренно ввели в заблуждение.

– На самом деле...

Шай встрепенулась, окончательно прогоняя гнев. Что на нее нашло?

Гаотона смущенно полез в глубокий карман мантии и достал деревянную коробочку. Ту самую коробочку, в которой Шай хранила свои сокровища – пять клейм ее собственной сущности. В них содержались варианты развития души, которые в случае применения радикально бы ее преобразовали.

Шай шагнула вперед, но Гаотона поспешно приоткрыл крышку и продемонстрировал, что печатей внутри нет.

– Не обессудь, – сказал он. – Было бы глупо отдать тебе клейма сущности прямо сейчас. Сдается мне, любое из них освободило бы тебя в мгновение ока.

– Не любое из пяти, а лишь любое из двух, – кисло призналась Шай.

Эти печати души потребовали кропотливой работы на протяжении восьми с лишним лет. И первую она начала сразу по завершении своего обучения.

– Хм... Да, понимаю, – проговорил Гаотона.

В коробке лежали пластинки металла, испещренные мелкими печатями, содержащими суть потенциальных изменений души.

– Эта – из упомянутых тобою двух, я полагаю? – Он вынул пластину. – Шайзан. В переводе означает... Шай Кулачный Боец? Делает из тебя воина?

– Да, – подтвердила Шай.

Выходило, что Гаотона досконально изучил клейма ее сущности и поэтому весьма неплохо научился читать печати вообще.

– Понимаю я, к сожалению, лишь десятую часть изображенных здесь символов. И, признаюсь, весьма впечатлен. Верю, что у тебя ушли годы на их изготовление.

– Они... Они очень мне дороги. – Шай села за стол и усилием воли заставила себя отвести взгляд от вожаемых пластинок.

Сумей она утащить их с собой при побеге, изготовить новые печати будет несложно, пусть даже на это уйдет несколько недель. Но если их уничтожат...

Гаотона тоже сел за стол и принялся рассеянно крутить пластины в руках. Будь на его месте кто-то другой, такое поведение следовало бы счесть скрытой угрозой. Мол, смотри, что у меня в руках, и подумай о том, что я могу с тобой сделать.

Однако Гаотона был Гаотоной, и заинтересованность его, как обычно, казалась вполне искренней.

Или нет?

Ведь не важно, насколько ты хорош, в жизни обязательно найдется кто-нибудь изворотливее, хитрее тебя. Эту истину раз за разом внушал Шай дядя Вон. Что, если Гаотона с первых дней ее заключения играет с ней, словно кошка с мышкой? В этом случае печальный финал неизбежен.

«Мне следовало сбежать отсюда еще несколько дней назад», – в очередной раз с досадой подумала Шай.

– Стать воином – это понятно, – заговорил Гаотона, откладывая пластину в сторону. – И эта сущность тоже понятна. Охотник и следопыт. Весьма полезные навыки выживания в любой среде. Впечатляет. Но вот ученый... Для чего это тебе? Ведь ты и так ученый.

– Ни одна женщина знать всего не может. Кроме того, на обучение требуется уйма времени, а воспользовавшись этим клеймом сущности, я сразу смогу разговаривать на десятках языков, от фенского до мулла'дильского, и даже на нескольких наречиях Сиклы. Мне станут доступны знания множества разных культур и присущие их носителям правила поведения. Я овладею глубокими познаниями в точных и прикладных науках, а также постигну политическое устройство большинства стран и тенденции их взаимоотношений.

– Вот как? – Гаотона пожал плечами.

«Просто отдай мне их», – подумала она.

– А как насчет этой? – поинтересовался Гаотона. – Нищенка? Для чего тебе быть истощенной, и к тому же... к тому же лишиться большей части волос и обзавестись шрамами по всему телу?

– Иногда бывает необходимо мгновенно изменить внешность, – ответила Шай. – И чем радикальнее, тем лучше.

Она не упомянула о том, что, применив соответствующую печать, узнает все уличные лазейки и обретет отменные спо-

способности выживания в тущобах. В обычном своем состоянии она обладает весьма достойными навыками по взлому замков, но при использовании этой печати ее мало кто на всем белом свете в этих умениях превзойдет. К тому же это клеймо перепишет прошлое Шай так, что даст ей годы опыта работы акробатом. Она запросто выскользнет через крошечное оконце, а затем с легкостью спустится с высоты в пять этажей к вожаденной свободе.

– Мог бы и сам догадаться. – Гаотона достал пятую пластинку. – Осталась последняя, самая загадочная.

Шай не проронила ни слова.

– Приготовление пищи, навыки сельхозработ и шитья. Служит для имитации простого, неотлучно живущего в деревне человека?

– Да.

Гаотона кивнул, откладывая пластину.

«Честность – вот что сейчас от меня требуется. Пусть видит, что я с ним откровенна. Да и вообще, обманывать без нужды не следует».

– Нет, – произнесла Шай и тяжело вздохнула.

Он уставился на нее.

– Это... моя завязка, – объяснила она. – Пользоваться ею я не собираюсь, но изготовила на всякий случай.

– Завязка?

– Если я когда-нибудь применю эту штуку, – ответила Шай, – вся моя жизнь поддельщицы переписется и я поза-

буду, как изготовить даже самую примитивную печать. В общем, стану самым обычным человеком.

– И ты этого хочешь?

– Нет.

Пауза.

– Да. Возможно, какая-то часть меня хотела бы такого исхода.

До чего же трудно быть честной. Несказанно трудно, но временами ничего иного не остается.

Шай и вправду иногда мечтала о простой жизни. И мечта эта весьма напоминала длящееся доли секунды желание прыгнуть с высоченного обрыва лишь ради того, чтобы узнать, каково это. И временами такое желание казалось до крайности соблазнительным, несмотря на очевидную глупость.

Обычная жизнь. Без тайн и сплошной лжи. А ведь Шай любила свою жизнь. Ей нравились острые ощущения, нравилось добиваться успеха и творить чудеса... Но иногда, сидя в тюрьме или находясь в бегах, она мечтала и об ином.

– Твои дядя и тетя? – спросил он. – Дядя Вон, тетя Сол, они тоже упомянуты в печатях. Я прочел о них.

– Нет никаких дяди и тети, – вымученно прошептала Шай.

– Но ты их постоянно вспоминаешь.

Она невольно зажмурилась.

– Понимаю, что твоя жизнь полна лжи, – продолжил Гаотона, – отчего реальность и вымысел частенько смешивают-

ся. Но если ты воспользуешься этой пресловутой печатью, то, безусловно, забудешь не все. И как затем будешь скрывать ложь от себя самой?

– Эта печать станет моей самой грандиозной подделкой, – ответила Шай. – Она обманет даже меня, и я поверю, что умру, если не стану прикладывать ее к себе каждый день. В моем новом прошлом будет история болезни и посещения... запечатавающего, или как вы его здесь называете... В общем, целителя, работающего с печатями душ. Именно такой врач мне якобы дал лекарство, которое необходимо принимать ежедневно. А тетя Сол и дядя Вон будут посылать мне письма, которые мною уже написаны. Сотни писем. Прежде чем нанесу на себя печать, я заплачу почте и буду затем исправно получать письма.

– Но что, если ты надумаешь навестить их? – поинтересовался Гаотона. – Скажем, захочешь разузнать побольше о своем детстве.

– Записи на пластинке предусматривают почти все. Я буду бояться путешествий, что, в общем-то, правда, поскольку даже мою деревню в детстве я покидать опасалась. Кроме того, находясь под воздействием этой печати, я постараюсь держаться подальше от городов. Думаю, визит к родне был бы слишком рискованным делом. Но все это не имеет значения, поскольку я никогда не применю эту печать к себе.

Эта печать уничтожит ее. Заставит забыть последние двадцать лет, начиная с того момента, как в восемь лет Шай

впервые заинтересовалась ремеслом поддельщика.

Она станет совсем другим человеком. Ни одно иное клеймо сущности не даст такого эффекта. Они перепишут часть ее прошлого, но память о том, кто она на самом деле, останется при ней. А вот последнее клеймо... Оно должно стать действительно последним. Это внушало Шай ужас.

– Получается, ты вложила прорву труда и времени в то, чем никогда не воспользуешься? – удивился Гаотона.

– Такова жизнь.

Гаотона покачал головой.

– Меня наняли, чтобы уничтожить картину! – выпалила вдруг Шай.

Она сама не понимала, зачем сообщила это Гаотоне. Шай должна быть честной с ним, и только так, по ее представлениям, план сработает, но данный кусочек правды ему знать вовсе не нужно. Или все же нужно?

Гаотона поднял взгляд.

– Шу-Ксен захотел уничтожить картину из галереи Фравы, – продолжила она. – Поэтому я сожгла шедевр, вместо того чтобы вынести его.

– Шу-Ксен?! Но он же... Он автор! С чего бы ему уничтожать собственную гениальную работу?

– С того, что он ненавидит империю, – ответила Шай. – Картину он написал для любимой женщины, но ее дети подарили шедевр императору. Шу-Ксен уже стар, почти слеп и с трудом двигается. Творец не хотел сойти в могилу, зная,

что одно из лучших его творений прославляет Империю Роз. Вот и уговорил меня сжечь картину.

Казалось, Гаотона остолбенел.

– Произведения мастеров его уровня очень сложно подделывать, – продолжила Шай. – Особенно не имея под рукой оригинала. Без прямой помощи Шу-Ксена я бы нипочем не создала безупречную подделку. Он объяснил мне особенности его манеры, познакомил меня со своими приемами и методами. Научил тонкостям работы с кистью.

– Но ты могла просто вернуть ему оригинал, – удивился Гаотона. – Почему не сделала этого?

– Он умирает, – ответила Шай. – Нет смысла хранить ее у себя. Поскольку любимой женщины уже нет в живых, он решил, что и созданной для нее картины не должно быть на этом свете.

– Бесценное сокровище, – с трепетом в голосе произнес Гаотона, – утрачено из-за глупой гордыни.

– Это было его сокровище!

– Уже нет, – возразил Гаотона. – Картина теперь принадлежит всем, кто хоть раз ее видел. Зря ты согласилась, ведь уничтожение шедевра такого масштаба оправдать нельзя ничем. – Он поколебался. – И все-таки я тебя понимаю. Ты поступила по-своему благородно. Твоей целью был Лунный скипетр, а подвергаться дополнительному риску ради уничтожения картины было безумно опасно.

– Шу-Ксен обучал меня живописи с юных лет, – промол-

вила Шай. – Отказать ему в просьбе я не могла.

Было очевидно, что Гаотоне не по душе поступок Шай, но ему все же были понятны ее мотивы.

«О ночи!»

Шай чувствовала себя беззащитной.

«Это нужно сделать, – сказала себе Шай. – И возможно...»

Но Гаотона не отдал ей пластины. Впрочем, она и не ожидала, что отдаст. По крайней мере, не сейчас. Не раньше, чем она исполнит то, что согласилась сделать. То, до завершения чего она не доживет, если не сбежит.

Гаотона и Шай испытали свежеизготовленные печати. Как и планировалось, действие каждой продержалось не меньше минуты. А перед мысленным взором Шай наконец-то окончательно сформировалась целостная картина того, как будет выглядеть завершенная версия души императора.

Вскоре они разобрались с шестой печатью, и Гаотона выказал готовность к испытанию следующей, но...

– Вот и все, – сказала Шай.

– Все на сегодня?

– Вообще все, – ответила она, убирая последнюю печать.

– Ты закончила? – Гаотона устало откинулся на спинку стула. – Почти на месяц раньше отведенного срока?

– Еще не закончила, – ответила Шай. – Самое трудное по-прежнему впереди. Видите ли, мне предстоит вырезать несколько сот печатей, объединить их друг с другом и затем

изготовить корневую печать. В последний раз на создание значительно менее сложного, но все же более или менее похожего комплекта ушло почти пять месяцев.

– А осталось всего двадцать четыре дня.

– А осталось всего двадцать четыре дня, – подтвердила Шай и сразу ощутила укол совести.

Нужно бежать. И как можно раньше. Она не может себе позволить довести работу до конца.

– Тогда не стану тебя понапрасну отвлекать, – произнес Гаотона, вставая и разматывая рукав.

День восемьдесят пятый

«Да», – подумала Шай, продвигаясь вдоль своей постели и роясь в бумагах.

На столе места уже давно не хватало, поэтому она разложила стопки листов поверх покрывала.

«Несомненно, его первая любовь уходит корнями в прочитанные в юности книги. Потому-то... у Куршины рыжие волосы... Но это все на подсознательном уровне. Он этого не осознавал. Значит, спрятано глубоко».

Как же она пропустила такое? Разумеется, эта часть воссоздания была самой сложной, поскольку затрагивала сугубо личную жизнь императора, а не ту, что у всех на виду. Да и вообще, императором Ашраван был не от рождения.

В общем, оказалось, что до завершения проекта гораздо дальше, чем ей казалось до сегодняшнего дня.

А время безвозвратно утекает!

Она добавила свое открытие к печати, над которой работала. В нее Шай сводила все переживания и опыт Ашравана на романтическом поприще. Все, что смогла обнаружить. Среди них нашлось место и смущению, и стыду, и гордости – всему тому, о чем она уже имела представление благодаря хроникам и личным записям императора. А также благодаря устным воспоминаниям его приближенных. Кроме того, идя на оправданный риск ради наполнения души императора истинной жизнью, она кое-что добавила от себя. Например, встречу с кокетливой женщиной, чье имя Ашраван, как ни силился, вспомнить не смог. Праздные фантазии.

Близость с той, кого уже и в живых-то нет.

Приходилось строить предположения, чтобы не оставить

душу пустой, лишенной страстей.

Таких личных. Таких сильных.

Шай ощущала себя все ближе к Ашравану. И временами даже представлялось, будто она становится частью его самого. Шай уже не первый день вела параллельно две книги. Первая содержала в себе сугубо формальные сведения, без подробностей; у читающего эти записи должно было сложиться впечатление, что Шай в отведенные сроки не укладывается. Вторую книгу, с настоящими записями, она маскировала под неаккуратные стопки листов с бессмысленными заметками.

Шай действительно должна была выбиться из назначенного арбитрами срока, но вовсе не так сильно, как следовало из первой книги. Хотелось бы верить, что уловка даст несколько драгоценных дней, прежде чем Фрава нанесет окончательный удар.

Разыскивая листок с нужными записями, Шай наткнулась на один из списков нужных для побега действий.

«Во-первых, устранить кровавое клеймо на двери», – гласила зашифрованная запись.

«Во-вторых, заставить охранников молчать.

В-третьих, по возможности вернуть клейма сущности.

В-четвертых, сбежать из дворца.

В-пятых, немедленно покинуть город и оставить как можно меньше следов».

Далее Шай детально расписала, как именно будет выпол-

нен каждый пункт.

Она не забросила идею побега. У нее были хорошие планы, но в последнее время она сосредоточилась на отчаянных попытках как можно быстрее закончить воссоздание души императора.

«Еще неделя, – заверила себя Шай. – Если справлюсь за неделю, то останется пять дней до крайнего срока. Вот тогда-то и нужно уносить ноги!»

День девяносто седьмой

– Что это? – произнес Харли, наклоняясь.

Этот крепкий Боец частенько изображал из себя человека более глупого, чем был на самом деле, что помогало ему выигрывать в карты. У него было двое детей, девочки не старше

пяти, но это обстоятельство не мешало ему спать со стражницей из своего отряда. В глубине души Харли мечтал последовать по стопам отца и стать искусным плотником. А еще он пришел бы в ужас, обнаружив, как много Шай знает о нем.

Он подобрал с пола лист бумаги. Клеймящий только что ушел. Стояло утро девяносто шестого дня заключения. Пора было выбирать, и Шай наконец-то решила привести давно проработанный план в исполнение.

Печать императора не закончена, но план побега требует подождать еще одну ночь. А за очередную бессонную ночь Шай, несомненно, удастся завершить начатое.

– Должно быть, Костопалый обронил, – предположила Юил – второй охранник в утренней смене.

– Что там? – с подчеркнутым безразличием спросила Шай, не поднимаясь из-за стола.

– Письмо, – буркнул Харли.

Оба стражника, увлекшись чтением, затихли. Все Бойцы во дворце были грамотными, как и любой имперский служащий, по крайней мере второго уровня допуска.

Шай, несмотря на напряжение, сидела тихо и, заставляя себя дышать ровно, с безмятежным видом пила лимонный чай.

Содержание письма ей, разумеется, было известно. Ведь именно она и написала его, а затем ловко уронила позади клеймящего, едва тот вышел.

«Брат, – говорилось в письме, – я почти завершил здесь

дела, и плата, которую получил, вполне может поспорить с той, что заработал Азалис в Южных провинциях. Пленница, которую я охраняю, едва ли стоит потраченных на нее усилий. Но кто я такой, чтобы рассуждать, за что мне дают немалые деньги. Я скоро вернусь. С гордостью сообщаю, что и второе задание успешно выполнено. Я выявил несколько способных воинов и собрал необходимые образцы – волосы, ногти и даже мелкие личные вещи. Уверен, что скоро мы обзаведемся здесь собственными стражниками».

Чтобы не вызывать подозрений у охранников, текст продолжался на другой стороне листа. И включал детали, которые Шай самой не полагалось знать, но о которых наверняка был осведомлен клеймящий.

Шай все же беспокоилась, что охранники заподозрят подделку.

– Ку-ну-кам, – прошипела Юил на родном языке, что можно было приблизительно перевести как «испражняющийся словами». – Сволочной имперский ку-ну-кам!

Охранники явно сочли письмо подлинным. Расчет был на то, что на солдат эффективнее действуют прямые слова, а не тонкие намеки.

– Можно и мне взглянуть? – небрежно поинтересовалась Шай.

Харли передал ей листок.

– Он что, и вправду собирал наши личные вещи? – хрипло спросил стражник.

– Не обязательно ваши, – ответила Шай, неторопливо прочитав письмо. – Да и не обязательно вещи Бойцов. Здесь прямо не говорится, что...

– Зачем ему наши волосы? – проговорила изумленная Юил. – Да еще и ногти?

Харли выругался на родном языке.

– Колдуны вроде него что угодно с тобой сотворят, окажись в их распоряжении частичка твоего тела. Ты же сама видела, как он каждый день клеймит дверь кровью Шай.

– Ну, вряд ли он многое сможет, располагая только волосами и ногтями, – скептически заявила Шай. – Да он просто хвастает. Чтобы сработали его печати, нужна кровь, и только кровь. Причем кровь свежая, взятая не позже чем за день. Уверена, в этом письме он просто рисуется перед братом.

– Все равно о том, что он пишет, даже помышлять нечего, – заявил Харли.

– Я бы не стала из-за этого беспокоиться, – пожала плечами Шай.

Стражники обменялись многозначительными взглядами.

Через несколько минут караул сменился. Харли и Юил ушли, перешептываясь, а поддельное письмо Харли спрятал в кармане.

Вряд ли клеймящего станут сильно бить. Зато припугнут обязательно.

По вечерам он навещал окрестные питейные заведения. Шай было слегка жаль его. Когда клеймящий получал

весточку из дома, он приходил вовремя и порой выглядел воодушевленным. Когда новостей из дома подолгу не было, он пил. Сегодня парень казался грустным. Значит, новости запаздывали.

А то, что случится вечером, уж точно не сделает его счастливее.

Но тут Шай вспомнила клеймо на двери и повязку, которую приходилось накладывать на руку после того, как он пускал ей кровь, и жалость исчезла.

Едва караул сменился, Шай глубоко вздохнула и вернулась к работе.

Сегодня. Сегодня ночью она закончит.

День девяносто восьмой

Шай стояла на коленях среди разбросанных на полу эскизов печатей и исписанных убористым почерком страниц. Наступило утро, и через витраж лился солнечный свет, окрашивая комнату в красный, синий и фиолетовый цвета.

Перед ней на металлической пластинке лицевой стороной вниз лежала единая печать души, вырезанная из полированного камня. Камень души, как порода, от мыльного или другого мелкозернистого камня отличался в основном красными вкраплениями, казавшимися застывшими капельками крови.

Шай устало моргнула. Она и правда собирается бежать? За прошедшие три дня она спала... сколько? Пожалуй, в общей сложности часа четыре, не более.

Побег еще подождет. Необходимо сегодня хотя бы недолго отдохнуть.

«Отдохнуть, – устало подумала она, – и уже не проснуться».

Шай казалось, что изготовленная печать – самое прекрасное из всего, что она когда-либо видела. Ее предки поклонялись камням, падавшим с неба. Называли их душами низвергнутых богов. Такие камни обрабатывали, придавая форму, мастера-ремесленники. Однажды Шай решила, что поклоняться тому, что сам же и создал, глупо.

Но сейчас, вложив всю себя в эту печать, она стояла на коленях перед собственным творением; сейчас ее переполняли чувства. Суметь за три месяца выполнить то, что обычно за-

нимает годы, и завершить печать в последнюю ночь неистойвой, отчаянной работы... В течение этой ночи она внесла изменения в свои записи и в саму душу. Кардинальные изменения. Шай не до конца понимала, вызваны ли эти изменения каким-то фантастическим видением финального результата, или они всего-навсего ошибочные идеи, плод усталости и заблуждений. Станет ясно только после того, как печать наконец-то будет применена.

– Эта твоя штукавина... она готова? – спросил охранник.

Шай уже и не помнила, как двигала по всей комнате мебель, как двое охранников переместились в дальнюю часть комнаты, максимально освобождая для нее пространство. Не помнила и того, как вытаскивала из-под кровати стопки бумаг, а затем снова лезла туда же за новой порцией записей.

Закончена ли печать?

Шай кивнула.

– А для чего она? – спросил стражник.

«Ночи!» – подумала Шай.

Все верно. Стражники ни о чем не догадываются, поскольку всякий раз при появлении Гаотоны они покидали комнату и разговоров Шай с ним не слышали.

Бедные Бойцы. Вскоре их отправят на какой-нибудь отдаленный форпост империи, где до конца жизни им придется охранять проходы к далекому Теодскому полуострову или что-нибудь в этом роде. Там они никому не расскажут, пусть даже и совершенно случайно, о событиях во дворце, кото-

рым стали свидетелями.

– Спроси у Гаотоны, если тебе интересно, – мягко ответила Шай. – Мне рассказывать запрещено.

Шай благоговейно взяла печать и положила ее на подушечку из красного бархата в заранее приготовленной шкатулке. Там в специальном углублении уже лежала пластинка, выполненная в виде большого тонкого медальона. Шай закрыла крышку и придвинула к себе другую шкатулку, размером побольше; внутри хранились пять печатей, вырезанных специально для предстоящего побега, и две были уже использованы.

Лампа, догорая, чадила, а утро только-только вступало в свои права, отчего в комнате царил полумрак.

Побег сегодня наверняка удастся.

Вот только поспать бы хоть немного. Часа два...

А на кровать ложиться нельзя.

Но можно уютно устроиться и на полу...

Дверь начала открываться. Шай охватил страх. Все же явился клеймящий? После устроенной Бойцами взбучки он должен был напиться до беспамятства...

Шай вздохнула с облегчением.

Если это клеймящий, возможности сбежать сегодня не будет, зато она выспится. Но неужели Харли и Юил не намяли ему вчера бока?

Шай была уверена, что досконально просчитала их суть... но теперь поняла, что от усталости слишком спешит с вы-

водами. Дверь распахнулась, и в комнату вошел не клеймящий, а капитан Зу.

– Вон, – рявкнул он охранникам.

Те подскочили.

– И вообще, – добавил Зу, – вы свободны. До конца смены здесь останусь я.

Оба отсалютовали ему и опрометью вылетели из комнаты. Дверь со щелчком закрылась. Зу неспешно обернулся к Шай, а та почувствовала себя отбившимся от стада раненым лосем.

– Печать еще не готова, – солгала Шай. – Можете...

– Твои услуги нам больше не нужны, – оборвал ее Зу, широко улыбаясь. – И помнится, еще три месяца назад я обещал разыскать с тебя, грязная воровка, неоплаченный должок.

Шай отшатнулась от него. Дела принимали совсем уж скверный оборот. Противостоять грубой силе она сейчас не могла, а потому стремительно пересмотрела текущий план.

– Когда Фрава узнает, что ты приходил сюда, – залепетала Шай, – она придет в ярость.

Зу демонстративно обнажил меч.

– Ночи! – воскликнула Шай, пятясь к кровати. – Да ты что, Зу! Меня сейчас убивать нельзя. Печать еще не готова!

– Закончить работу есть кому. – Зу плотоядно ухмыльнулся. – У Фравы давно имеется другой поддельщик. Считаю себя самой умной? Наверняка придумала отличный план побега, но в этот раз мы тебя опередили. Что, не ожидала

такого оборота? Я убью тебя, лгунья, и, уж поверь, получу от этого огромное удовольствие.

Он сделал стремительный выпад, и лезвие рассекло сбоку блузку. Шай отскочила, крича о помощи. Она все еще играла роль, но актерское мастерство ей было уже без надобности. Сердце колотилось, с каждой секундой нарастала паника. Шай забежала за кровать, воспользовавшись ею как препятствием между нападающим и собой.

Зу ухмыльнулся и прыгнул.

Кровать оглушительно затрещала под его тяжестью. Ночью Шай залезала под нее не только за бумагами. Она нанесла печать, сделав дерево трухлявым, изъеденным насекомыми. Кроме того, снизу она искусно разрежала матрас вдоль.

Зу успел только крикнуть, прежде чем кровать развалилась и вместе с ним рухнула в образовавшуюся дыру. Запах плесени, который Шай почувствовала, впервые войдя в эту комнату, дал подсказку. Деревянные балки сгнили, и потолок обвалился бы, если бы протечку не устранили достаточно быстро. Подделывание весьма правдоподобно довершило дело, и капитан Зу провалился на этаж ниже, в пустую кладовку.

Тяжело дыша, Шай заглянула в дыру. Капитан лежал среди обломков кровати, матрас и подушки смягчили падение. Наверняка он выживет, ведь ловушка предназначалась для обычных охранников, которые Шай, в общем-то, нравились.

Шай бросилась к столу и принялась собирать вещи. Ко-

робка с печатями, душа императора, необработанные камни души и чернила. А также две книги, в мельчайших подробностях описывающие создание печатей, – фальшивая, она же официальная, и подлинная.

Первую Шай, проходя мимо камина, швырнула в огонь. Потом замерла перед дверью и, глядя на пульсирующую метку клеймящего, принялась отсчитывать удары сердца.

Клеймящий вовремя не явился и печать не обновил, но все же Шай одолевали страхи. Но вот через несколько томительных минут печать вспыхнула в последний раз и исчезла.

Шай выскочила в коридор из комнаты, в которой провела три месяца.

Свобода!

Шай приложила к застегнутой блузке одну из трех оставшихся печатей. Блузка превратилась в платье, весьма похожее на те, что во дворце носила прислуга. Даже на левой стороне груди были вышиты соответствующие знаки различия.

Времени оставалось в обрез. Весьма вероятно, скоро появится клеймящий. Или Зу очнется после падения. Или придет следующая смена охранников. Шай отчаянно хотелось, промчавшись по коридору, ворваться в конюшню, но бежать было опасно – это подразумевало либо вину, либо ответственное поручение. И то и другое привлечет лишнее внимание. Поэтому она, приняв вид человека, который точно знает, что делает, и которого не следует отвлекать, целеустремленно двинулась по коридору быстрым шагом.

Вскоре Шай очутилась в более обустроенной части огромного дворца. Никто ее по пути не задержал. На пересечении коридоров, устланных коврами, она остановилась.

В конце коридора справа был вход в покои императора. Казалось, печать готова выпрыгнуть из рук. Почему Шай просто не оставила ее в комнате? Арбитры бы охотились за Шай с меньшим усердием, завладей они печатью.

Можно бросить ее даже здесь, в коридоре, увешанном портретами древних правителей и заставленном поддельными старинными чашами.

Нет. Шай забрала печать вовсе не потому, что бездумно подчинилась мимолетному импульсу. Она даже заранее подготовила инструменты для проникновения в покои императора. Она точно знала, что предпримет.

Уйти сейчас – значит никогда не выяснить, сработала ли созданная ею печать. С таким же успехом можно было построить дом, но даже не заглянуть внутрь по окончании всех работ. Или выковать меч, но ни разу им не взмахнуть. Создать несравненное произведение искусства и упрятать его туда, куда не проникнет ничей взгляд.

Шай решительно двинулась по коридору.

Убедившись, что в поле зрения никого нет, она перевернула одну из ужасных чаш, что стояли у многочисленных колонн, и сломала клеймо на дне. Чаша приняла первозданный вид невзрачного глиняного сосуда.

У Шай немало времени ушло на то, чтобы разузнать, кто

и где создал такие чаши. Четвертая печать уподобила сосуд золотому ночному горшку, и Шай, прошагав с ним под мышкой по коридору, небрежно кивнула стражникам у покоев императора.

– Я тебя не узнаю, – промолвил, окинув ее цепким взглядом, стражник со шрамом на пол-лица.

Она его тоже не знала, что и ожидалось. Охранявших ее людей держали отдельно от остальных, чтобы не разглашали секретные сведения.

– Мне очень жаль, благороднейший, – смущенно произнесла Шай. – Я на этой должности только с сегодняшнего утра.

Она зарделась, доставая из кармана квадратик плотной бумаги с печатью и подписью Гаотоны. Оба были подделаны по старинке, вручную. А Гаотона сам помог Шай с охраной императора, обратившись к ней когда-то за советом.

Без дальнейших расспросов Шай пропустили внутрь. Первые три комнаты императорских покоев оказались пусты, а за ними обнаружилась запертая дверь. Шай воспользовалась той же печатью, что применила к своей кровати, и дверь сделалась до крайности трухлявой. Было ясно, что клеймо долго не продержится, но Шай этого и не требовалось – пинок занял не более секунды.

За дверью располагалась та самая императорская спальня, куда Шай приводили в день заключения сделки. И все здесь осталось по-прежнему. Стояла невероятная тишина, пахло

чрезмерной до неестественного чистотой. И, кроме лежащего на кровати императора, в спальне не было никого.

Император бодрствовал, но его взор оставался пустым.

Шай подошла. Ашраван не посмотрел на нее, даже веки не дрогнули. Вопреки долгому пребыванию в постели, лицо ничуть не обрюзгло. Он был красив: подбородок волевой, волосы золотистые, нос с горбинкой. Возрастом он был старше Шай лет на пятнадцать, а то и более, но по меркам Великих был еще молодым. Что неудивительно, ведь жили Великие значительно дольше обычных людей. В общем, выглядел он полной противоположностью любому сверстнику из народа Шай.

Шай положила руку ему на плечо.

– Я знаю твою душу, – тихо молвила она. – И знаю ее даже лучше, чем ты сам.

Тревогу пока не подняли, и Шай опустилась возле кровати на колени.

– Жаль, что я тебя не знала. Не твою душу, а тебя самого. Я читала о тебе и видела твое сердце. Я создала твою душу заново настолько хорошо, насколько смогла. Но воссоздать душу – вовсе не то же самое, что быть знакомым с кем-то лично, правда?

Не крик ли донесся из дальней части дворца?

– Я не прошу многого, – мягко продолжила Шай. – Просто живи. Просто будь в этом мире. Я сделала все, что было в моих силах, и надеюсь, этого окажется достаточно.

Глубоко вздохнув, она открыла шкатулку, достала клеймо сущности, нанесла на его лицевую поверхность чернила и закатала на императоре рукав сорочки. Немного помедлив, опустила печать. Как всегда, кожа и мышцы поначалу сопротивлялись, но через мгновение печать на долю дюйма погрузилась в живую плоть.

Шай вытащила печать, и на коже Ашравана едва заметно вспыхнула красная метка, а глаза моргнули.

Шай поднялась, вернула печать в шкатулку и, считая про себя секунды, отступила на шаг.

Он сел и потерянно огляделся.

– Мои покои... Что произошло? На нас напали? Я... Я был ранен. О Матерь Света! Куршина! Она мертва.

Лицо Ашравана сделалось маской скорби, но через секунду на нем отразилась решимость. Он – император. Он был темпераментным, но, за исключением редких приступов ярости, обладал способностью надежно скрывать чувства от посторонних. Он повернулся к Шай, и его глаза были живыми.

– Кто ты?

И хотя именно этого вопроса она и ждала, ей сделалось не по себе.

– Своего рода хирург, – слегка поколебавшись, ответила Шай. – Вы были тяжело ранены, я вас исцелила. Однако для этого воспользовалась средством... которое в вашей культуре считается неприемлемым.

– Так ты – запечатыватель. Или... поддельщик?

– В каком-то смысле и то и другое, – ответила Шай.

Он ей поверит, потому что хочет верить.

– Запечатывание в данном случае было весьма сложным, и его воздействие оказалось недостаточным. К моему величайшему сожалению, вам в течение всей жизни каждое утро придется ставить печать. И всегда носить на себе металлическую пластинку в форме диска. И то и другое найдете в шкатулке. Ашраван, если вы хоть раз пренебрежете моим наказом, то умрете.

– Отдай ее мне. – Он протянул руку к печати.

Шай заколебалась, хотя и сама не понимала почему.

– Отдай! – повторил он более властно.

Шай вложила шкатулку ему в руку.

– Никому не говорите о том, что здесь произошло. Ни страже, ни прислуге. Только ваши арбитры знают о совершенном мною.

Крики снаружи становились все громче. Ашраван кинул взгляд на дверь.

– Если следует сохранить тайну, лучше уйди. Скройся и никогда не возвращайся. – Он опустил взгляд на шкатулку. – Следовало бы убить тебя за то, что тебе известен мой секрет.

В нем говорил эгоизм, обретенный в последние годы жизни во дворце. Да, с этой особенностью его характера она не промахнулась.

– Но вы меня не убьете, – уверенно заявила Шай.

– Не убью, – подтвердил император.

И с тем, что в глубине его души теплится милосердие, она тоже не ошиблась.

– Уходи, пока не передумал.

Шай шагнула к двери, доставая карманные часы, – прошла как минимум минута. Очевидно было, что печать хотя бы на некоторое время взялась. Шай обернулась и пристально посмотрела на императора.

– Чего ты ждешь? – спросил тот.

– Просто хотела взглянуть на вас в последний раз, – ответила она.

Ашраван нахмурился. Шум снаружи нарастал, несомненно приближаясь.

– Уходи, – велел он. Затем едва слышно добавил: – Пожалуйста.

Император знал, почему поднялся гвалт за пределами его покоев. А если не знал, то догадывался.

– В новой жизни постарайтесь быть лучше, – попросила Шай. – Пожалуйста.

И убежала.

Совсем недавно она намеревалась вложить в Ашравана стремление защитить ее, но пришла к выводу, что для этого, с его точки зрения, нет никаких оснований, а значит, подделка окажется под угрозой. Кроме того, Шай сомневалась, что император способен хоть чем-то ей помочь. Ведь до окончания траура ему не дозволено покидать свою комнату или го-

ворить с кем-либо, кроме арбитров. А следовательно, именно арбитры в течение всего этого времени реально управляют империей.

На самом деле они управляли ею всегда.

Возле последней двери Шай подхватила фальшивый горшок и выбежала в коридор. Затем нарочито громко ахнула, будто отвечая на доносящиеся отовсюду крики.

– Это все из-за меня? – скороговоркой запричитала она. – О ночи! Я же ничего дурного не хотела! Знаю я, знаю, что мне к нему входить нельзя. Я здесь новенькая, просто дверью ошиблась!

Охранники пристально посмотрели на нее.

– Ты здесь ни при чем, – проговорил один снисходительно. – Отправляйся поскорее к себе и впредь будь внимательнее.

Шай кротко поклонилась и поспешила прочь. Большинство стражников ее не знают, так что...

Она вдруг почувствовала резь в боку и ахнула. Та же боль, что и каждое утро, когда клеймящий опечатывал дверь.

Шай в панике ощупала бок. Меч Зу рассек не только блузку, но и темную нижнюю сорочку. Она осмотрела пальцы. На них алели капли крови.

Царапина, пустяк. В суматохе Шай даже не заметила, что ранена.

Но на мече Зу осталась ее кровь. Свежая. Клеймящий быстро оценил обстановку. Боль говорит о том, что он уже

пустил по следу своих питомцев.

Оставаться незаметной уже не было смысла, и Шай, отшвырнув горшок, побежала.

Если скелеты клеймящего настигнут ее, она наверняка погибнет. Необходимо найти лошадь, а потом опередить погоню как минимум на сутки. Тогда ее кровь потеряет свежесть и гончие потеряют след.

Шай во весь дух неслась по коридорам. От нее шарахались слуги, а некоторые даже в испуге вопили. Она едва не сбила с ног посла-южанина в красных доспехах жреца и, огибая его, выругалась.

Шай остановилась посреди коридора, запоздало сообразив, что бежать к выходам из дворца бесполезно – наверняка они уже надежно запечатаны. Ее охватывала паника.

Клеймящий идет по следу, а значит, нужно взять себя в руки и сосредоточиться.

«Всегда имей запасной план», – любил повторять дядя Вон.

И запасной план имелся. Был он безрассудным, но выбирать сейчас не приходилось. Шай снова побежала, свернула за угол, запутывая погоню, и вскоре добралась до исходной точки своего забега.

«Ночи! Надеюсь, я в нем не ошиблась, – думала она. – Но если окажется, что он более искусный обманщик, чем я сама, мне конец. Незвестный бог, сделай же хотя бы в этот раз так, чтобы я не ошиблась в человеке».

Шай остановилась в коридоре, ведущем к покоям императора. Отчаянно колотилось сердце, но усталости в теле пока не ощущалось.

Хмурясь, на нее смотрели охранники, но все же, как их и натаскивали, они не покидали свои посты в конце коридора. Ждать стало невыносимо, а клеймящий с ужасными тварями все приближался...

– Почему ты здесь? – раздался голос позади.

Шай повернулась. По коридору шел Гаотона. Разумеется, пока все вокруг охотились за ней, он поспешил к императору, чтобы убедиться в его безопасности. Осторожно шагнув в его сторону, она подумала, что это худший запасной план в ее жизни.

– Печать сработала, – тихо произнесла Шай.

– Ты сама применила к нему печать? – Гаотона схватил ее за руку и затем, бросив взгляд на стражников, отвел подальше от чужих ушей. – Из всех необдуманных, безумных, дурацких...

– Она работает, Гаотона, – заверила Шай.

– Зачем ты пошла в его покои? Почему не сбежала, пока могла?

– Должна была проверить печать. Поймите, должна была. Он посмотрел ей в глаза. Как всегда, словно в душу заглянул.

«Ночи! Из него бы вышел замечательный поддельщик».

– Твой след уже взял клеймящий, – сообщил Гаотона. –

Для поимки он призвал... этих своих...

– Знаю.

Гаотона сомневался лишь мгновение, а потом вынул из глубокого кармана мантии деревянную шкатулку.

Сердце Шай дрогнуло, а затем неистово забилося.

Гаотона протянул шкатулку. Шай взяла, но он шкатулку из руки не выпустил.

– Ты заранее знала, что я сюда приду. Знала, что прихвачу с собой эту шкатулку и отдам тебе. Ты обвела меня, точно последнего дурачка, вокруг пальца.

Шай промолчала.

– Как ты это устроила? – допытывался он. – Я пристально наблюдал за тобой. Был уверен, что уж кем-кем, а мной ты не манипулируешь. И все же прибежал сюда, зная, кто меня здесь поджидает. И что именно тебе нужно. Только сейчас я понял, что подчиняюсь твоему изощренному плану.

– Я действительно манипулировала вами, Гаотона, – призналась она. – Но делать это пришлось самым сложным способом.

– Каким же именно?

– Я была с вами абсолютно искренней, – ответила она.

– С помощью искренности людьми управлять нельзя.

– Неужели? – спросила Шай. – Разве не так вы сделали карьеру? Были честным, открыто показывали, чего от вас можно ожидать, рассчитывая на такую же честность взамен?

– Твои манипуляции в корне отличаются от моих.

– Действительно отличаются, но все сказанное мной – истинная правда. Об уничтожении картины, о моих мечтах и тайнах. Искренность – единственный способ заручиться вашей поддержкой.

– Я тебя не поддерживаю. – Он помолчал. – Но и смерти твоей не желаю, девочка. Тем более от зверей, что гонятся за тобой. Возьми же свои сокровища. О дни! Хватай и беги, пока я не передумал!

– Спасибо, – прошептала Шай, прижимая к груди заветную шкатулку. Затем, порывшись в кармане юбки, вытащила небольшую толстую книжку и протянула ему со словами: – Храните в надежном месте. И никому ни при каких обстоятельствах не показывайте.

Он нерешительно взял книжицу.

– Что это?

– Здесь правда, – ответила Шай и поцеловала его в щеку. – Если выберусь, применю мое последнее клеймо сущности. То самое, которое не собиралась применять к себе. Но прежде добавлю к заключенным в него воспоминаниям доброго дедушку, спасшего мне жизнь. Добавлю мудрого и заботливого человека, которого безмерно уважаю.

– Беги, глупая девчонка, – велел Гаотона.

На его глаза навернулись слезы. Не будь Шай на грани паники, ее бы переполнила гордость. А затем она бы стыдилась своей гордости. Такой уж она человек.

– Ашраван жив, – сказала Шай. – Думая обо мне, вспоми-

найте об этом. И о том, что у меня получилось задуманное. О ночи, у меня получилось!

И она умчалась по коридору.

Гаотона вслушивался в удаляющийся топот ног, но вслед Шай не обернулся. Он неотрывно смотрел в другую сторону. Туда, где были растерявшиеся охранники и дверь...

Дверь куда?

В будущее Империи Роз?

«Нами будет руководить некто уже не совсем живой, – невольно подумал Гаотона. – Порождение наших самых грязных помыслов».

Глубоко вдохнув, арбитр прошел мимо охранников и распахнул дверь, чтобы посмотреть на то, что сотворил собственноручно.

«О Матерь Света! Пожалуйста, пусть предо мной предстанет не чудовище!»

Шай шагала по коридору, держа под мышкой шкатулку с печатями своей сущности. На ходу она сорвала с себя блузку и запихнула в карман юбки. На ней остались обтягивающая черная хлопковая сорочка, юбка и легинсы. Одежда почти не отличалась от той, в какой она обычно тренировалась.

Шай чувствовала себя увереннее, чем когда-либо, и, очевидно, всем своим видом доносила до окружающих, что с ее пути лучше бы поскорее убраться. И слуги поспешно рас-

ступались.

Наконец-то она обрела свою душу. Всю и целиком.

Шай на ходу достала одно из вновь обретенных бесценных клейм сущности, обмакнула в чернила, а шкатулку, захлопнув, поспешно спрятала в карман юбки. Поставила печать на бицепс и провернула, переписывая всю свою прежнюю историю...

Долю секунды она помнила обе версии своего прошлого. Ей отчетливо вспомнились два проведенных взаперти года – те самые годы, когда она придумывала и создавала это клеймо сущности. Не забыла она и свою жизнь в качестве поддельщицы. А кроме того, и последние пятнадцать лет жизни, проведенные среди народа теуллу. Люди этого воинственного племени приняли ее и обучили боевым искусствам. И пусть на жестоких тренировках ей много раз лишь чудом удавалось выжить, в своих устремлениях она, несмотря ни на что, преуспела.

Логически она понимала, что жизнь с народом теуллу не более чем фальшивка, но пока действует штамп, она будет другой версией себя. Той собой, которая бы существовала, если бы действительно вступила в общество суровых воинов и прожила среди них более десяти лет.

Считанные секунды сплетались две жизни, две истории развития судьбы, а затем прошлое поддельщицы покорно отошло на второй план. Она полностью утратила навыки создания печатей, потеряла тягу к исследованиям, но по-преж-

нему оставалась собой. Помнила недавние события: как ее схватили, как упрятали в камеру. Но при этом Шай всецело переродилась в Шайзан. Это имя ей когда-то дали теулу.

Ее тело стало стройнее и сильнее, теперь это было тело закаленного битвами воина. Она сбросила туфли и сняла очки, поскольку нужда в них отпала. Волосы сами собой укоротились, а от носа по правой щеке вниз протянулся глубокий шрам. Двигалась она как отменно тренированный боец – пружинистой хищной походкой.

Оставив Имперскую галерею слева, она оказалась в той части дворца, где жили слуги и откуда уже было рукой подать до конюшен.

Перед ней распахнулась дверь, и взору предстал капитан Зу. Через повязку на лбу сочилась кровь, одежда местами разорвалась при падении. В глазах капитана бушевала буря, но, увидев Шайзан, он ухмыльнулся.

– Ну вот и все. Клеймящий вывел нас прямехонько на тебя. Я собирался даже...

Капитан осекся, поскольку Шайзан молниеносным движением нанесла мощный удар тыльной стороной кисти и перебила ему запястье руки, державшей меч. Затем ребром ладони ударила в горло и другим кулаком сломала не меньше шести ребер.

Зу, выпучив глаза и судорожно хватая ртом воздух, пошатнулся. Его меч с лязгом упал на пол. Шайзан обошла капитана, выхватила из ножен на его поясе кинжал и перереза-

ла застежку на его плаще. Зу рухнул, а плащ остался у Шайзан.

Может, Шай и сказала бы ему что-нибудь, но Шайзан не желала тратить время на ерничанье. Ведь истинный воин, подобно реке, всегда движется вперед. Не замедляясь ни на секунду, она накинула на себя плащ, а затем свернула в следующий коридор.

Зу за ее спиной задыхался.

«Жить будет, – решила она, – но еще несколько месяцев не сможет держать меч».

Существа с белыми конечностями возникли в противоположном конце коридора, и были они слишком худыми, чтобы хотя бы казаться живыми. Тело Шайзан само собой приняло боевую стойку: ноги расставлены, колени чуть согнуты, корпус повернут к противнику вполоборота, взгляд неподвижен.

Сейчас было не важно, сколько у клеймящего чудовищ-скелетов. И даже не важно, одолеет ли их Шайзан. А важным было то, что ей брошен вызов и предстоит проверка собственных сил.

Их было пятеро; фигуры выглядели мужскими, и все вооружены мечами. Они, гремя костями, двинулись по коридору напрямик к Шайзан. Безглазые черепа смотрели то ли на нее, то ли просто в ее сторону, а рты, будто застыв в улыбке, сверкали редкими желтыми зубами. Некоторые кости, ви-

димо потерянные в предыдущих сражениях, были заменены грубо оструганными деревяшками. У каждого на лбу светилась печать.

Оживленные кровью мертвецы.

Сражаться с подобными монстрами Шайзан еще не доводилось. Очевидно, что бить клинком бессмысленно – плоти-то нет! Но вот деревянные... Если их все переломать, сможет ли скелет полноценно функционировать?

Похоже, это ее лучший шанс.

Не раздумывая более ни секунды, Шайзан преобразилась в дитя инстинктов. Как только враги приблизились, она накинула плащ Зу на голову ближайшему. Скелет заметался, пытаясь сбросить плащ, а она уже нападала на второго. Отразила удар кинжалом Зу, а затем вплотную приблизилась. Явственно ощущая запах тления, вонзила левую руку под самые ребра, схватила за позвоночник и изо всех сил дернула на себя. Ей удалось вырвать сразу несколько позвонков, но грудная кость твари при этом порезала ее предплечье. Как будто кости заострили специально.

Он с грохотом рухнул. Шайзан оказалась права: если переломать основные, несущие кости, «жить» тварь больше не сможет. Она отбросила позвонки в сторону.

Осталось еще четверо. Ее скудные познания об оживленных скелетах подсказывали, что усталость им неведома и они неумолимы. Значит, действовать нужно быстро, иначе победят твари.

Сзади напали сразу трое. Шайзан, увернувшись, переместилась за первого – того, который наконец-то скинул плащ. Она воткнула пальцы ему в глазницы, но заполучила при этом глубокий порез на руке от его меча. Все же Шайзан, рванув черепную коробку вверх, снесла ее с позвоночника. На стену брызнула кровь из рассеченной руки, а скелет опал бесформенной грудой костей.

«Двигайся. Промедлишь, и тебе конец».

Она развернулась к оставшимся трем, блокируя удары то черепом поверженного скелета, то кинжалом. Обошла одного, но тот зацепил ее бок клинком.

Шайзан учили не обращать внимания на раны в бою.

Она обрушила свой трофей на голову ближайшего скелета, и оба черепа разлетелись вдребезги. Скелет упал, а Шайзан крутанулась навстречу оставшимся двум. Те принялись бить наотмашь, но их действия были плохо согласованы; мечи лишь лязгали друг о друга, не задевая Шайзан. Она что было силы ударила ногой ближайшего монстра. Тот налетел на второго и вмял его в стену. Раздался треск сокрушенных костей. Шай набросилась на ближнего и вырвала из него позвонки. Скелет с грохотом рухнул.

Шайзан зашаталась, с трудом удерживая равновесие. Она потеряла много крови и порядком замедлилась.

«Где же кинжал? Должно быть, выскользнул при ударе чудовища о стену.

Соберись. Остался лишь один. Один, последний».

Он атаковал, держа в каждой руке по мечу. Шайзан поднырнула под клинки, не давая противнику нанести полноценный удар; стремительно сблизилась с ним и резко схватила за предплечья. Выдернуть их из суставов не удалось, поскольку угол, под которым она совершила рывок, оказался неподходящим. Получилось так, что она держала руки, не подпуская к себе клинки. Ей приходилось туго, к тому же предательски подступала слабость.

Чудовище надавило сильнее, вынудив Шайзан закричать. Из ран на руке и боку хлестала кровь.

Шайзан ударила головой.

В реальной жизни прием оказался не столь эффективным, как в книжках. В глазах у Шайзан помутнело, и она, задыхаясь, опустилась на колени. Но зато скелет перед ней рухнул, а пробитый череп откатился в сторону.

По лицу Шайзан обильно текла кровь. Она рассекла кожу на лбу, наверняка и собственный череп повредила. Она упала на бок, теряя сознание.

Тьма отступила медленно. Шайзан лежала среди груды костей в пустом каменном коридоре, забрызганном кровью. Ее собственной кровью.

Шайзан все же одержала победу, еще одно испытание пройдено. Она громко выкрикнула боевой клич приемной семьи, извлекла из кармана юбки блузку, разрешила ее кинжалом на длинные полосы и забинтовала раны. Крови было потеряно много. Несмотря на всю свою выучку, еще один

скелет Шайзан бы не одолела – не хватило бы сил.

Ей все же удалось подняться. Она нашла и надела плащ Зу.

Лежащий неподалеку капитан все еще не мог двигаться из-за боли, он лишь потрясенно наблюдал за Шайзан.

Она собрала все пять черепов, продела пояс от плаща через глазницы и повязала его поверх плаща. Затем двинулась по коридору, всячески демонстрируя свою силу, а не усталость, головокружение и боль, которые на самом деле ее одолевали.

«Он, несомненно, где-то поблизости...»

В дальнем конце коридора стоял просторный шкаф. Шайзан резко распахнула дверцу и обнаружила клеймящего, лежащего на дне. Схватила его за ворот рубашки и мощным рывком вздернула на ноги. От перенапряжения она снова едва не лишилась чувств.

Впредь надо быть аккуратнее.

Клеймящий кровью заскулил.

– Возвращайся на свои болота, – грозно произнесла Шайзан. – Пойми, девушке, которая ждет тебя на родине, безразлично, что здесь, в столице, ты заколачиваешь кучу денег и делаешь это вроде бы только ради нее. Ты нужен ей такой, какой есть, там, дома. Перечитай письма, и ты поймешь, что тебе на самом деле нужно.

Шайзан говорила все это ради Шай, чтобы та не чувствовала себя виноватой.

Клеймящий смотрел на нее в недоумении.

– Да как ты...

Шайзан вонзила кинжал ему в ногу.

– Аргх! – вырвалось у него.

Она выпустила из рук ворот рубашки, и парень рухнул как подкошенный.

– А теперь и я заполучила твою кровь. – Шайзан, наклонясь, поднесла кинжал к глазам клеймящего. – Не смей за мной охотиться. Ты видел, что я сделала с твоими питомцами. Тебе придется еще хуже. Черепа я заберу, чтобы ты не послал тварей за мной снова. Возвращайся домой.

Прижимая ладонь к колотой ране, он слабо кивнул, и Шайзан оставила его лежать в шкафу. Вызванные клеймящим скелеты изгнали всю челядь и стражников из ближайших коридоров. Шайзан проковыляла к конюшне и в задумчивости остановилась.

«Не будь дурой. Ты еле жива от ран».

Она решила, что все-таки будет дурой.

Шайзан решительно вошла в конюшню и обнаружила там лишь двух перепуганных конюхов. Беспрепятственно оседлала скакуна – самого видного, принадлежащего Зу, – и вскоре, облаченная в капитанский же плащ, галопом вылетела из городских ворот. И воспрепятствовать ей не посмела ни одна живая душа.

– Гаотона, то, о чем она говорила, правда? – спросил Аш-

раван, придирчиво рассматривая себя в зеркале.

Гаотона взглянул на него.

Правда ли? Поди разбери, когда Шай бывала искренней, а когда лгала.

Ашраван настаивал на том, что оденется сам, хотя было видно, что после длительного пребывания в постели он чрезвычайно ослаб. Гаотона сидел рядом на табурете, пытаясь разобраться в обуревавших его чувствах.

– Гаотона? – Ашраван повернулся к нему. – Она сказала, что меня ранили. Но вы предпочли обратиться к поддельщице, а не к нашим мастерам-запечатывателям.

– Да, ваше величество.

«Его мимика, жестикуляция... – думал Гаотона. – И как ей удалось с такой точностью передать все это? Он ведь и раньше хмурился, прежде чем задать вопрос. А если не получал ответа, вот так же слегка откидывал назад голову. Весь его вид, поза, движения пальцев, когда он говорит то, что считает важным...»

– Значит, майпонская поддельщица, – сказал император, накидывая на плечи золотистый плащ. – Сдается мне, что привлекать ее было все же излишне.

– К сожалению, наши мастера не справились с травмами, которые...

– А я-то полагал, что они способны вылечить любую рану.

– Мы поначалу полагали так же.

Император засучил правый рукав и бросил очередной

взгляд на красный оттиск на бицепсе. Его лицо напряглось.

– На меня надели оковы, Гаотона. Тяжкие оковы.

– Ничего, вы к ним притерпитесь.

Ашраван повернулся к нему:

– Вижу, вы не стали вести себя уважительнее после того, как ваш монарх едва не погиб.

– Я очень устал за последнее время, ваше величество.

– Осуждаете меня, Гаотона. Вечно вы меня осуждаете.

О пресветлые дни! Когда-нибудь я избавлю себя от вашего присутствия. Ведь все к этому идет, понимаете? Прежние заслуги – единственная причина, по которой вы еще входите в мой ближний круг.

Ашраван демонстративно устоял в зеркало.

Происходящее казалось нереальным. Ашраван был все тем же. Подделка оказалась настолько точной, настолько безупречной, что Гаотона, не зная он правды, никогда бы и не догадался, что же произошло на самом деле. Ему безумно хотелось верить, что душа, настоящая душа императора все еще там, внутри его, а печать просто... просто вернула ее, достав из уцелевших от травмы частей мозга.

Но к сожалению, это было лишь сладкой ложью. Со временем Гаотона, возможно, даже бы в нее и поверил, но, увы, он видел глаза Ашравана до исцеления. И отчетливо понимал, сколь радикальным изменениям подвергла императора Шай.

Гаотона встал.

– Если не возражаете, я пойду донесу до моих коллег-арбитров радостную весть. Они захотят увидеть вас.

– Ладно, вы свободны.

Арбитр направился к двери.

– Гаотона!

Он обернулся.

– Я пролежал три месяца. – Император неотрывно разглядывал себя в зеркале. – Ко мне никого не допускали. Считалось, что наши целители способны вылечить любую рану, но в моем случае они нисколько не преуспели. Видимо, потому, что не только тело было повреждено, но и разум. Я правильно рассуждаю, Гаотона?

Он не должен был догадаться. Шай обещала, что не впишет такую возможность в печать. Но Ашраван всегда был умным. И когда Шай восстанавливала эту его черту, запретить ему думать на определенные темы, разумеется, не могла...

– Да, ваше величество, – сказал Гаотона.

Ашраван хмыкнул:

– Вам повезло, что гамбит удался. Вы могли полностью лишиться меня способности думать, а могли и продать мою душу. Даже не знаю, как поступить. То ли наказать вас за своеволие, то ли вознаградить за риск.

– Поверьте, ваше величество, за месяцы, пока вы бездействовали, я себя и вознаградил достойно, и наказал.

С этими словами Гаотона вышел, оставив императора на-

едине с зеркалом.

Хорошо это или плохо, но империя вновь обрела императора.

Или, по крайней мере, его весьма и весьма точную копию.

Эпилог

День сто первый

И поэтому я искренне надеюсь, – вещал Ашраван перед представителями всех восьмидесяти фракций, – что своим появлением перед вами положил конец нелепым слухам. Заверяю вас, что тяжесть моей болезни была явно преувеличена. Нам еще предстоит выяснить, кто стоял за нападением, но убийство императрицы, поверьте мне, не останется безнаказанным. – Он обратил гневный взор на арбитров. – И разумеется, виновным не следует ждать прощения.

Фрава сидела, скрестив на груди руки. В целом она была довольна, но и привкус досады ее не покидал.

«Какие же тайные тропы проложила ты в его душе, маленькая воровка? – думала Фрава. – Но не обольщайся, мы их обязательно отыщем».

Ньен уже изучает копии печатей. Поддельщик утверждает, что сможет восстановить процесс их создания, но это потребует немало времени. Возможно, даже годы. Не важно. Главное, что в конечном итоге Фрава получит контроль над Ашраваном.

«Девчонка заблаговременно уничтожила все свои сколь-либо значимые записи. Умно, ничего не скажешь. Неужели воровка и впрямь догадалась, что на самом деле никто не копировал ее заметки?»

Фрава покачала головой и подошла к Гаотоне, сидевшему в одной с ней секции зала Театра публичных выступлений. Опустилась в соседнее кресло.

– Они верят, – мягко прошептала она.

Гаотона кивнул, не сводя глаз с обновленного императора:

– Никто не подозревает подмены. Никому и в голову не придет, что мы могли решиться на такую дерзость. Тем более что подобное деяние считается совершенно невозможным.

– Мерзавка приставила нам нож к горлу, – проговорила Фрава. – Теперь сам император – доказательство того, что мы совершили, и нам в ближайшие годы придется быть чрезвычайно осторожными.

Гаотона рассеяно кивнул.

О пылающие дни! Как же Фраве хочется убрать его с поста! Еще бы, ведь он единственный из арбитров поступает ей наперекор.

Перед самым покушением Фрава почти уговорила Ашравана снять Гаотону с должности.

К сожалению, разговоры на эту тему Фрава вела с императором только приватно. Шай не узнала о них, а следовательно, не знает и возрожденный император. Фраве придется либо начать задуманное заново, либо найти способ кон-

тролировать копию Ашравана через печать.

Обе перспективы ее ничуть не радовали.

Император на трибуне перешел к следующей части своей речи, в которой содержались призывы к единению.

– До сих пор не верится, что наши замыслы полностью воплотились в жизнь, – тихо сказал Гаотона.

Фрава фыркнула:

– Я с самого начала не сомневалась в успехе.

– Шай сбежала.

– Мы ее разыщем.

– Сомневаюсь, – возразил Гаотона. – То, что она оказалась у нас в руках, – чистое везение. Но полагаю, что проблемами ее побег нам все же не грозит.

– Она станет нас шантажировать, – сказала Фрава.

А еще подумала: «Или попытается придумать, как манипулировать императором».

– Не станет, – произнес Гаотона. – Она довольна результатом.

– Довольна тем, что осталась жива?

– Довольна тем, что на престоле теперь ее творение.

Прежде ей удавалось обманывать людей тысячами, а теперь, воспользовавшись уникальным шансом, она одурачила миллионы... Целую империю! В этом-то и заключается красота содеянного ею, а разоблачение, конечно же, все испортит.

«Неужели старый дурак верит в то, о чем говорит?»

Его наивность частенько дарила Фраве возможность осу-

ществлять своекорыстные планы. Она призадумалась: может, и впрямь сохранить ему нынешнее положение?

Фальшивый император между тем продолжал. Ему нравилось звучание собственного голоса – и эту его особенность Шай подметила верно.

– Он использует покушение как предлог, чтобы призвать нашу фракцию к более тесному сотрудничеству, – продолжил Гаотона. – Слышишь? Призывает нас сплотиться, вспомнить о дарованной предками первозданной силе... Слышала, он вскользь упомянул о том, что именно «Слава» распространяла слухи о его безвременной кончине? Как бы невзначай подрывает авторитет этой фракции. Ставка была на исчезновение императора, но, если Ашраван жив и здоров, его враги, получается, остались в дураках.

– Верно, – согласилась Фрава. – А речь ему написал ты?

– Нет, – ответил Гаотона. – Он наотрез отказался от моей помощи. Так поступал только молодой Ашраван... Последний раз, если не ошибаюсь, лет десять назад, а то и более.

– Копия несовершенна, – произнесла Фрава. – Не стоит об этом забывать.

– Да, – подтвердил, думая о своем, Гаотона.

В руках у него была маленькая, но пухлая книжка, которую Фрава прежде не видела.

Из глубины ложи донесся шорох – вошла служанка с вышитым знаком Фравы на груди платья. Миновав арбитров Стивиента и Юшнака, она поклонилась своей госпоже.

Фрава недовольно взглянула на девушку:

– Что может быть настолько важным, чтобы ты явилась прямо сюда!

– Простите, ваша милость, – прошептала служанка. – Но вы поручили мне подготовить ваши покои для встречи во второй половине дня.

– И что с того? – раздраженно спросила Фрава.

– Входили ли вы, госпожа, туда вчера?

– Нет. Слишком много было хлопот. То жулик клеймящий, то императорские поручения, а потом еще и... – Фрава нахмурилась. – А что там не так?

Шай обернулась и посмотрела на город, раскинувшийся на семи больших холмах. На вершине центрального, самого крупного холма возвышался императорский дворцовый комплекс, а на остальных шести стояли резиденции лидеров главных фракций.

Похищенный во дворце конь выглядел теперь совершенно иначе. У него не хватало зубов; он брел, опустив голову и выгнув спину; от недокорма торчали ребра; а шкуру, казалось, не чистили годами.

Все предыдущие дни Шай пряталась среди столичного отребья, превратив себя в нищенку с помощью клейма сущности, и покинуть столицу ей под этой личиной не составило труда. Все же клеймо она сняла, как только выбралась. Жить нищенкой было... некомфортно.

Шай слегка ослабила крепления и приподняла седло. На лошадиной спине она подцепила ногтем слабо светящийся отпечаток и, приложив незначительное усилие, выдернула его, словно пробку.

Обратная трансформация прошла мгновенно – спина распрямилась, гордо поднялась голова, бока налились упругой силой. Конь нетерпеливо загарцевал и натянул поводья. Этот великолепный скакун обошелся капитану Зу куда дороже, чем домик в какой-нибудь провинции империи.

Среди тюков с вещами Шай спрятала выкраденную из покоев Фравы картину. Воровать своими руками сработанную фальшивку ей прежде не приходилось, и это оказалось забавным. Шай вырезала полотно, оставив раму висеть на прежнем месте. А на участке стены, ограниченном рамой, оставила руну «Рео». Не слишком приятное послание.

Шай похлопала коня по холке. Как ни крути, внакладе она не осталась. У нее теперь есть и отличный конь, и картина – пусть и подделка, но настолько искусная, что даже сама владелица принимала ее за оригинал.

«А ведь как раз в эту минуту он произносит речь, – подумалось вдруг. – Хотелось бы его услышать».

Ее лучший шедевр, венец ее творения, облачен в мантию императора и наделен высшей властью.

Шай явственно вспомнилось, как она, будучи узницей, создавала его душу, и сердце забилося быстрее.

Поначалу она лишь отчаянно жаждала довести дело до

конца. Но потом ею овладело желание не столько вернуть императора к нормальной жизни, сколько придать его характеру некоторые специфические черты. И причиной тому, несомненно, послужили откровенные беседы с Гаотоной.

«Если раз за разом рисовать одно и то же на верхней странице стопки бумаг, – рассуждала Шай, – то рисунок непременно доберется до нижней страницы».

Шай вынула из заветной шкатулки знак сущности, который сделает из нее отменнейшего следопыта и охотника. Фрава наверняка уверена, что беглянка воспользуется дорогами. Поэтому следует до поры затаиться в чащобах, и направится Шай сейчас напрямик в Согдийские леса. А через несколько месяцев приступит к новой задаче: выследить предавшего ее императорского шута.

Пока же хочется просто оказаться как можно дальше от дворцовых стен, в которых буднично плетутся интриги и господствуют ханжество и лицемерие.

Она запрыгнула в седло и мысленно попрощалась с дворцом и с тем, кто из него правит империей.

«Счастливой и долгой тебе жизни, Ашраван, – подумала она. – И сделай так, чтобы я тобой гордилась».

Поздно вечером Гаотона расслабленно сидел у пылающего очага в личном кабинете, листая книгу, что подарила ему на прощание Шай.

А книга-то оказалась удивительной!

В ней было очень подробное описание печати души императора. Также из нее следовало, что найти заветный ключик к этой душе Фраве не удастся. А причиной тому неодолимое обстоятельство: такового ключика не существует. Душа Ашравана цельная,вершенная, и принадлежит она только ему одному. Хотя из этого вовсе не следует, что император теперь совершенно такой же, каким был до покушения.

«Разумеется, я позволила себе некоторые вольности, – говорилось в книге Шай. – Вначале хотела как можно точнее воссоздать его душу. И с этой задачей успешно справилась, но решила не останавливаться на достигнутом. Я пошла дальше, планомерно усиливая одни воспоминания Ашравана и ослабляя другие.

Подчеркну, что внесенные мною коррективы вовсе не изменили его душу и не сделали его другим человеком. Просто они в ближайшем будущем подтолкнут Ашравана в определенном направлении, подобно тому, как уличный шулер побуждает жертву выбрать из колоды нужную ему карту.

В итоге Ашраван остался самим собой, но вскоре он станет таким собой, каким мог бы стать при более благоприятных обстоятельствах.

А может, стать именно таким ему и было предначертано судьбой? Кто знает».

Шай в своих записях отметила, что произведенные ею манипуляции столь незначительны и столь тонки, что даже люди, хорошо изучившие императора за многие годы, вряд ли

их обнаружат. И это утверждение полностью соответствовало истине – Гаотона вовек бы не обнаружил изменений в императоре, не прочитав о них в книге Шай.

По всему выходило, что выбравшийся из цепких лап смерти Ашраван непременно пересмотрит взгляды на жизнь. Он будет перечитывать собственный дневник и упорно размышлять над тем, каким был в молодости и что им тогда двигало. Возможно, спустя годы он устремит помыслы туда, куда изначально и должен был их устремить. Вернется на путь, с которого однажды бездумно свернул.

Отказавшись от слепого потакания сиюминутным желаниям и страстям, он все чаще будет думать о наследии, а не об очередном пышном празднике; о подвластном ему народе, а не об обильном изысканном ужине. Наконец, осознав необходимость коренных перемен в политической жизни империи, он добьется, чтобы фракции приступили к давно назревшим реформам. А может, претворит в жизнь какие-нибудь совершенно новые, наверняка даже более радикальные замыслы. В любом случае совершит он тот единственный, столь невыносимо сложный, но все же необходимый шаг, что ведет мечтателя от грез к реальным свершениям.

Перед Гаотондой будто воочию предстало грядущее, и он с удивлением обнаружил, что плачет.

И нет, плакал он вовсе не оттого, что увидел грядущее благоденствие империи. Это были слезы истинного цените-

ля, в чьих руках вдруг оказался абсолютный шедевр, способный своей мощью, дерзостью замысла и напором запросто посоперничать с самыми выдающимися произведениями живописцев, скульпторов и поэтов всех предыдущих эпох.

Нет, это не имитация.

Гаотона всю ночь благоговейно изучал книгу. Это был плод самоотверженного многодневного труда – труда под гнетом суровых обстоятельств. Вроде бы создававшийся легкомысленно, но на самом деле тщательно просчитанный. Вроде бы совсем сырой, но на самом деле мастерски отшлифованный.

Попадись эта книга в недобрые руки, и императору конец. А затем пошатнутся и столпы империи.

Так пусть же сохранится тайна! Пусть ни одна живая душа не прознает о том, что стремление Ашравана стать наконец истинным правителем вложила в его душу еретичка.

На рассвете изнуренный бессонной ночью Гаотона тяжело поднялся и подошел к камину.

И бросил в пламя дарованный ему Шай бесценный шедевр.

Надежда Элантриса⁵

Действие происходит после «Элантриса», при этом в рассказе содержатся серьезные спойлеры к книге.

⁵ Перевод И. Колесниковой.

– Господин, – произнес парящий в проеме окна Эйш. – Леди Сарин передает свои извинения. Она чуть припозднится к ужину.

– Чуть? – с улыбкой переспросил сидящий за столом Раоден. – Мы собирались ужинать час назад.

В ответ Эйш мягко запульсировал.

– Простите, милорд. Но... на случай если вы будете недовольны, леди приготовила послание. «Передай ему, что я беременна, и это его вина, поэтому ему лучше делать то, что я говорю».

Раоден засмеялся.

Эйш снова замигал. Он выглядел смущенным, насколько это возможно для сеона – сотканной из света сферы.

Раоден вздохнул. Уже час он сидел за столом в своем

дворце в сердце Элантриса. Стены вокруг сияли чуть заметным светом, полностью убирая необходимость в факелах или фонарях. Раньше он недоумевал, почему никогда не видел в Элантрисе крюков для фонарей. Галладон как-то рассказывал о плитах, которые светились при нажатии, – но они оба забыли, сколько света излучали сами камни.

Раоден опустил взгляд на пустую тарелку на столе. «А ведь было время, когда мы с трудом могли добыть хоть какой-то еды, – подумалось ему. – Теперь же можем позволить себе потратить час в неторопливом ожидании ужина».

Еды было в избытке. Он лично мог превратить любой мусор в прекрасное зерно. Больше никому в Арелоне не придется голодать. И все же эти размышления напомнили о Новом Элантрисе и незамысловатом мире, выстроенном в городе.

– Эйш, – произнес Раоден на волне внезапной мысли. – Я давно хотел тебя кое о чем спросить.

– Конечно, ваше величество.

– Где ты был в последние часы перед возрождением Элантриса? Я вообще не видел тебя в ту ночь. Единственное твое появление, которое я помню, – это когда ты возник и сообщил, что Сарин похитили и забрали в Теод.

– Все верно, ваше величество.

– Так где ты был?

– Это долгая история, ваше величество. – Сеон повис рядом с креслом Раодена. – Она начинается с того, что леди Са-

рин послала меня вперед в Новый Элантрис, предупредить Галладона и Карату, что она отправила им оружие. Это случилось как раз перед нападением монахов на Каэ. И я направился в Новый Элантрис, совершенно не ведая, что меня там ждет...

Матисса присматривала за детьми.

Вот такая работа досталась ей в Новом Элантрисе. Каждый должен делать свое дело, гласило правило Духа. Она не имела ничего против своей работы, даже наоборот, с радостью ею занималась. Девушка делала ее задолго до того, как появился Дух. С тех самых пор, как ее нашел Дэйш и отвел во дворец Караты, Матисса присматривала за малышами. Правила Духа просто сделали ее обязанности официальными.

И она выполняла их с радостью. В большинстве случаев.

– Неужели нам правда пора спать? – спросил Теор с самым невинным выражением лица, на какое был способен. – Можно пока не ложиться, только один разочек?

Матисса сложила на груди руки и грозно подняла безволосые брови, глядя на малыша.

– Вчера ты ложился спать в это же время. И позавчера. И позапозавчера. Почему ты думаешь, что сегодняшний день должен чем-то отличаться?

– Что-то происходит, – заявил Тиил, вставая рядом с другом. – Все взрослые рисуют эйоны.

Матисса бросила взгляд в окно. Около полусотни детей, находящихся на ее попечении, жили в доме с незастекленными окнами, который нарекли Курятником за покрывающую его стены замысловатую резьбу с изображениями птиц. Курятник стоял рядом с центром внутреннего города, поблизости от собственного жилища Духа, часовни Корати, где он проводил все важные встречи. Взрослые предпочитали не спускать с детей глаз.

К несчастью, это означало, что они сами также постоянно находились на виду у детей. За окном тут и там вспыхивали искры света – сотни пальцев чертили в воздухе эйоны. Ночь уже наступила, и детям давно пора было спать, но сегодня заставить их разойтись по постелям оказалось особенно сложно.

«Тиил прав, – подумала девушка. – Что-то происходит».

Тем не менее это не повод разрешать ему не ложиться. Наоборот, чем дольше он не спит, тем дольше она не сможет выйти на улицу и узнать, что случилось.

– Ничего страшного, – сказала Матисса, оглядываясь на детей.

Хотя некоторые уже улеглись на яркие разноцветные простыни, многие с любопытством наблюдали, как Матисса пыталась справиться с двумя нарушителями порядка.

– А вот и нет, – заявил Теор.

– Ну, – со вздохом произнесла Матисса, – они чертят эйоны. Если вам так хочется, мы можем сделать исключение и

лечь спать попозже... При условии, что вы потренируетесь в написании эйонов. Уверена, мы еще успеем провести дополнительный урок.

Теор и Тиил побледнели. Они учились чертить эйоны в школе – Дух настоял, чтобы дети снова пошли учиться. Мальчики отступили, и Матисса скрыла самодовольную улыбку.

– Что ж, приступим, – продолжала она. – Доставайте перья и бумагу. Нарисуем эйон Эйш сто раз.

Мальчишки поняли намек и разошлись по кроватям. Смотрители прохаживались среди детей, желая убедиться, что все заснули. Матисса тоже делала обход.

– Матисса, – позвал ее детский голос. – Я не могу заснуть.

Матисса повернулась к девочке, сидящей на разложенной на полу постели.

– Откуда ты знаешь, Рийка? – с улыбкой спросила она. – Ты ведь только легла и даже не пыталась еще заснуть.

– Я знаю, что не смогу, – бодро отрапортовала девочка. – Май всегда рассказывает сказку перед сном. А без сказки я не могу заснуть.

Матисса вздохнула. Рийка всегда спала плохо, особенно в те ночи, когда вспоминала о своем сеоне. Естественно, он обезумел, когда Рийку забрал Шаод.

– Ложись, милая, – ласково сказала она. – Попробуй заснуть.

– Я не смогу. – Но Рийка все же прилегла.

Матисса закончила обход и вернулась ко входу в зал. Бросила взгляд на свернувшихся в постелях детей – многие еще ворочались и устраивались поудобнее. И наконец позволила себе признать, что разделяет их тревогу. Этой ночью творилось что-то недоброе. Лорд Дух исчез, и, хотя Галладон велел им не волноваться, Матисса сочла это плохим знаком.

– Что они там делают? – прошептал за ее плечом Идотрис.

Девушка бросила взгляд наружу, где вокруг Галладона столпились взрослые, продолжая чертить в ночи эйоны.

– Эйоны не работают, – произнес Идотрис.

Подросток был всего на пару лет старше Матиссы, хотя возраст ничего не значил в Элантрисе, где у всех кожа покрывалась серыми пятнами, а волосы висели безжизненными космами или выпадали вовсе. После Шаода возраст определялся с трудом.

– Может, они практикуются, – ответила Матисса. – Ты же видишь, эйоны светятся силой.

И она действительно видела наполнявшую эйоны силу. Матисса всегда чувствовала, как та бушует в начерченных в воздухе линиях света.

Идотрис фыркнул и сложил руки на груди.

– Они бесполезны.

Матисса улыбнулась. Она не знала, то ли Идотрис всегда такой ворчливый, то ли виной работа в Курятнике. Скорее всего, подростку не нравилось, что из-за юного возраста его не взяли в войско Дэйша, а вместо этого приставили смот-

реть за детьми.

— Останься здесь, — сказала девушка, выходя из Курятника на открытый двор, где стояли взрослые.

Идотрис, по обыкновению, недовольно пробурчал что-то в ответ. Он кивнул другим мальчикам-подросткам, закончившим обход, и уселся на пороге, чтобы никто из детей не выскользнул из спальни.

Матисса бродила по открытым улицам Нового Элантри-са. Ночью похолодало, но девушка не замечала холода. Даже в жалком существовании элантрийца можно найти свои преимущества.

Хотя немногие элантрийцы смотрели на вещи под таким углом. Большинство не считало, что им хоть в чем-то повезло, и не важно, что говорил лорд Дух. Матисса, однако, разделяла его точку зрения. Возможно, причина крылась в том, как поменялась ее жизнь. Там, снаружи, она вела незаметное существование никому не нужной попрошайки. А в Элантрисе она приносила пользу. Она обрела важность. Дети брали с нее пример, и ей не приходилось попрошайничать или думать о том, где стянуть еду.

Конечно, нельзя отрицать, что, пока Дэйш не нашел ее в затянутом слизью переулке, дела обстояли из рук вон плохо. И не надо забывать про раны. Едва попав в Элантрис, Матисса поцарапала щеку. Все это время царапину жгло болью, как в миг травмирования. И все же девушка считала ее небольшой ценой. Во дворце Караты Матисса впервые ощу-

тила себя полезной. Это чувство причастности только усилилось, когда вместе с отрядом Караты она попала в Новый Элантрис.

И конечно, когда ее бросили в Элантрис, она обрела самое главное – отца.

Дэйш с улыбкой обернулся, заметив в свете фонарей приближающуюся девушку. Естественно, он ей не родной отец. Матисса была сиротой еще до того, как ее забрал Шаод. И, как и Карата, Дэйш становился отцом всем детям, которых они находили и приводили во дворец.

И все же девушке казалось, что Дэйш относится к ней с особой симпатией. В присутствии Матиссы суровый воин улыбался чаще и именно к ней обращался с каким-нибудь важным делом. Однажды она просто начала называть его отцом. Он ни разу не возразил. Когда Матисса встала рядом с ним на самом краю внутреннего двора, Дэйш положил ей на плечо руку. Перед ними около сотни людей двигали руками почти в унисон. Пальцы оставляли в воздухе светящиеся линии – когда-то эти следы зывали к могущественной магии Эйон Дор. Стоящий перед группой Галладон давал указания с протяжным дюладельским акцентом.

– Не думал, что увижу тот день, когда дюла будет учить нас, как чертить эйоны, – тихо произнес Дэйш, не убирая вторую руку с навершия на рукояти меча.

Матисса чувствовала исходящее от него напряжение. Она подняла взгляд.

– Не ворчи, отец. Галладон хороший человек.

– Человек он, может, и хороший. Но он не ученый. Ошибок у него больше, чем верных линий.

Матисса не стала говорить, что у самого Дэйша эйоны получались просто ужасно. Она рассматривала его, отмечая угрюмо поджатые губы.

– Ты злишься, что Дух все еще не вернулся, – догадалась девушка.

Дэйш кивнул.

– Он должен быть здесь, со своими людьми, а не гоняться за той женщиной.

– За городом он может узнать важные новости, – тихо произнесла Матисса. – О других народах и их войсках.

– Мир снаружи нас не касается.

Порой Дэйш проявлял потрясающее упрямство.

Если подумать, то почти всегда.

– Хорошо, – сказал стоящий перед толпой Галладон. – Это Даа, эйон силы. Коло? А теперь попробуем добавить линию Бездны. Только не надо добавлять ее к эйону Даа. Мы же не хотим наделать дыр в нашей прекрасной мостовой? Поэтому попробуем добавить ее к эйону Рао – он вроде не делает ничего особенного.

Матисса наморщила лоб:

– Отец, о чем он говорит?

Дэйш пожал плечами:

– Кажется, Дух почему-то решил, что эйоны должны снова

заработать. То ли мы их неправильно чертили все это время, то ли еще что. Я просто не понимаю, как придумавшие их ученые вдруг пропустили целую линию в каждом эйоне.

Матисса сильно сомневалась, что ученые «придумали» эйоны. Было в этих знаках что-то... первобытное. Они существовали сами по себе. Их никто не придумывал, как невозможно придумать ветер.

Но девушка благоразумно промолчала. Дэйш был добрым и целеустремленным человеком, но не отличался способностями к науке. Матисса ничего не имела против; в конце концов, именно меч Дэйша спас Новый Элантрис от разрушения от рук дикарей. Ее отец мог по праву считаться лучшим воином Нового Элантриса.

И все же она с любопытством слушала, как Галладон рассказывает о новой линии. Странную черту полагалось рисовать снизу, поперек каждого эйона.

И что? Тогда эйоны обретут силу? Решение казалось таким простым. Неужели это возможно?

За спиной раздался деликатный кашель. Девушка обернулась, а Дэйш потянул из ножен меч.

В воздухе сзади висел сеон. Не один из тех безумных сеонов, что бесцельно парили в Элантрисе, а настоящий, сияющий полноценным светом.

– Эйш! – радостно воскликнула Матисса.

– Леди Матисса, – запрыгал Эйш.

– Я не леди! Ты же прекрасно знаешь.

– Этот титул всегда казался мне подходящим, леди Матисса, – возразил сеон. – Лорд Дэйш. Леди Карата здесь?

– В библиотеке, – ответил Дэйш, убирая руку с меча.

«В библиотеке? – поразились Матисса. – В какой библиотеке?»

– Вот как, – протянул глубоким голосом Эйш. – Возможно, тогда будет лучше, если я передам послание вам, поскольку, похоже, лорд Галладон сейчас занят.

– Как хочешь, – ответил Дэйш.

– Новая поставка уже в пути, милорд, – тихо произнес сеон. – Леди Сарин хотела сообщить вам как можно скорее, поскольку поставка... носит важный характер.

– Еда? – спросила Матисса.

– Нет, миледи. Оружие.

– Правда? – встрепнулся Дэйш.

– Да, лорд Дэйш, – ответил сеон.

– Зачем она отправила оружие? – нахмурилась Матисса.

– Моя госпожа обеспокоена, – тихо произнес Эйш. – Напряжение снаружи нарастает. Она сказала... она хочет, чтобы Новый Элантрис был готов ко всему, на всякий случай.

– Я сейчас же соберу людей, – сказал Дэйш, – мы пойдем и заберем его.

Эйш запрыгал, показывая, что считает это хорошим предложением. Отец ушел, а Матисса продолжала рассматривать сеона, и вдруг к ней пришла неожиданная мысль. Может...

– Эйш, можно тебя кое о чем попросить? – проговорила

девушка.

– Конечно, леди Матисса, – ответил сеон. – Что вам угодно?

– На самом деле совсем пустяк. Но вдруг поможет...

Эйш закончил сказку, и Матисса улыбнулась про себя, глядя на посапывающую на расстеленной на полу постели Рийку. Впервые за много недель девочка выглядела умиротворенной.

Появление Эйша в Курятнике вызвало всплеск любопытства у тех детей, что еще не спали. Но когда он начал рассказ, догадки Матиссы подтвердились. Глубокий, звучный голос сеона быстро уgomонил детей. Его речь лилась в чудесном успокаивающем ритме. Рассказанная сеоном сказка убаюкала не только маленькую Рийку, но и оставшихся неслухов.

Матисса поднялась, размяла затекшие ноги и кивком указала на ведущую наружу дверь. Эйш поплыл следом, и они снова миновали насупленного Идотриса у главного входа. Подросток кидал камешки в сторону слизня, каким-то образом пробравшегося в Новый Элантрис.

– Прости, что отняла у тебя столько времени, Эйш, – тихо сказала Матисса, когда они отошли достаточно далеко, чтобы не разбудить детей.

– Пустяки, леди Матисса, – ответил сеон. – Леди Сарин может ненадолго обойтись без меня. К тому же я рад возможности снова рассказывать сказки. Моя госпожа уже дав-

но не ребенок.

– Тебя передали леди Сарин, когда она была совсем маленькой? – поинтересовалась Матисса.

– При ее рождении, миледи.

Девушка грустно улыбнулась.

– Не сомневаюсь, что когда-нибудь и у вас будет собственный сеон, леди Матисса, – заверил Эйш.

Она наклонила голову:

– Почему ты так думаешь?

– Когда-то сеоны были почти у каждого элантрийца. Мне начинает казаться, что лорд Дух сумеет восстановить этот город, – в конце концов, восстановил же он Эйон Дор. А если так, мы найдем вам собственного сеона. Возможно, его будут звать Ати. Ведь это же ваш эйон, верно?

– Да, – ответила Матисса. – Это означает «надежда».

– Думаю, это подходящий эйон для вас, – сказал Эйш. – А сейчас, если мои обязанности здесь исполнены, мне пора...

– Матисса! – раздался голос.

Девушка поморщилась, оглядываясь на спящий Курятник. В темноте ночи раскачивался огонек, приближаясь из бокового переуллка, откуда донесся оклик.

– Матисса? – снова окликнули ее.

– Тише, Мареш! – прошипела Матисса и бесшумно пересекла улицу навстречу остановившемуся человеку. – Дети спят!

– Ой... – Мареш замешкался.

Высокомерный мужчина не удовлетворился принятыми в Новом Элантрисе яркими брюками и рубашкой. Он добавил к своей одежде кушак и шарф через плечо, чтобы придать наряду немного «артистичности».

– Где пропадает твой отец? – спросил Мареш.

– Обучает людей обращаться с мечом, – тихо ответила Матисса.

– Что? – воскликнул Мареш. – Ночь на дворе!

Девушка пожала плечами:

– Ты же знаешь Дэйша. Если ему что-то придет в голову...

– Сначала Галладон куда-то делся, – заворчал мужчина, – а теперь и Дэйш отправился махать в ночи мечом. Скорее бы вернулся лорд Дух...

– Галладон ушел? – встрепелась Матисса.

Мареш кивнул:

– Он порой исчезает неизвестно куда. И Карата тоже. Они не говорят, куда уходят. Все время какие-то тайны! Только скажут: «Остаешься за главного, Мареш» – и отправляются обсуждать свои секреты без меня. Подумать только!

И мужчина побрел прочь, унося с собой фонарь. Матисса задумалась. Дэйш упоминал библиотеку. Она задумчиво рассматривала Эйша, все еще висевшего в воздухе перед ней. Может, удастся узнать у него...

И тут раздались первые крики.

Они прозвучали настолько резко, настолько неожиданно, что Матисса вздрогнула. Девушка завертелась на месте, пы-

таясь определить направление звуков. Похоже, они доносились от входа в Новый Элантрис.

– Эйш, – повернулась она к сеону.

– Уже иду, леди Матисса.

Сияющей в ночи точкой он рванулся вперед. Крики продолжались, эхом перекликаясь вдали. Матисса поежилась, бессознательно отступая назад. Она начала разбирать и другие звуки. И среди них – звон металла о металл.

Девушка повернула к Курятнику. Из здания в одной ночной сорочке вышел Тайд, один из немногих взрослых, что присматривали за Курятником. Даже в темноте Матисса разглядела, что он встревожен.

– Ждите здесь, – велел Тайд.

– Не оставляй нас! – испуганно озираясь, взмолился Идотрис.

– Я скоро вернусь.

Тайд быстро зашагал по улице.

Матисса и Идотрис переглянулись. Остальные подростки, присматривавшие сегодня за детьми, уже разошлись на ночь по домам. Остались только они двое.

– Я пойду с ним, – решил Идотрис, направляясь следом за Тайдом.

– Ну уж нет, – заявила Матисса. Она ухватила мальчика за руку и силой вернула на место. В отдалении продолжали кричать. Девушка бросила взгляд на Курятник. – Иди и раз-

буди детей.

– Что? – возмущенно переспросил Идотрис. – После того, как мы с таким трудом их уложили?

– Не спорь, – отрезала Матисса. – Пусть встают и одеваются. И проследи, чтобы они надели башмаки.

Идотрис несколько мгновений колебался, затем недовольно пробормотал что-то себе под нос и зашагал в зал. Вскоре Матисса услышала, что он выполняет ее приказ и будит детей. Девушка побежала к зданию через дорогу, где хранились кое-какие припасы. Внутри она быстро нашла два заправленных маслом фонаря, кремень и огниво.

Затем задумалась. Что она делает? «Я всего лишь готовлюсь на всякий случай», – твердо сказала себе девушка и содрогнулась от новой волны криков. Казалось, что шум приближается. Она побежала обратно.

– Миледи! – позвал откуда-то Эйш.

Матисса подняла голову и увидела летящего к ней сеона. Его эйон потускнел настолько, что она с трудом различала его в темноте.

– Миледи, – настойчиво повторил Эйш. – Солдаты атакуют Новый Элантрис!

– Что? – потрясенно переспросила она.

– Они в красной форме, темноволосые, по виду похожи на уроженцев Фьерделла, миледи. Их там сотни. Наши солдаты сражаются на входе в город, но их слишком мало. Новый Элантрис уже захвачен! Миледи, солдаты идут сюда и

обыскивают все здания по пути.

Матисса стояла как громом пораженная. Нет. Не может быть. Только не здесь. Это мирный город. Он прекрасен.

«Я сбежала из большого мира. Нашла для себя место, где мне рады. Прошное не может настигнуть меня здесь».

– Миледи! – В голосе Эйша звенел ужас. – Эти крики... солдаты убивают всех встреченных на пути!

Они идут сюда.

Матисса продолжала стоять, сжимая в онемевших пальцах фонари. Значит, это конец. Что она может сделать? Она сама еще почти ребенок, попрошайка, девочка без семьи и дома. Чего от нее ожидать?

«Я присматриваю за детьми. Это моя работа. Ее поручил мне лорд Дух».

– Надо вывести их отсюда, – выпалила Матисса и ринулась в Курятник. – Солдаты знают, где искать, потому что мы расчистили этот район Элантриса. Но сам город огромен, и если мы уведем детей в грязную часть, то сможем их там спрятать.

– Да, миледи, – согласился Эйш.

– А ты найди моего отца! – велела Матисса. – Расскажи, что мы собираемся сделать.

С этими словами девушка вбежала в Курятник, а Эйш полетел в ночь.

Внутри Идотрис уже справился с задачей, и сейчас заспанные дети натягивали башмаки.

– Дети, быстрее, – велела Матисса.

– Что происходит? – спросил Тиил.

– Тиил, Теор, мне нужна ваша помощь, – попросила Матисса. – И помощь других детей постарше, хорошо? Вы должны присматривать за младшими. Помогать им идти и следить за тишиной. Понятно?

– Куда идти? – нахмурился Тиил. – Что происходит?

– У нас срочное дело, – ответила Матисса. – Больше я вам ничего не скажу.

– Почему ты командуешь? – Теор встал рядом с другом и упрямо скрестил на груди руки.

– Вы знаете моего отца? – спросила Матисса.

Мальчишки кивнули.

– Вы знаете, что он солдат? – продолжала девушка.

Ответом ей снова был кивок.

– Ну вот, значит, я тоже солдат. Звание передается по наследству. Он капитан, значит я тоже капитан. Поэтому я буду приказывать вам, что делать. Но вы можете быть моими подкапитанами, если пообещаете выполнять все, что я скажу.

Мальчишки задумались, но потом Тиил закивал.

– Вроде все ясно, – согласился он.

– Хорошо. А теперь пошевеливайтесь!

Мальчики отправились помогать младшим детям. Одетых детей Матисса подгоняла к парадному входу и дальше, на темнеющую улицу. Но многие из них уловили творящийся вокруг ужас и перепугались так, что упирались изо всех сил.

– Матисса! – прошипел Идотрис, подходя ближе. – Что происходит?

– Эйш сказал, что на Новый Элантрис напали, – ответила Матисса, опускаясь на корточки рядом с фонарями. – Солдаты убивают всех попавшихся на глаза.

Идотрис молча вытянулся в струнку.

Девушка зажгла фонари и выпрямилась. Как она и надеялась, даже малыши потянулись к свету и исходящему от него ощущению безопасности. Она вручила фонарь Идотрису, заметив выражение ужаса на его лице.

– Что нам делать? – спросил он дрожащим голосом.

– Бежим, – ответила Марисса, быстрыми шагами направляясь к дверям.

Дети последовали за ней. Они предпочли следовать за светом, чем оставаться в одиночестве в темноте. Тиил и Теор помогали малышам, а Идотрис пытался успокоить плачущих. Матисса опасалась идти со светом, но другого выбора не было. Им и так с трудом удавалось заставить детей двигаться, направляя их к ближайшему выходу из Нового Элантриса – к счастью, находившемуся ровно в другой стороне от приближающихся криков.

Такой путь уводил их и от обитаемых районов Нового Элантриса.

Матисса надеялась, что по дороге им встретится кто-нибудь, кого можно будет попросить о помощи. К несчастью, на момент вторжения те взрослые, кто не учился рисовать

эйоны на площади, тренировались с оружием под присмотром ее отца. Единственными жилыми зданиями были те, куда, по словам Эйша, вламывались солдаты.

Их обитатели...

«Не стоит думать об этом сейчас», – твердо заявила себе Матисса, когда потрепанная группа из полусотни детей добралась до границы Нового Элантриса. Они почти спаслись. Они могли...

Сзади раздался хриплый окрик на неизвестном Матиссе языке. Девушка резко развернулась, оглядываясь поверх голов перепуганных детей. В центральной части Нового Элантриса разливалось слабое свечение. Свет исходил от костров.

Город горел.

В обрамлении смертельных языков пламени стоял отряд из трех человек в красной военной форме. В руках у них были мечи.

«Не будут же они убивать детей», – подумала Матисса, еле удерживая фонарь в трясущейся руке.

Но тут она заметила, как блестят глаза солдат. Хищным, мрачным блеском. Солдаты надвигались на группу беглецов. Да, они точно будут убивать детей. Во всяком случае, элантрийских.

– Бегите, – хрипло выдавила Матисса. И тем не менее она понимала, что детям ни за что не убежать от взрослых мужчин.

– Бегите! Давайте же...

Внезапно, словно из ниоткуда, с неба спикировал светящийся шар.

Эйш кружился над головами солдат, пытаясь их отвлечь. Те со злой руганью замахивались мечами и крутили головами, пытаясь попасть по сеону.

Именно поэтому они пропустили мгновение, когда на них бросился Дэйш.

Он напал сбоку, из затянутого тенями переулка Нового Элантриса. Взмахом меча Дэйш сбил с ног одного солдата и развернулся к двум оставшимся, которые с бранью отвернулись от сеона.

– Бегите! – снова крикнула девушка, подталкивая Идотриса.

Дети попятились от взмахов мечей, следуя за фонарем Идотриса в темноту ночи. Матисса замыкала группу, то и дело с тревогой оборачиваясь к отцу.

Дела у него шли плохо. Дэйш был превосходным воином, но его тело стало слабым телом элантрийца, а на подмогу к захватчикам спешили еще двое солдат. Матисса замерла, сжимая дрожащими пальцами фонарь и не зная, что делать. В темноте за спиной сопели дети – они отступали слишком медленно. Дэйш храбро сражался; вместо привычного ржавого меча в его руке сегодня блестело новое оружие – видимо, присланное Сарин. Ему удавалось отбивать удар за ударом, но его неумолимо окружали.

«Я должна что-то сделать!» – металось в голове у Матис-

сы. Она шагнула вперед. В этот миг Дэйш повернулся, и девушка заметила порезы на его лице и теле. Выражение ужаса в глазах отца пригвоздило ее к месту.

– Уходи, – прошептал он.

Хотя голос заглушал лязг мечей, она видела, как двигаются губы.

– Беги!

Один из солдат вонзил меч в грудь Дэйша.

– Нет! – закричала Матисса.

Но это только привлекло внимание захватчиков. Дэйш, содрогаясь, рухнул на землю. Его боль стала невыносимой.

Солдаты переглянулись и двинулись к Матиссе. Отец уложил нескольких, но осталось еще трое.

Матисса окаменела.

– Миледи, прошу вас! – Эйш напряженно парил рядом. – Вам надо бежать!

Отец мертв. Нет, еще хуже – он стал хоедом. Девушка потрясла головой, заставив себя вернуться к происходящему. За свою жизнь нищенки она повидала немало трагедий. Надо продолжать бороться. Это ее долг.

Эти люди могут найти детей. Дети удалялись слишком медленно. Но что, если... Она подняла взгляд на сеона, на светящийся эйон в центре его шара. Он означал «свет».

– Эйш, – настойчиво велела Матисса, бросив взгляд на приближающихся солдат. – Найди Идотриса. Скажи, чтобы погасил фонарь, и отведи его с детьми в безопасное место!

– Куда именно? Сейчас везде опасно.

– Библиотека, о которой ты говорил, – выпалила Матисса. – Где она?

– Точно на север отсюда, миледи. В тайном зале под приземистым зданием. На нем нарисован эйон Рао.

– Там должны быть Галладон и Карата. Отведи детей туда, Карата разберется, что делать дальше.

– Да, миледи, – ответил Эйш. – Это хороший план.

– Не забудь про фонарь, – напомнила Матисса вслед сеону.

Она повернулась к надвигающимся солдатам. Подняла трясущуюся руку и начала чертить.

Воздух взрывался светом, который следовал за пальцем. Девушка лишь усилием воли оставалась на месте, завершив эйон, несмотря на страх. Солдаты остановились, наблюдая за ней, но один сказал что-то на утробном языке, который она определила для себя как фьерделл. И захватчики продолжили наступление.

Матисса дорисовала эйон Эйш – тот самый, что светился внутри ее друга-сеона. Но естественно, ничего не произошло. Эйон просто висел в воздухе, как обычно. Солдаты беспечно приближались, остановившись перед светящимся символом.

«Это обязано сработать», – подумала Матисса, затем ткнула пальцем в место, которое показывал Галладон, и прочертила последнюю линию.

Эйон засиял мощным светом перед лицами солдат. От ударившей в глаза яркой вспышки те вскрикнули и с бранью отшатнулись.

Матисса подхватила с земли фонарь и побежала.

Солдаты закричали и кинулись в погоню. Как и дети ранее, они следовали за светом – за ее светом. Идотрис с группой не успели отойти далеко, девушка еще различала в ночи их колышущиеся тени. Но вспышка ослепила солдат, и вряд ли они могли разглядеть слабое движение. К тому же Идотрис загасил фонарь. Ее фонарь оставался единственным источником света для солдат.

Матисса, в ужасе сжимая ручку фонаря, уводила их в темную ночь. Под звуки погони за спиной девушка влетела на территорию Элантриса. Чистая мостовая под ногами сменилась темной слизью. Матиссе пришлось сбавить темп на поворотах, чтобы не поскользнуться и не упасть. Она чувствовала слабость. Бег тяжело давался элантрийцам. У нее не осталось сил, чтобы двигаться быстро. Изнутри неумолимо поднималась мощная волна усталости. Звуки погони за спиной пропали. Возможно...

Матисса завернула за угол и едва не налетела на пару солдат, притаившихся в темноте. Она потрясенно замерла, не сводя взгляда с мужчин и распознав в них давешних преследователей.

Конечно, они же хорошо обученные воины. Они знают, как окружать врага и отрезать путь к отступлению. Девушка

развернулась, чтобы бежать, но один солдат со смехом схватил ее за руку и сказал что-то на фьерделле.

Матисса закричала, выронив фонарь. Солдат пошатнулся, но хватку не ослабил.

«Думай! – приказала себе девушка. – У тебя всего несколько секунд». Нога поскользнулась на слизи. Матисса замешкалась и позволила себе упасть, подсекая ноги державшего ее солдата.

Она рассчитывала только на одно: она жила в Элантрисе и знала, как передвигаться в его грязи и слизи. А хватчики – нет. Ее удар пришелся в цель, и солдат поскользнулся, толкнув товарища и растянувшись на склизкой улице. От неожиданности он выпустил руку девушки.

Матисса вскочила на ноги и мельком пожалела о своей красивой яркой одежде, теперь перепачканной грязью Элантриса. В ноге вспыхнула новая боль – она подвернула лодыжку. Девушка всегда соблюдала величайшую осторожность, чтобы избегать серьезных травм. Но сейчас боль была сильнее, чем когда-либо ранее, – намного сильнее пореза на щеке. Нога горела жутким огнем, и он не утихал, боль оставалась такой же сильной. Раны элантрийцев не заживали никогда.

И все же Матисса заставила себя захромать прочь. Она двигалась бессознательно, ее вело лишь желание убраться подальше от солдат. Она слышала за спиной, как они ругаются, пытаясь подняться на ноги. Девушка продолжала дви-

гаться хромая. Она не знала, что пошла по кругу, пока снова не увидела разгорающееся зарево над Новым Элантрисом. То есть она вернулась туда, откуда начался ее побег.

Матисса остановилась. Дэйш так и лежал на вымощенной камнями мостовой. Она ринулась к отцу, не думая больше о погоне. В его груди по-прежнему торчал меч, и, наклонившись, девушка расслышала шепот.

– Беги, Матисса. Спасайся.

Бесконечная мантра хоеда.

Матисса рухнула на колени. Она спасла детей.

Этого достаточно. Сзади послышался шум, и, обернувшись, она увидела приближающегося солдата. Должно быть, его товарищ отправился в противоположном направлении. Одежда мужчины перепачкалась слизью, и Матисса сразу его узнала. Это его она опрокинула на мостовую.

«Как же болит нога», – пронеслось в голове. Девушка отвернулась и прижалась к неподвижному телу Дэйша. Она слишком устала – и слишком страдала от боли, – чтобы двигаться дальше.

Солдат схватил ее за плечо и оттащил от тела отца. Затем грубо развернул к себе, отчего заболели еще и руки.

– Скажи мне, – произнес он с сильным акцентом. – Скажи, где остальные дети.

Матисса попыталась вырваться.

– Не знаю, – ответила она.

Но она знала. Эйш сказал ей. «Зачем я спросила его, где

библиотека? – мысленно корила себя девушка. – Если бы я не знала, не смогла бы их выдать!»

– Говори, – настаивал солдат. Он удерживал ее одной рукой, а другой потянулся за ножом на поясе. – Говори, или я сделаю тебе больно. Очень больно.

Матисса снова попыталась выкрутиться из его хватки. Если бы в глазах элантрийцев могли собираться слезы, она бы расплакалась. Словно в доказательство угрозы солдат наставил на нее нож. Матисса в жизни не ощущала такого всепоглощающего ужаса.

И тут земля под ногами затряслась.

Небо на востоке светилось маревом скорого восхода, но этот свет померк на фоне внезапной вспышки, охватившей город вдоль всей границы. Солдат встревоженно поднял глаза к небу.

Матисса вдруг почувствовала тепло.

Она даже не подозревала, как все это время ей не хватало ощущения тепла, настолько девушка привыкла к стилой прохладе элантрийского тела. Но сейчас ее окатила волна жара, словно по венам вдруг растеклась горячая жидкость. Матисса не смогла удержать восторженного вздоха, вызванного этим прекрасным чувством.

Как будто что-то исправилось. Неким чудесным образом все встало на свои места.

Солдат повернулся к ней. Он наклонил голову, затем протянул руку и заглубившим пальцем провел по щеке девушки

– по тому месту, где давным-давно появилась царапина. С недоумением он снова поднял нож.

– Ты излечилась, – сказал он, – но я могу ранить тебя снова.

Матисса чувствовала, как тело наливается силой. Но она по-прежнему оставалась молодой девушкой, а перед ней стоял хорошо обученный воин. Она принялась вырываться, еще не успев осознать, что с кожи исчезли пятна, а сама кожа стала серебристой. Случилось! Как и предсказывал Эйш! Элантрис возвращался к жизни!

А ей предстояло умереть. Так нечестно! Матисса в отчаянии закричала, пытаясь выкрутиться из хватки солдата. Какая злая ирония. Город исцелился, но ничто не помешает ужасному захватчику...

– Кажется, ты упустил кое-что из вида, дружище, – раздался за спиной неожиданный голос.

Солдат удивленно вздрогнул.

– Свет излечил не только ее, – продолжал голос. – Он излечил и меня тоже.

Солдат закричал от боли и рухнул на землю, выпустив плечо Матиссы. Девушка отпрыгнула и поверх тела поверженного захватчика наконец увидела, кто стоит за ним: ее отец, сияющий внутренним светом, без малейшего следа скверны на теле. Он походил на великолепное серебряное божество.

На месте раны в одежде зияла дыра, но на коже не оста-

лось и следа. В руке отец держал тот самый меч, который совсем недавно торчал из груди.

Матисса с рыданием бросилась к отцу – наконец-то она могла снова плакать – и сжала его в объятиях.

– Матисса, где остальные дети? – поспешно спросил Дэйш.

– Я позаботилась о них, отец, – прошептала девушка. – У каждого есть дело. Мое дело – присматривать за детьми.

– И что случилось с детьми? – спросил Раоден.

– Я отвел их в библиотеку, – ответил Эйш. – К тому времени Галладона и Караты там уже не было, – должно быть, мы разминулись, когда они побежали в Новый Элантрис. Но я спрятал детей в библиотеке и оставался с ними, чтобы они не боялись. Я ужасно беспокоился о том, что происходит в городе, но эти бедняжки...

– Прекрасно понимаю, – откликнулся Раоден. – И Матисса... Маленькая дочь Дэйша. Я и не знал, что ей пришлось пройти через такое.

Раоден улыбнулся. В благодарность за заслуги перед Новым Элантрисом принц отдал Дэйшу двух сеонов. Их хозяева умерли, и они оказались не у дел, когда к сеонам вернулся разум после восстановления Элантриса. Одного сеона Дэйш передал дочери.

– Какой сеон в итоге достался Матиссе? – спросил Раоден. – Ати?

– Нет, не он, – ответил Эйш. – У нее сеон Аео.

– Тоже хороший выбор.

Дверь зала отворилась, и Раоден с улыбкой поднялся. В дверях показался живот его беременной жены, королевы Сарин.

– Я тоже так думаю, – согласился Эйш, подплывая к Сарин. – Аео означает «храбрость».

Постскриптум

За этим коротким рассказом стоит интересная история.

Если перенестись в январь 2006 года, мы познакомимся с Эмили (с которой я тогда встречался около двух месяцев, и впоследствии она стала моей женой). На одном свидании Эмили рассказала мне удивительную вещь. Одна ее ученица, восьмиклассница по имени Матисса, написала сочинение по «Элантрису». При этом Матисса не знала, что ее учительница встречается со мной. Она даже не знала, что мы с Эмили знакомы. Просто такое невероятное совпадение.

Так вот, Матисса проделала потрясающую работу. Вместо обычного сочинения она составила атлас планеты Сель; там были зарисовки и биографии персонажей, прикреплены лоскуты элантрийской ткани и маленькие кармашки с материалами, которые упоминались в книге. Эмили показала мне этот атлас, и я был покорен. Тогда я еще только привыкал к тому, что стал издаваемым писателем, и старания, вложен-

ные Матиссой в сочинение, стали одним из самых запоминающихся моментов начала моей карьеры.

В благодарность мне захотелось сделать что-то особенное для Матиссы, которая до сих пор не знала, что ее учительница встречается с одним из ее любимых авторов. Я решил написать небольшой рассказ, сопутствующий «Элантрису».

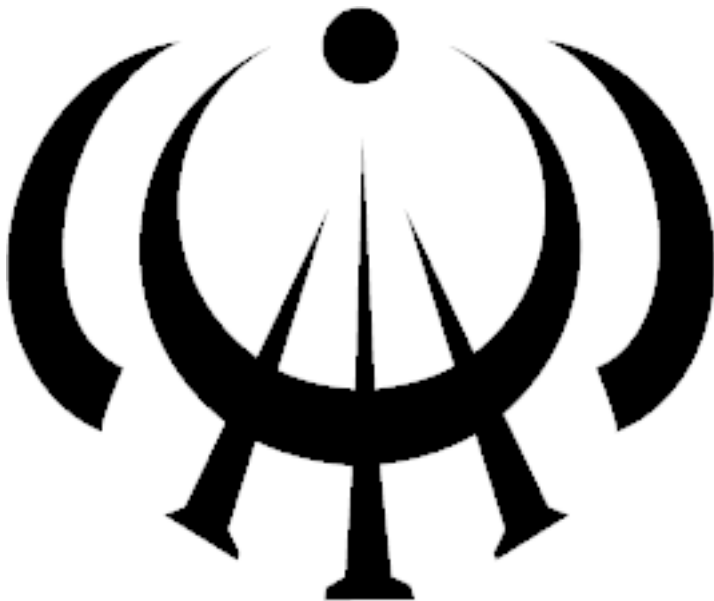
В любом романе есть события, которые автор решает не включать в произведение, чтобы не нарушать темпа. Я всегда знал, что происходило внутри Элантриса, когда Дахор начал наступление. На подсознательном уровне я также знал, что дети спаслись и оказались в безопасности благодаря Дэйшу и сеону Эйшу. Я не хотел, чтобы их убивали вместе с остальными; Карата так старалась защитить их, и моим долгом было избавить детей от страданий и резни в Новом Элантрисе.

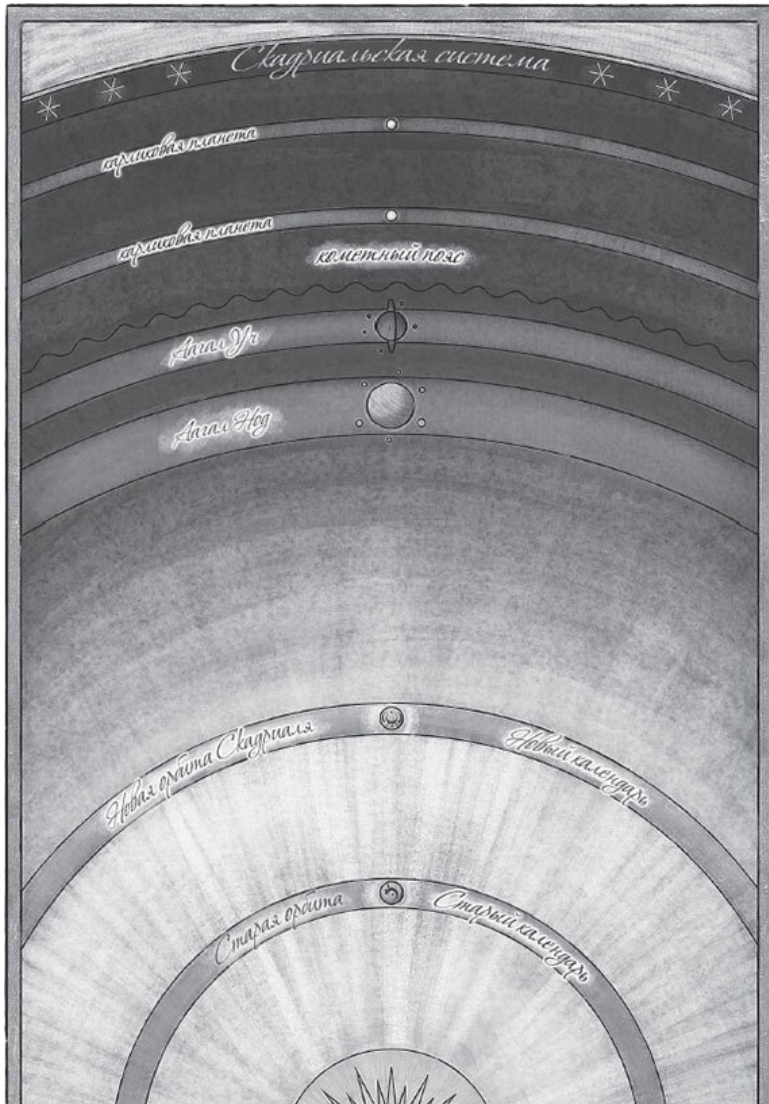
Я решил написать рассказ, чтобы поставить точку в этом вопросе. И поскольку на него меня вдохновила Матисса, я назвал в ее честь главную героиню. Матисса в рассказе ведет себя совсем не так, как ее прототип. Я не знал настоящую Матиссу, я с ней даже не был знаком. Хотя, если подумать, пару раз я ее видел – иногда она приходит на встречи, где я раздаю автографы. Она подарила нам на свадьбу свой атлас по Элантрису.

Глядя сейчас на этот рассказ, могу сказать, что он слегка сентиментален. Надеюсь, что в нем не слишком много мелодрамы. (Такое впечатление может сложиться, если читать его независимо от сюжетной линии «Элантриса».) Но он очень

нравится мне сам по себе.

Скадриальская система

Скадриальская система⁶

Внутренняя система здесь в основном пуста, за исключением планеты Скадриаль, что является удачным стечением обстоятельств – учитывая огромные изменения, которые претерпела система из-за влияния ее Осколков.

Стоит отметить, что человечество на Скадриале процветает, несмотря на повторяющиеся катаклизмы. Конечно, другие планеты в Космере знавали и худшие катастрофы, но ни на одной из них вы не найдете такого преуспевающего, технологически развитого общества, как на Скадриале.

Более того, у меня нет сомнений, что, если бы Вседержитель не подавлял технологию в течение тысячи лет, Скадриаль затмил бы остальные планеты в вопросах науки и прогресса. И последние возникли бы сами по себе, без взаимодействия между обществами, которым мы наслаждаемся в Серебросвете.

Скадриаль, еще одна двуосколочная планета, характеризуется множеством уникальных особенностей. Это одно из двух мест в Космере, где человечество не существовало до появления Осколков. На самом деле мои собственные исследования продемонстрировали, что планета как таковая не существовала до того, как ее Осколки – Разрушитель и Охранитель – прибыли в систему. Они выбрали звезду без соот-

⁶ Перевод Н. Осояну.

ветствующих планет на орбите, отдав предпочтение этому пустынному месту, потому что здесь могли разместить все, что угодно.

Несомненно, Осколки в качестве образца для подражания взяли человечество Йолена – оба Вместилища до Вознесения были людьми, которые произошли именно оттуда, – и на этой основе сотворили жизнь. Потому флора и фауна Скадриаля очень похожи на йоленские, если говорить о наименее приятных регионах. Еще сам Скадриаль очень похож на Йолен по величине и силе тяжести: оба параметра составляют ровно единицу от космерского стандарта.

Хотя Осколки создали эту планету вместе, она быстро стала символом – и призом – их конфликта. Говорить о личностях самих Вместилищ не в моей компетенции; за этим предпочтительнее обращаться не к арканисту, а к моим коллегам, которые специализируются на биографиях и истории, предшествующей возникновению Осколков. Однако могу сказать, что их конфликт непосредственным образом отразился на том, как на Скадриале используется Инвеститура.

Это мощная магия, зачастую дающая людям непосредственный доступ к грандиозным всплескам силы. Предлагаю любому заинтересованному лицу попытаться найти другую планету – за исключением Рошара, – где подобная мощь Инвеституры является обычным делом в руках смертных. На протяжении всей истории Скадриаля мужчины и женщины периодически получали доступ к огромному резерву силы,

и последствия были невероятными. Самым очевидным доказательством этого является тот факт, что на звездных картах, которые столь любезно предоставил Гуин, указаны две орбиты. В различные моменты времени индивидуумы, владеющие внушительными объемами Инвеституры, в буквальном смысле переместили планету. (Ремарка: как результат, попытки разобраться в хронологии исторических событий на Скадриале обречены на провал.)

Многу написано многое о скадриальской магии. В самом деле, можно заполнить целые тома тем, что я думаю об алломантии, ферухимии и гемалургии. Я утверждаю, однако, что из этих трех сил наибольшее потенциальное влияние на Космер может оказать гемалургия. Пригодное для использования любым человеком, обладающим правильными знаниями, это опасное творение оказалось способным деформировать души независимо от планеты или Инвеституры, создавая ложные связи, которые не были намеренно сотворены или задуманы каким-нибудь Осколком.

Хотя планетная система довольно скучная, сам Скадриаль снова и снова оказывается интригующим. И это несмотря на то, что раньше люди жили на относительно небольшой части планеты. (Обстоятельства начали меняться, как только удалось избавиться от экстремальных ограничений, связанных с существованием Последней империи.)

От адаптации (как вынужденной, так и протекающей естественным путем) людей, живущих на поверхности, до об-

ширных преобразований ландшафта в течение различных эпох – все, что касается Скадриаля, остается моей любимой темой для научного исследования космерских планет. Формы взаимодействия местной магии с естественной физикой многочисленны, разнообразны и увлекательны.

Одиннадцатый металл⁷

Эта история может быть прочитана до оригинальной трилогии «Рожденный туманом».

⁷ Перевод Н. Осояну.

Кельсер сжимал маленький, трепещущий листок бумаги двумя пальцами. Ветер метался туда-сюда, пытаясь вырвать листок, но он держал крепко. Рисунок был неправильный.

Он пробовал по меньшей мере две дюжины раз нарисовать все верно, воспроизвести картинку, которую она всегда носила с собой. Он был уверен, что оригинал уничтожен. У него не осталось никаких ее следов, ничего, что напоминало бы о ней. Поэтому он безуспешно силился воссоздать образ, которым она так дорожила.

Цветок. Вот как это называлось. Миф, сказка. Мечта.

– Ты должен это прекратить, – прорычал его спутник. – Мне следовало бы запретить тебе их рисовать.

– Попробуй, – мягко сказал Кельсер, складывая маленький листок бумаги двумя пальцами и засовывая его в карман

рубашки.

Позже он попытается еще раз. Форма лепестков должна больше напоминать слезу.

Кельсер спокойно посмотрел на Джеммела, улыбнулся. Улыбка получилась вымученной. Как можно веселиться в мире, где не было ее?

Но Кельсер продолжал улыбаться. Он будет делать это до тех пор, пока не почувствует себя естественно. Пока не пройдет оцепенение, не развяжется узел внутри, пока он не начнет снова что-то ощущать. Если это вообще возможно.

«Пожалуйста, пусть так случится».

– Рисование этих картинок напоминает тебе о прошлом, – отрезал Джеммел. У пожилого мужчины была взъерошенная седая борода, а шевелюра выглядела настолько неухоженной, что даже казалась намного опрятнее, когда ее трепал ветер.

– Так и есть, – подтвердил Кельсер. – Я никогда ее не забуду.

– Она предала тебя. Живи дальше.

Джеммел не стал дожидаться, пока Кельсер продолжит спор. Он двинулся прочь; он часто прекращал перепалки столь внезапно.

Кельсер не зажмурился, хотя и хотелось. Он не закричал, бросая вызов умирающему дню, пусть это и было его стремлением. Он отбросил мысли о предательстве Мэйр. Не стоило рассказывать Джеммелу о своем бремене.

Но он рассказал. Так уж вышло.

Кельсер из последних сил улыбнулся еще шире.

Джеммел оглянулся на него.

– Ты выглядишь жутко, когда улыбишься.

– Это потому, что ты в жизни не видел настоящей улыбки, старая куча пепла, – сказал Кельсер, присоединяясь к Джеммелу у стеночки на краю крыши.

Они смотрели вниз на унылый город Мантиз, тонувший в пепле. Люди здесь, на северной окраине Западного доминиона, не так хорошо справлялись с уборкой, как в Лютадели.

Кельсер предполагал, что тут будет меньше пепла, – неподалеку от провинции высилась только одна Пепельная гора. Казалось, пеплопады и впрямь шли намного реже. Но из-за того, что никто не занимался уборкой как следует, по ощущениям его было все-таки больше.

Кельсер ухватился рукой за выступ стены. Ему никогда не нравилась эта часть Западного доминиона. Здания здесь выглядели... оплавленными. Нет, неправильное слово. Они казались слишком закругленными, без острых углов, и редко были симметричными – одна сторона здания могла быть выше или более бугристой, чем другая.

А вот пепел, старый знакомец, покрывал здешние постройки в точности тем же образом, что и повсюду в империи, окрашивая все в однообразные оттенки серого и черного. Пепел устилал улицы, налипал на здания, громоздился кучами в переулках. Пепел, который извергали Пепельные

горы, больше походил на сажу и был гораздо темнее, чем пепел от обычного костра.

– Которая из них? – спросил Кельсер, обводя взглядом четыре массивные башни, вырисовывающиеся на горизонте города.

Мантиз был большим поселением по меркам этого доминиона, хотя, конечно, не мог сравниться с Лютаделью. Таких городов, как Лютадель, больше не существовало. И все же Мантиз вызывал некоторое уважение.

– Крепость Шезлер, – сказал Джеммел, указывая на высокое стройное здание посередине.

Кельсер кивнул:

– Шезлер. Я легко смогу войти. Мне понадобится наряд – хорошая одежда, кое-какие украшения. Нужно найти место, где я смогу продать бусину атиума, и портного, который будет держать рот на замке.

Джеммел фыркнул.

– У меня лютадельский акцент, – продолжил Кельсер. – Судя по тому, что я слышал на улицах ранее, лорд Шезлер абсолютно без ума от лютадельской знати. Он будет лебезить перед кем-то, кто представится правильно; он хочет иметь связи с обществом поближе к столице. Я...

– Ты мыслишь не как алломант, – резко оборвал его Джеммел.

– Я воспользуюсь эмоциональной алломантией. Превращу его в...

Джеммел-оборванец внезапно зарычал и стремительно повернулся к Кельсеру. Схватил за рубашку, повалил и навис над ним так, что на крыше задрезбужала черепица.

– Ты – рожденный туманом, а не какой-нибудь уличный гаильщик, работающий за гроши! Хочешь, чтобы тебя снова схватили? Хочешь, чтобы тебя сцапали *его* приспешники и отправили туда, где тебе самое место? Так?

Кельсер ответил Джеммелу яростным взглядом, и туман вокруг них сгустился. Иногда Джеммел казался скорее зверем, чем человеком. Оборванец забормотал что-то себе под нос, словно обращаясь к другу, которого Кельсер не видел и не слышал.

Джеммел наклонился ближе, продолжая бормотать, его прерывистое дыхание несло дурной запах изо рта, а округлившиеся глаза казались безумными. Оборванец был не совсем в своем уме. Нет. Это было грубое преуменьшение. У компаньона Кельсера осталась лишь толика здравомыслия, и даже она уже таяла.

Но он был единственным рожденным туманом, которого знал Кельсер, – и, пропади оно все пропадом, ему необходимо учиться у этого чудака. Иначе придется брать уроки у какого-нибудь аристократа.

– А теперь послушай, – взмолился Джеммел. – Послушай меня хоть раз! Я здесь, чтобы научить тебя сражаться. Не болтать. Болтать ты и так умеешь. Мы пришли сюда не для того, чтобы ты вошел в крепость прогулочным шагом, изоб-

ражая аристократа, как в старые добрые времена. Я не позволю тебе обойтись трепотней, не позволю – и все тут. Ты – рожденный туманом. Ты будешь драться.

– Я воспользуюсь любым инструментом, какой окажется под рукой.

– Ты будешь драться! Хочешь снова стать слабым, позволить им себя скрутить?

Кельсер промолчал.

– Ты же хочешь отомстить? Верно?

– Да! – прорычал Кельсер.

Нечто массивное и темное шевельнулось в нем – словно зверь, разбуженный подначками Джеммела. Это нечто ощущалось даже сквозь оцепенение.

– Ты хочешь убивать, не так ли? За то, что они сделали с тобой и той, что тебе дорога? За то, что отняли ее у тебя? Так, мальчишка?

– Да! – рывкнул Кельсер и, яростно воспламенив металлы, оттолкнул Джеммела.

Воспоминания. Темная дыра, выстланная острыми как бритва кристаллами. Ее рыдания, когда умирала. Его рыдания, когда они изломали его. Скомкали. Разорвали на части.

Его крики, когда он переделывал себя.

– Да, – сказал он, поднимаясь на ноги и чувствуя, как внутри горит пьютер.

Он заставил себя улыбнуться.

– Да, я отомщу, Джеммел. Но я поступлю по-своему.

– Это как же?

Кельсер запнулся.

Для него происходящее было необычным. Раньше у него всегда был план. Планы сменяли друг друга. А теперь – без нее, вообще без всего... Искра погасла – та самая искра, которая всегда выводила его за общепризнанные пределы возможного. Она вела его от плана к плану, от ограбления к ограблению, от богатства к богатству.

Теперь искра исчезла, сменившись онемелым сгустком. Нынче он ощущал только ярость, но ярость не могла его вести.

Он не знал, что делать. Он это ненавидел. Он всегда знал, как надо поступать. Но сейчас...

Джеммел фыркнул:

– Когда я закончу с тобой, ты сможешь убить сотню человек одной монетой. Ты сможешь вытащить из рук противника его собственный меч и сразить его им же. Ты сможешь сокрушать людей в доспехах и рассекать воздух, как туман во плоти. Ты станешь богом. Тратить время на эмоциональную алломантию будешь после того, как я добыю своего. А пока ты будешь убивать.

Бородатый безумец в лохмотьях отскочил к стене и установился на замок. Кельсер медленно обуздал гнев, потирая грудь в том месте, где его прижали к крыше. И... кое-что странное пришло ему на ум.

– Откуда ты знаешь, каким я был в прежние времена,

Джеммел? – прошептал Кельсер. – Кто ты такой?

В ночи горели фонари и прожектора, их свет пробивался сквозь окна и просачивался через клубящийся туман. Джеммел присел на корточки у стены, снова что-то шепча себе под нос. Если он и услышал вопрос Кельсера, то проигнорировал его.

– Ты должен жечь металлы, – сказал Джеммел, когда Кельсер приблизился.

Кельсер едва не ляпнул в ответ, что не хочет тратить их впустую. Он уже объяснил, что, будучи ребенком-скаа, научился беречь ресурсы. Джеммел только посмеялся в ответ. В то время Кельсер полагал, что смех вызван природной неустойчивостью наставника.

Но... может, он просто знал правду? Знал, что Кельсер не вырос бедным скаа, сыном улиц? Что он и его брат жили привилегированной жизнью и никто в обществе не подозревал, что на самом деле они полукровки?

Он ненавидел аристократов, это правда. Их балы и вечеринки, их чопорное самодовольство, их высокомерие. Но он не мог отрицать хотя бы перед самим собой, что принадлежит к их числу. По крайней мере, в той же степени, что и к уличным скаа.

– Ну? – спросил Джеммел.

Кельсер воспламенил некоторые металлы внутри себя, запалил кое-какие из восьми металлических запасов. Он слышал, как алломанты иногда говорили об этих запасах, но не

предполагал, что однажды почувствует их сам. Они были источниками энергии, из которых он питался.

Жечь металлы внутри собственного тела. Как странно это звучало – и в то же время как естественно ощущалось. Так же естественно, как вдыхать воздух и черпать из него силу. Каждый из восьми резервов каким-то образом умножал его возможности.

– Все восемь, – приказал Джеммел. – Все до единого.

Значит, он сам воспламенил бронзу, раз чувствовал, что горит внутри Кельсера.

Кельсер поджег только четыре физических металла. Он неохотно сделал то же самое с остальными. Джеммел кивнул; теперь, когда Кельсер жег медь, все признаки его алломантии исчезли для посторонних. Медь – полезный металл; она скрывала алломанта от чужаков и делала невосприимчивым к эмоциональной алломантии.

Некоторые высказывались о меди пренебрежительно. Она не годилась для драки; с ее помощью не поменяешь природу вещей. Но Кельсер всегда завидовал своему другу Трапу, который был медным туманщиком. Очень важно знать, что твои эмоции – не следствие вмешательства извне.

Конечно, горящая медь означала, что он должен признать: все чувства – боль, гнев и даже оцепенение – были его собственными.

– Вперед, – сказал Джеммел и прыгнул в ночную тьму.

Туман сгустился почти полностью. Он приходил каждую

ночь, иногда густой, иногда более прозрачный. Так или иначе, он всегда был рядом. Туман двигался, как сотни ручьев, нагроможденных один на другой. Они перемещались и кружились, более плотные и более *живые*, чем обычное природное явление.

Кельсер всегда любил туман по причинам, которые не мог объяснить. По мнению Марша, причина была в том, что все остальные боялись «марева», а Кельсер слишком высокомерен, чтобы следовать примеру остальных. Конечно, Марш тоже никогда не боялся. Оба брата что-то чувствовали – какое-то понимание, осознание. Некоторые ощущали себя в тумане как дома.

Кельсер спрыгнул с низкой крыши; горящий внутри пьютер наделил его силой и позволил приземлиться уверенно. Затем он последовал за Джеммелом – побежал босиком по булыжной мостовой. Олово горело в желудке; оно усиливало осознанность, умножало все ощущения. Туман казался более влажным, осаждающиеся капли покалывали кожу и охладили. Кельсер слышал, как в дальних переулках снуют крысы, лают собаки, в соседнем доме негромко похрапывает человек. Тысячи звуков, неуловимые для ушей обычного человека. Временами, когда горело олово, мир превращался в какофонию. Кельсер не разжигал этот металл слишком сильно, чтобы шум не отвлекал. Жег его ровно настолько, чтобы лучше видеть; из-за олова туман выглядел прозрачнее, хотя Кельсер и не понимал почему.

Он следовал за темным силуэтом Джеммела; вместе они достигли стены вокруг крепости Шезлер и прижались к ней спиной. На вершине этой стены стражники перекликались друг с другом в ночи.

Джеммел кивнул и бросил монету. Через секунду тощий бородатый мужчина взмыл в воздух. На нем был туманный плащ – темно-серый, ниже груди состоящий из множества ленточек. Кельсер просил себе такой же. Джеммел лишь посмеялся над ним.

Кельсер подошел к упавшей монете. Туман поблизости опускался, завиваясь спиральным узором, – он всегда стремился к алломантам, которые жгли металлы, как насекомое стремится к пламени. Кельсер видел, как такое происходило рядом с Маршем.

Кельсер присел возле монеты. Тонкая голубая линия – почти паутинка – тянулась от груди к металлическому кругляшу. На самом деле таких линий были сотни: они указывали на каждый металлический предмет поблизости. Их порождали железо и сталь, один металл предназначался для отталкивания, другой – для притягивания. Джеммел велел ему воспламенить все металлы, но Джеммел часто нес какую-то околесицу. Не было никакой причины жечь и сталь, и железо; они выполняли противоположные функции.

Он погасил железо, оставив только сталь. С помощью стали можно было отталкиваться от любого источника металла, на который указывала линия. Толчок был ментальным,

но ощущался примерно так же, как если бы он упирался во что-то руками.

Кельсер встал над монетой и оттолкнулся от нее, как учил Джеммел. Поскольку монета не могла опуститься, Кельсера подбросило вверх. Он подпрыгнул в воздух на пятнадцать футов, затем неуклюже ухватился за выступ стены наверху. Он хмыкнул, подтягиваясь через край.

Новый пучок синих линий появился у него в груди, утолщаясь. Металлические предметы быстро приближались к нему.

Кельсер выругался, вскинул руку и толкнул. Летевшие в его сторону монеты отбросило в ночь, они унеслись сквозь туман. Джеммел – несомненно, источник монет – шагнул вперед. Иногда он нападал на Кельсера, а в первую совместную ночь сбросил его со скалы.

Кельсер все еще не мог окончательно решить, было ли это испытаниями, или же помешанный наставник действительно пытался убить его.

– Нет, – пробормотал Джеммел. – Нет, он мне нравится. Он почти не жалуется. Остальные трое все время ныли. Этот очень силен. Нет. Недостаточно силен. Нет. Еще нет. Он научится.

За спиной Джеммела на стене виднелась пара бесформенных выпуклостей. Мертвые стражники; кровавые следы на камнях. Кровь в ночи выглядела черной. Туман как будто... боялся Джеммела. Он не вертелся вокруг него, как возле

других алломантов.

Нет, чушь какая-то. Померещилось. Кельсер встал и ничего не сказал о нападении. Все равно толку не будет. Ему просто надо сохранять бдительность и научиться от этого человека всему, чему только можно. И желательно, чтобы его в процессе не убили.

– Ты не должен отталкивать рукой, – проворчал Джемел. – Теряешь время. И научись жечь пьютер постоянно. Ты не должен с таким трудом перелезть через край стены.

– Я...

– Только не вздумай оправдываться, дескать, металлы экономил, – перебил Джемел, осматривая крепость впереди. – Я встречал уличных детей. Они не экономят. Если нападешь на одного из них, он или она использует все, что есть, – каждую крупицу силы, каждый трюк, – чтобы уничтожить тебя. Они знают, как близки к краю. Молись, чтобы тебе никогда не пришлось столкнуться с ними, красавчик. Они разорвут тебя на части, сожрут и сделают себе новые запасы из того, что ты оставишь после себя.

– Я хотел сказать, – спокойно ответил Кельсер, – ты даже не объяснил, что мы будем делать сегодня вечером.

– Проникать в крепость, – сказал Джемел, прищурившись.

– Зачем?

– А какая разница?

– Большая.

– Там есть кое-что важное, – сказал Джеммел. – И мы выясним, что именно.

– Ну это все объясняет. Спасибо за откровенность. Не мог бы ты просветить меня на тему смысла жизни, раз уж внешне начал так блистательно отвечать на вопросы?

– Да чтоб я знал. Сдается мне, смысл жизни в том, чтобы помереть.

Кельсер подавил стон и прислонился к стене. «Я сказал это, – понял он, – ожидая услышать в ответ какую-нибудь колкость. Вседержитель, я скучаю по Доксу и банде».

Джеммел не понимал юмора, даже жалких потуг пошутить. «Мне нужно вернуться, – подумал Кельсер. – Вернуться к людям, которых заботит жизнь. Вернуться к друзьям».

От этой мысли он вздрогнул. Прошло всего три месяца после... событий в Ямах Хатсина. Порезы на руках стали просто шрамами. Он все равно почесал их.

Кельсер понимал, что его юмор был натянутым, а улыбки скорее мертвыми, чем живыми. Он не знал, почему так отчаянно стремился отложить возвращение в Лютадель, но все-таки стремился. Открытые раны, зияющие дыры в его сути, никак не заживали. Он должен был держаться подальше от остальных! Он не хотел, чтобы его видели таким. Неуверенным в себе, беспокойно спящим по ночам, переживающим ужасы, которые еще свежи в памяти. Человеком без плана, без мечты.

Кроме того, ему нужно было усвоить науку Джеммела.

Он не мог вернуться в Лютадель до того, как... до того, как вновь станет самим собой. Или, по крайней мере, покрытой шрамами версией самого себя, чьи раны затянулись, а воспоминания больше не тревожат.

– Ну, тогда давай продолжим, – сказал Кельсер.

Джеммел сердито зыркнул на него. Старому сумасшедшему не нравилось, когда Кельсер пытался взять ситуацию под контроль. Но... что ж, именно это Кельсер и делал. Кто-то же должен.

Крепость Шезлер построили в архитектурном стиле, который выглядел необычно, однако на самом деле был типичным для любой области Западного доминиона, далекого от Лютадели. Никаких каменных блоков и шпилей; она выглядела почти природным явлением, но отличалась четырьмя заостренными башнями на фасаде. Кельсер подумал, что здешние здания, наверное, построены из каменных каркасов, поверх которых с помощью чего-то вроде затвердевшей грязи вылеплены и сформированы все эти изгибы и выпуклости. Твердыня Шезлер, как и остальные здания в этом городе, казалась Кельсеру недостроенной.

– Ну и куда? – спросил он.

– Вверх, – сказал Джеммел. – Потом вниз.

Наставник прыгнул со стены и бросил монету. От алломантического толчка и давления его веса металлическая шутовина понеслась вниз. Когда она ударилась о землю, Джеммел рванулся выше, к зданию.

Кельсер тоже прыгнул и оттолкнулся от собственной монеты. Они вдвоем пересекли пространство между скульптурной, вылепленной стеной и озаренной светом башней. Мощные прожекторы горели за витражными окнами; здесь, в Западном доминионе, окна часто были странной формы – не найдешь двух одинаковых. Неужели местные ничего не смыслят в правильной эстетике?

Ближе к зданию Кельсер перешел на алломантическое притягивание вместо отталкивания – переключился с горячей стали на горящее железо, затем дернул за голубую линию, что вела к стальной оконной раме. Его повлекло вверх, словно он был к чему-то привязан. Маневр отличался большей сложностью: земля продолжала тянуть Кельсера вниз, но к тому же у него сохранялся импульс движения вперед, и поэтому применять алломантию следовало с осторожностью, чтобы никуда не врезаться.

Пользуясь алломантическим притягиванием, Кельсер набирал высоту. Он нуждался в этом: крепость Шезлер была высокой, как любая крепость в Лютадели. Два алломанта прыгали по фасаду, хватаясь за выступы на каменной кладке или отталкиваясь от них. Кельсер приземлился на карниз, замахал руками и схватился за статую, которая стояла там без видимой причины. Ее покрывали кусочки разноцветной глазури.

Справа пролетел Джеммел; второй рожденный туманом двигался искусно и грациозно. Он бросил монету в сторо-

ну, где она ударилась о выступ стены. Затем, надавив на нее, Джеммел подтолкнул себя в нужном направлении. Развернулся – туманный плащ рассек туман, – подтянулся к другому витражному окну. Достиг цели и повис там, как насекомое, хватая пальцами кусочки металла и камня.

Через окно лился мощный поток света, который распадался на разные цвета и усеивал Джеммела бликами, словно и он был покрыт кусочками глазури. Наставник посмотрел на Кельсера, улыбаясь. В этом освещении, облаченный в туманный плащ и окруженный танцующим туманом, Джеммел выглядел весьма величественно. Он уже не был похож на оборванного безумца. В нем проступило что-то грандиозное.

Джеммел прыгнул в туман, затем подтянулся вверх. Кельсер посмотрел ему вслед и с удивлением обнаружил, что заводит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.